

A woman with long, wavy brown hair and red lipstick is depicted as an angel. She wears a white, short-sleeved, lace-trimmed dress and has large, white, feathered wings. She is looking upwards and to the left, with her right hand near her chest and her left arm extended outwards. The background is a deep blue with white stars and bokeh light effects.

ИРИНА БУРЯ

**АНГЕЛ
СТАЖЕР**

Ирина Буря

Ангел-стажер

«Автор»

2026

Буря И.

Ангел-стажер / И. Буря — «Автор», 2026

Попав в небесное сообщество, Татьяна и ее ангел вынуждены начинать все заново. Татьяна теряет память, ангел - работу. Но они находят друг друга и делают все возможное и невозможное, чтобы добиться признания своего сына и вернуться к нему на землю. На своем пути они узнают много нового о себе и встречают новых знакомых. Еще не зная, что путь этот проложен для них небесным руководством и ведет их в несколько ином направлении

© Буря И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Буря Ангел-стажер

*Стремится ввысь душа людей,
Земли отринув притяжение
И бесконечные сомненья
Наполненных рутиной дней.
Не манну ищет, не покой,
Забвение - удел подземный,
А здесь, вверху, лишь каждодневный
За совершенство вечный бой.
(Из записей темного Гения)*

ГЛАВА 1. Пробуждение

Нет, ну это просто переходит все границы!

Уже по привычке мгновенно вспыхив, я — так же по привычке — тут же подавила недостойную Ангела вспышку раздражения.

Временами мне вообще казалось, что я попала в общество этих замечательных, добродушных, позитивных Ангелов по какой-то ошибке. Всем им с такой легкостью давалось это открытое, дружелюбное, прямо-таки доверчивое отношение друг к другу, тогда как я...

Нет, эти мысли тоже нужно гнать от себя подальше. Если мое место не здесь, то где же оно?

Дело в том, что я абсолютно, совершенно, ничегошеньки не могла вспомнить ни о каком другом месте.

И как прикажете сохранять это ровное дружелюбие в единственном знакомом тебе месте, если за каждым углом в нем тебя постоянно подкарауливает неизменный источник раздражения?

Ну вот, опять взвилась. Да что же он ко мне привязался-то? Словно других Ангелов вокруг нет — спокойных, уравновешенных. Словно ему нужно именно меня из себя вывести. Словно он специально меня провоцирует...

А если действительно специально? До меня вдруг дошло, что больше ни у одного Ангела из моей группы не было никаких посторонних контактов.

Нас ведь предупреждали, что чрезмерно тесное общение даже в пределах группы не приветствуется. На занятиях — да: если у кого-то возникал вопрос, наши преподаватели частенько давали возможность другому из нас ответить, затем вовлекая и остальных в обсуждение.

Но в свободное время от нас ожидалась углубленная самостоятельная работа. Нам ясно дали понять, что само существование Ангельского сообщества основано на полной самоотдаче каждого из его членов, что всех нас ждут в нем с нетерпением, и что наша задача состоит в том, чтобы максимально приблизить момент, когда мы сможем начать применять полученные знания на благо всего сообщества.

По правде говоря, у меня почему-то не получалось приближать этот радостный момент непрерывно, без единого мгновенья отдыха.

Отдыха? А это слово откуда взялось? Что оно значит? На меня вдруг снова накатило то звенящее ощущение, когда казалось, что вот еще совсем немного, совсем чуть-чуть — и я что-то вспомню. Хотя что-то. Я судорожно пыталась нащупать это что-то — и ощущение тут же исчезло. Снова.

Ладно. Наверно, отдых — это что-то лично мое, что-то нужное только мне. Тогда скорее всего, отдых — это когда мне нужно подумать, вот недаром мысли заметались, как только это слово всплыло в памяти.

Мне действительно всегда нужно было обдумать все, чему меня учили, и почему-то на ходу. И я уходила побродить чуть ли не с самого первого дня наших занятий. Я видела, что другие Ангелы из моей группы занимались в своих двориках, но каждый из них был таким крохотным, что ходить по нему можно было только по кругу, и также по кругу начинали ходить мои мысли.

Нет, лучше всего мне думалось, когда под ногами была дорожка, которая бежала вперед и вперед, куда-то...

Вот, кстати, это звенящее чувство вот-вот-воспоминания впервые возникло у меня, когда я рискнула выйти из своего дворика и увидела чуть вдалеке лабиринт дорожек, переходящих друг в друга, петляющих между высокими деревьями, скрывающихся между ними... Вдруг захотелось пойти по ним, не выбирая и сворачивая, где придется...

Конечно, я тут же себя остановила. Что я обнаружу там, вдалеке, еще не известно, а вот дорогу назад могу и не найти, и потом как-то стало ужасно неловко терять драгоценное время обучения на... непонятно, на что.

И между прочим, этот несносный приставучий нахал тоже появился в одну из моих первых прогулок. И сразу же разозлил меня — не дал ни подумать как следует, ни к занятиям быстро вернуться. Неужели это была не случайная встреча? Неужели это было испытание моей приветливости и открытости?

Но почему? Почему меня? Испытывают только тех, в ком сомневаются. Значит, во мне все-таки сомневаются? Но до того момента я ни разу по-настоящему не разозлилась, даже мысленно. Я даже вопросы на занятиях не задавала, мне всегда было как-то естественнее слушать — и потом обдумывать услышанное. Я вообще тогда еще ни с кем не говорила!

О Господи, говорила. И не один раз. С моим наставником. Что же она такого услышала в моих словах, навещая меня все то время до начала занятий, когда я только-только проснулась?

Почему проснулась? Опять слово, которое я не могу объяснить. И другого подобрать не могу. Очнулась? Появилась? Пришла в себя?

Вообще-то, о том первом ощущении мне даже вспоминать не хотелось. Смешнее всего звучит «пришла в себя». Не было у меня в тот момент никакого «себя».

Моим первым ощущением был свет. Белый, неяркий, рассеянный, обволакивающий. Он словно прилипал ко мне, пытался проникнуть, втиснуться...

Вдруг он исчез. И одновременно у меня возникла первая мысль: «Я закрыла глаза». Глаза? Слово показалось знакомым. Да, у меня есть глаза. А еще что?

Я приоткрыла один глаз, чуть-чуть, чтобы этот свет не ринулся в него сразу, и увидела какой-то продолговатый объект, тоже белый. А нет, не совсем, в конце его и по бокам было что-то другого цвета.

Пальцы, всплыло в памяти, это — мои пальцы, и они тут же зашевелились.

Я приоткрыла второй глаз (если не широко их раскрывать, то свет не нападает) и принялась рассматривать продолговатый белый объект. Слова в памяти стали всплывать гроздьями: руки, ноги, туловище... А почему они другого цвета?

Одна рука вдруг резко согнулась, рывком поднеся пальцы к моим глазам, которые тут же закрылись. Да нет, не может же моя собственная рука на меня напасть!

Я снова открыла глаза — оказалось, что рука такого же цвета, как и пальцы, просто на ней было что-то белое и какое-то другое наощупь. Одежда — еще одно слово.

Как выяснилось, вторая рука тоже сгибалась, и ноги тоже — и по отдельности, и вместе. А туловище?

Туловище почему-то не захотело: я несколько раз попыталась согнуть его, но оно упрямо распрямлялось и вытягивалось. Вдруг руки согнулись как-то иначе, пальцы на них закралась под туловище, растопырились, напряглись — и ближайшая ко мне часть туловища рывком взлетела вверх.

Как-то очень неудобно стало — пальцы ног оказались ближе, но где-то внизу, а в самих ногах возникло чувство явного дискомфорта. Не успела я подумать, что туловищу, наверно, сгибаться не положено, как оно вдруг развернулось, потянув за собой ноги, которые тут же согнулись, и дальняя их часть пропала из поля моего зрения.

Нет-нет-нет, куда? Это же мои ноги! Я еще сильнее согнула туловище и тут же успокоилась, увидев их в целости и сохранности на другой белой поверхности, внизу.

Понятно, значит, руки сгибают туловище, а оно — ноги. Кстати, руки для этого упирались в эту ближнюю ко мне поверхность, а если ногами упереться в ту нижнюю, на которой они оказались?

Туловище вдруг снова рвануло вверх, и все части моего тела распрямились. Ну что ж, логично: сгибание начинается с рук, а наоборот — с ног.

А теперь что делать?

В голове у меня возникла цепочка слов: лежать — сидеть — стоять, и после некоторой заминки, добавилось еще одно: ходить. Первые три определенно описывали то, что только что произошло, а вот последнее что такое?

Одно моя нога вдруг двинулась вперед, вторая тут же последовала за ней, но чуть дальше, первая решила не отставать, вторая тоже... Так вот, что такое ходить! Это было самое замечательное чувство из всех, которые до сих пор у меня возникали. Из меня вырвался какой-то странный, но довольно приятный звук — смеяться, услужливо подсказала память.

Я принялась ходить, с удовольствием рассматривая уверенные перемещения своих ног, но они вдруг остановились. Я неохотно оторвала от них глаза и впервые осмотрелась вокруг себя.

Новые слова посыпались градом.

Комната. Окно — передо мной. Стол — рядом с окном. И стул. Шкаф — чуть дальше, назад. Кровать — напротив него. Дверь — совсем далеко, напротив окна. Стены, пол мягкий под ногами...

И все абсолютно, совершенно белое.

Вдруг возле двери, на стене ближе к шкафу и дальше от кровати, я заметила еще что-то, по форме напоминающее дверь, но меньше. Я прислушалась — никакого слова в голове не возникло.

Ноги затоптались на месте, разворачивая туловище, и я двинулась от окна к двери. Уже подходя к ней, я сообразила, что можно было чуть меньше разворачиваться и направиться прямо к этому непонятному объекту, но мои ноги, наверно, решили доставить мне несколько лишних шагов удовольствия.

Подойдя к единственному неопознанному предмету, я вдруг резко шагнула назад. Только что он был абсолютно белым, как все вокруг, и вдруг на нем показалось первое яркое пятно.

Правда, как только я отступила, оно исчезло. Ничего не понимаю. Я вглядывалась в него несколько мгновений — пристально и безрезультатно — и затем снова приблизилась на совсем маленький шаг. Пятно тут же появилось.

По цвету оно напоминало мои руки и ноги. В целом. По форме оно ничего в комнате не напоминало. Круглое, подсказала память. Нет, овальное, поправила она. И тут же добавила — лицо.

Я приблизилась, чтобы рассмотреть его — оно ринулось мне навстречу. Я отшатнулась — оно тоже. Я решила потрогать его наощупь — и увидела другую руку, тянущуюся от него к моей.

Я медленно поднесла свою руку к глазам — та, другая, рука сделала то же самое. Это что, мое лицо? А почему руки и ноги у меня при себе, а лицо отдельно?

И не только лицо, между прочим! Слова опять понеслись вскачь — лицо, глаза, нос, рот, брови, волосы... Я принялась ощупывать их обеими руками, внимательно вглядываясь в... Зеркало, вырвалось из потока новых слов нужное!

Мне показалось очень странным, что я могла видеть все части себя, кроме лица — в целом, оно мне понравилось. Большие зеленовато-серые глаза, длинные мохнатые ресницы, тонкие брови дугой, маленький ровный нос, высокий скулы, яркие губы, густые пушистые каштановые волосы вокруг него — повернувшись, я увидела, что они довольно длинные...

Но если глядя на свои руки, ноги, туловище, я не испытывала ни малейших сомнений, что они мои, то с лицом у меня почему-то такой уверенности не было. Я принялась вновь разглядывать его и обнаружила, что оно меняется.

Брови поднимались, то одна, то обе, глаза то сужались, то расширялись, губы растягивались, приподнимая скулы и показывая ямочки на щеках. Вдруг брови сошлись над носом, глаза широко распахнулись, губы шевельнулись — и из них вырвалось негромкое:

— Ты кто?

Я замерла. Где-то я уже слышала этот вопрос. Нет, где-то я его уже задавала — голос тоже был определенно мой. И в тот момент я впервые осознала, что у меня нет ответа на этот вопрос. В памяти не возникло никаких слов. Все это время я вполне довольствовалась мыслью, что я — это я. Но кто я?

Нет, хватит с меня. Я резко отвернулась от этого красивого лица, которое вызывало у меня вопросы без ответов, и пошла к окну — просто чтобы снова ощутить удовольствие от движения тех частей меня, которые точно были моими.

В этот момент у меня за спиной послышался новый звук. Стук, в дверь — на этот раз не подвела память.

Я остановилась на полушаге. Потоптавшись на месте, повернулась. Настороженно посмотрела на дверь. Ничего не происходит.

Вдруг снова послышался стук, на этот раз чуть громче.

— Да? — выдвинулось из меня неуверенно.

Дверь приоткрылась, и в ее проеме оказалось еще одно яркое пятно.

— Можно? — мягко курлыкнуло оно.

— Да... — повторила я все также неуверенно.

Это пятно было намного больше того, что я увидела в зеркале.

В первую очередь, лицо его совсем не походило формой на все предметы в моей комнате. Круглое — вновь заработала память. В нем все было круглым: глаза, щеки, подбородок, ореол аккуратно уложенных, зачесанных за круглые же уши волос.

Но кроме лица, на фоне яркой белизны моей комнаты резко выделялись и все его остальные части — они были покрыты не белой одеждой, как у меня, а зеленой. Причем разные части этой одежды были разного зеленого цвета. Причем нижняя ее часть совершенно отличалась от моей.

Мой взгляд заметался между зеленой одеждой и моей белой, едва поспевая за очередным водопадом слов.

Зеленая, нет, темно-зеленая юбка — белые брюки.

Туфли, нет, черные туфли на небольшом каблучке — ... ничего.

Блузка, нет, светло-зеленая, нет, салатная блузка, и темно-зеленый же пиджак — ... непонятно что, замешкалась память.

У меня вдруг возникло смутное ощущение, что в моей непонятной, не имеющей определения одежде можно находиться только в одиночестве. Рядом с другими это было как-то неправильно. Очень неправильно. А что такое правильно?

— Может, давайте присядем? — улыбнулось лицо, и улыбка преобразила его.

В нем появилось нечто такое теплое и располагающее, что вся моя настороженность вмиг исчезла. Рядом с таким лицом ничто не могло быть неправильным.

Я послушно направилась к кровати и присела рядом с уже расположившимся там источником спокойствия.

— С самого начала я хочу сказать, что мы бесконечно рады, что Вы наконец-то с нами, — прожурчала негромкая фраза.

Я нахмурилась. На сей раз память без малейшего напряжения выдала мне значения всех слов, но не их смысл. Кто — мы? Почему — мы? Где — мы и Вы, в смысле, я, и главный вопрос...

— О, я конечно понимаю, что у Вас сейчас есть миллион вопросов! Я здесь для того, чтобы ответить на них, или помочь Вам ответить на них, — последние слова сопровождались легким прищуром глаз.

Вместо самого главного вопроса, из меня сам собой выскочил тот первый, который я задала зеркалу.

— Ты кто?

— Я — Ангел, — немедленно, с готовностью прозвучал ответ.

Я замерла. Это слово память не подсказала мне ни разу, но прозвучало оно совершенно естественно. Привычно. Уютно. Радостно. Всеобъемлюще.

— Но мы, Ангелы, говорим друг другу «Вы», — прервал очередной поток новых слов у меня в памяти певучий голос. — Независимо от опыта, должности, успехов, не говоря уже о том, женщина ли это, — пухлая ручка сделала изящный жест между нами, — или мужчина, — небрежно махнула она в сторону.

Эти слова память тоже признала, так же как и то, что я — тоже женщина и... Больше ничего, опять провал.

— Кто я? — спросила я напрямик, раз уж она сама сказала, что у меня может быть миллион вопросов.

— Вы — тоже Ангел, — еще шире улыбнулась она. — И еще раз повторю, что мы все очень рады, что Вы уже с нами.

Слово «Ангел», показавшееся мне таким естественным в отношении моей собеседницы, в применении ко мне прозвучало очень странно.

— Почему?

— Почему рады? — удивленно вскинула брови она.

— Почему я — Ангел? — уточнила я.

Она понимающе кивнула.

— Вы им стали.

— Зачем? — опять вырвался из меня не самый важный вопрос.

— Чтобы помогать людям, — негромко, но торжественно произнесла она.

В этом слове тоже было что-то знакомое, но иначе. И оно дразнило меня, ускользало, сколько я ни пыталась поймать его. Чем сильнее я напрягалась, чтобы откопать в памяти хоть какую-то ассоциацию, образ, звук, хоть что-то, тем услужливее она подсовывала мне картинки, которые я и так помнила: яркое пятно моего лица на фоне ослепительной белизны комнаты, несоответствие округлостей женщины-Ангела и острых углов всех предметов вокруг меня, резкий контраст между моей и ее одеждой...

— Как? — отчаявшись, спросила я в надежде на еще какую-нибудь подсказку.

— Как помогать? — снова удивилась она.

— Как я Ангелом стала? — досадливо тряхнула я головой. Мне почему-то казалось, что если я не вспомню, кем была раньше, то никогда не смогу избавиться от этих навязчивых мыслей, и тогда будет уже не важно, как и зачем я Ангелом стала.

— Сначала Вы были человеком, — внимательно глядя на меня, медленно заговорила она. — Но не совсем обычным. Большинство людей всегда заняты только своими повседневными делами, и только некоторых интересует нечто большее.

— Что?

— Путь развития общества людей, куда оно идет, какова его цель.

— И какова же его цель?

— О! — весело рассмеялась она. — Это — очень большой вопрос. Давайте оставим его для наших последующих встреч. Для первого раза, я думаю, вполне достаточно. Сейчас Вам нужно привыкнуть к своей новой жизни, найти в ней свое место.

Я вновь замерла, дождавшись-таки подсказки, но явно не той, которой мне хотелось. После ее последних слов во мне опять возникло вибрирующее ощущение чего-то знакомого, как будто я уже искала где-то это свое место и — судя по тому, что оказалась здесь — так и не нашла его. Капризная память мгновенно подбросила название этого ощущения — недоброе предчувствие.

— Как? — быстро спросила я, чтобы заглушить его.

На этот раз женщина-Ангел обошлась без уточняющих вопросов.

— Вам нужно найти область применения своих замечательных способностей, где они принесут наибольшую пользу и человеческому, и нашему обществу.

— Каких способностей? — Я даже чуть вперед подалась, ожидая наконец-то услышать что-то конкретное о себе, пусть даже прошлой себе.

— У каждого из нас есть талант, — вновь последовал обтекаемый ответ, — который развился из наших наиболее ярких человеческих особенностей.

Недоброе предчувствие вновь подало голос. А если мне просто нечего вспоминать? То есть не было у меня никаких ярких особенностей? То есть и таланту не из чего было развиваться? То есть нечего мне применять на благо... как она там сказала? То есть нет мне здесь места?

— А бывает так, — осторожно начала я, — что талант не развивается?

— Нет, так не бывает, — уверила она меня, взмахнув обеими пухлыми ручками. — Ангелом может стать только тот человек, который уже готов к этому, который уже осознал свои способности и хочет развивать их. Просто мы помним только самое главное из своей человеческой жизни.

— А почему мы не все помним? — не удержалась я от очередного второстепенного вопроса.

— Позвольте мне ответить на Ваш вопрос аналогией, — с готовностью откликнулась она. — Откуда берется бабочка?

Перед моими глазами, без малейшего усилия с моей стороны, развернулась яркая картина. Память опять принялась бомбардировать меня нужными словами.

Большой лист дерева — сочный, чуть дрожащий, со сверкающими каплями воды на нем. И по нему ползет гусеница — ядовито-зеленая, мохнатая, извивающаяся и оставляющая после себе даже на вид липкий след.

Вдруг она начала покрываться твердой коркой, пока вся не скрылась в прочном коконе. Спустя некоторое время кокон стал трескаться, разваливаться, и из него — далеко не с первой попытки — неуклюже выбралась бабочка с поникшими мятыми крыльями. Несколько мгновений она стояла, пошатываясь, на своих ножках — шевеля крыльями, расправляя их, показывая геометрическое совершенство рисунка на них — и вдруг, мощно взмахнув ими и словно оттолкнувшись от листа, взлетела и исчезла из поля моего зрения.

— ... бабочке незачем помнить, что делала гусеница, — донесся до меня негромкий голос женщины-Ангела. — Она оторвалась от земли, видит ее другими глазами, живет в другом измерении. Ей важно знать, зачем существует она, а не то, чем она была раньше.

Невольно я содрогнулась. От отвращения. Что хорошего, достойного воспоминания, полезного для вольного полета, могло быть у этой гусеницы? И что с ней в коконе-то произошло? Растворилась она там, что ли, чтобы затем выкристаллизироваться в эту порхающую красавицу? В укрытии, втайне, вдалеке от чьих бы то ни было глаз?

Я резко выпрямилась, оглядываясь по сторонам. Эта маленькое, замкнутое, монотонно-белое пространство, мое полное одиночество в нем ... Может, это — ангельский кокон, в котором определяется, есть ли у человеческой гусеницы способность взлететь над землей? Может, эта яркая бабочка-Ангел за тем сюда и пришла?

Я вновь изо всех сил постаралась вспомнить хоть что-то из своей прошлой жизни. Ничего. Только мучительное ощущение, что что-то осталось там, за этим коконом, что-то действительно важное, то, что должно остаться со мной, куда бы я отсюда ни вылетела, то, без чего мне просто нельзя отсюда вылетать.

— Извините, — в отчаянии пробормотала я, — я лучше сразу скажу. Я совершенно ничего не помню. Может быть так, что в прошлой жизни не обнаруживается ничего важного?

— Вот этим мы с Вами отныне и займемся, — успокаивающе проворковала женщина-Ангел. — Начиная с нашей следующей встречи. На самом деле, то, что сразу Вам ничего не вспоминается — это хорошо. Это значит, что в своей человеческой жизни Вы сумели отбросить все несущественное и выйти к ее концу с одной главной целью. Это значит, что Вас ничего не будет отвлекать от нее. Не напрягайтесь чрезмерно, воспоминание придет к Вам, а пока — постарайтесь чувствовать себя здесь как дома. Если что-то будет доставлять Вам хоть малейший дискомфорт, обязательно скажите мне.

Легко поднявшись, она снова ободряюще улыбнулась мне и шагнула к двери. Я рванулась было за ней, но она уже исчезла, и я снова опустилась на кровать.

Захотелось лечь. И уснуть. Что такое уснуть? Задремать, забыться, отключиться — услужливо объяснила память. О, вот это подходит, обрадовалась я, укладываясь в то положение, в котором обнаружила себя совсем недавно, и закрывая глаза. Ничего, однако, не изменилось — только мягкий белый свет вокруг сменился темнотой.

Хорошо было ей говорить: «Не напрягайтесь»! А если мне это дразнящее ощущение уже чуть ли не физическую боль доставляет? Ощущение, что все ответы на расстоянии вытянутой руки находятся, нужно лишь чуть дальше за ними потянуться.

Но в конечном счете она оказалась права. Сколько я ни металась мыслями во всех направлениях, моя приманка лишь дальше отодвигалась, словно круги по воде расходились. А что такое вода? Это слово тоже почему-то имело большое значение. Наверное, потому (я вдруг прямо увидела эту картину мысленным взором) что вода точно так же утекает сквозь пальцы в окружающую пустоту, сколько ни пытайся удержать ее в ладонях.

В общем, бросила я сражаться с этой пустотой, манящей, поглощающей, отрицающей любое мое усилие.

Что там еще говорила эта уже состоявшаяся ангельская бабочка, подумала я, открывая глаза. Обратит внимание на дискомфорт? Вот это было совсем несложно.

Мягкий белый свет резанул мне по глазам, как только я их открыла. И точно так же, как в первый раз, мне показалось, что он агрессивно ввинчивается в меня со всех сторон — чтобы заполнить собой ту пустоту, в которой притаились где-то мои ускользающие воспоминания. Чтобы вытеснить их оттуда. Он уже просто давил на меня, казался холодным и враждебным в своей безупречности.

Мне захотелось чего-то поярче, чтобы хотя бы мое лицо не так выделялось на этом фоне. Чего-то голубого, как яркое весеннее небо. Небо? Но не успела я рассмотреть как следует развернувшуюся в моем сознании картину сверкающей, прозрачной, глубокой синевы, как на ней вдруг показалась та самая ядовито-зеленая гусеница — особо омерзительная на сочном голубом фоне.

Меня снова передернуло, и синева перед глазами сменилась нежной светлой зеленью. О, вот так лучше, удовлетворенно подумала я. И гусеницу не так заметно, и на глаза мои похоже, и вообще этот цвет какой-то покой навеивает, прямо как та женщина-Ангел, она ведь тоже вся в зеленом была.

Да, вот еще и одежда! Вот это белое непонятно что на мне я точно не хочу! А что же я хочу? Я чуть не подпрыгнула, причем всем телом сразу — перед глазами замелькала вереница образов всевозможных форм и цветов, сопровождаемая — с заметным опозданием — потоком новых слов. Переведя дух, я мысленно привела в соответствие поток образов и их описаний и принялась с интересом их разглядывать. Да я все это хочу!

Так я и сказала женщине-Ангелу во время нашей следующей встречи.

Она добродушно усмехнулась и небрежно кивнула.

— Это — сушая безделица, — сказала она, и добавила уже с более серьезным видом: — Но давайте лучше поговорим о том, что Вам удалось вспомнить.

Я смущенно опустила глаза, не решаясь признаться ей, что так быстро сдалась после ее ухода.

— Ничего? — правильно поняла она меня. — Совсем ничего?

Чтобы уже не было совсем стыдно, я рассказала ей о пустоте, расширяющейся в ответ на каждое мое усилие заполнить ее воспоминаниями.

— Очень интересно! — задумчиво прищурилась она. — У Вас возникают удивительные образы. Но согласитесь, они только подтверждают мой Вам совет.

Я недоуменно нахмурилась.

— Если Вы попытаетесь сжимать воду, чтобы придать ей какую-то форму, — принялась объяснять она, — она непременно ускользнет от Вас. Но если Вы просто опустите в нее сложенные ладони, она сама их заполнит.

Это сравнение мгновенно нашло во мне отклик. Вот и тот настырный белый свет был мне неприятен, да и вообще любое давление казалось неприятным.

— Сколько же мне придется ждать? — смирившись, спросила я.

— Ну зачем же ждать? — снова рассмеялась она. — Вам нужно просто принять эту пустоту как данность, как начальный этап Вашей новой жизни. Я уже говорила Вам, что мы все вспоминаем только самое важное из своей предыдущей истории, только то, что составляет нашу сущность. Так позвольте же Вашей сущности выбрать то, чем заполнить эту пустоту, то, что действительно важно для Вас, позвольте ей начать писать Вашу новую историю.

Я настороженно прислушивалась. Память никак не реагировала ни на одно из сказанных ею слов. Даже намек на ускользающее воспоминание не возникло. Похоже, мне никогда прежде ничего подобного не говорили. А мне очень понравилось услышанное. Самой выбирать, что для меня важно, самой решать, как строить свою новую жизнь, самой управлять ею.

Она внимательно смотрела на меня, чуть кивая, словно мои мысли были у меня на лице написаны и каждая из них вызывала у нее одобрение.

— Как это сделать? — Я вся подобралась, в полной готовности начать учиться новому искусству прямо сейчас. Вот, учиться — еще одно знакомое слово, которое вызвало приятное нетерпение.

— Давайте, я расскажу Вам, из чего состоит обычная человеческая жизнь, — предложила она, — а Вы будете внимательно прислушиваться к себе. Просто прислушиваться, — добавила она с лукавой улыбкой, — попробуем выманить Ваши воспоминания.

Я нетерпеливо кивнула.

Она сказала мне, что в жизни практически каждого человека есть работа, дом и различные увлечения, которым он посвящает все время, оставшееся от первых двух составляющих.

Я старательно прислушивалась к себе. Каждое из названных ею слов вызвало во мне какое-то тянущее чувство, но непонятно было, то ли это воспоминания понемногу сами притягиваться начали, то ли это я их снова притянуть пыталась.

Не дождавшись от меня никакой реакции, женщина-Ангел продолжила.

Оказалось, что работа у людей бывает очень разная. Умственная и физическая. Творческая и рутинная. Руководящая и исполнительская. Престижная и незаметная. На одном месте и в постоянных разъездах. С техникой и с людьми. И так далее и тому подобное.

Здесь уже было попроще. За некоторыми названиями определенно последовала реакция, причем несомненно не моя, поскольку хотя все эти слова определенно звучали знакомо, но следовали они друг за другом так быстро, что сознательно реагировать на них я просто не успевала.

Она это тоже заметила и замолчала, вопросительно глядя на меня.

— Мне кажется, — медленно проговорила я, — что у меня была умственная работа, но не руководящая. И не престижная, — подумав, добавила я, — и точно не с техникой.

— Вот видите? — торжествуя улыбнулась она. — Давайте продолжим.

Вариантов дома у людей тоже оказалось немало. Дом или квартира. Собственный или арендуемый. В городе или в деревне. С разным количеством комнат. На разных этажах. С предпочтением комфорту или функциональности. С поставленным во главу угла порядком или с доминирующим хаосом.

Я ошарашено потрясла головой. Здесь у меня тоже отклик возник, но вместе с тем осталось ощущение, что она что-то не упомянула — что-то очень важное. И вдруг, без какого бы то ни было усилия с моей стороны, в памяти выскочило слово «уют» — не как образ, не как описание, как ощущение. Полного умиротворения и довольства... Да, именно, довольства — всем миром, жизнью, собой...

И так же неожиданно я поняла, что мне совершенно не хочется говорить ей об этом. Наверно, просто слов еще не хватало, чтобы описать это ощущение.

— По-моему, у меня была квартира, — быстро сказала я, заметив ее пристальный взгляд. — И точно не в деревне. Насчет остального пока не пойму.

— Все в свое время, все в свое время, — произнесла она чуть нараспев, продолжая разглядывать меня. — Давайте теперь поговорим о том, в чем люди наиболее ярко выражают свои особенности.

Наиболее ярко люди самовыражались в своих увлечениях. И вот тут-то я поняла, что слишком рано потрясла головой от изумления — увлечений этих оказалось намного больше, чем работ и домов вместе взятых. Спорт, машины, велосипеды, охота, рыбалка, путешествия, плавание, бег, лыжи с коньками, пикники, музыка, рисование, чтение, кино, рукоделие, кулинария, домашние животные...

И все же, именно в этом длинном списке прозвучало слово, которое не отозвалось во мне каким-то притяжением, а просто обрушилось на меня водопадом искрящегося, бурлящего, чистого восторга (Опять вода. Почему?).

Чтение. Вот это у меня точно было в человеческой жизни. Целый мир, необъятный и зовущий, в который можно было войти и прожить в нем целую жизнь, забыв о ежедневной рутине...

— Я люблю читать, — уверенно сказала я.

— Замечательно! — почти пропела она. — Честно скажу Вам, я даже не ожидала таких скорых результатов. Но на первый раз, пожалуй, хватит, и сегодня я хочу дать Вам небольшое задание...

— Подождите, — перебила я ее. — Вы еще сказали «кулинария». Это как-то связано с ... едой? — неуверенно спросила я.

Это слово тоже вызвало во мне реакцию ... да, еще и плавание (снова вода!), но совсем не тот восторг, который уже прочно ассоциировался с чтением. Вернее, какой-то другой восторг — словно водопад не на меня обрушивался, а где-то рядом, а я им просто любовалась. Да что же эта вода из всех слов выскакивает — я, что, жила возле нее?

— Именно, — тем временем ответила мне женщина-Ангел, явно довольная моим прогрессом. — Людям нужно есть. Для этого им нужно готовить еду, либо самостоятельно дома, либо отправляться в места, где ее готовят организованно.

— Людям нужно есть ... и спать? — вдруг вспомнила я недавно возникшее в памяти слово.

— О, я вижу, мы с Вами на верном пути! — еще шире улыбнулась она. — Действительно, людям нужно и есть, и спать. Едят они несколько раз в день, а на сон у них уходит от четверти до трети жизни. Без еды и сна они абсолютно не могут функционировать. К сожалению, — снисходительно добавила она, — люди далеко не совершенные существа.

— А мы можем? — не удержавшись, отвлеклась я от основной темы нашего разговора.

— Об этом чуть позже, — загадочно произнесла она, и я вдруг резко выпрямилась.

Эта фраза — не отдельные слова, а все вместе — совершенно неожиданно вызвала у меня резкую, жгучую неприязнь. Мне тут же стало неловко — она мне помочь старается, а я капризничаю, не получив ответы сразу на все вопросы.

— Вы еще что-то вспомнили? — Она снова смотрела на меня с пристальным вниманием.

— Нет, — смущенно пробормотала я, вдруг осознав, что вру и что врать мне непереносимо. — Да, — выручила память. — Сны. Люди, по-моему, видят сны. Когда спят. По-моему.

— Да, люди видят сны, — вновь располагаяще улыбнулась она. — Обычно в снах они переживают события прошедшего дня, но иногда мы можем подсказать им в этих снах решение их проблем или привлечь их внимание к серьезным вопросам. Нет-нет-нет, об этом тоже еще рано говорить, — рассмеявшись, добавила она, не успела я и рот открыть.

Ну вот, довольно подумала я, она опять отложила ответ, а неприязни во мне как не бывало. Нужно просто в руках себя держать!

— Все-все-все, продолжим завтра, — с не менее довольным видом добавила она. — А теперь о Вашем задании. Я попрошу Вас максимально погрузиться в эту Вашу пустоту, максимально, — повторила она с нажимом, — не отвлекаясь ни на что вокруг Вас. Вспомните все, что показалось Вам знакомым в нашем разговоре, вспомните свои ощущения, постарайтесь сделать их ярче, отчетливее, а также постарайтесь запомнить все образы, ассоциации, чувства, которые будут у Вас при этом возникать.

Я согласно кивнула, и она вновь покинула меня.

Я честно сделала так, как она меня просила. Улеглась на кровать, закрыла глаза, чтобы ничего вокруг не видеть, сосредоточилась на образовавшейся темной пустоте и принялась перебирать в памяти ее слова.

Для начала, мне так и не удалось сосредоточиться только на тех из них, которые сразу показались знакомыми. Они вертелись в этой пустоте все вместе, приближаясь, удаляясь, меняясь местами, и вдруг выяснилось, что почти все они сопровождаются ... нет, не образом, но определенно каким-то ощущением.

Вот о работе, например. Если одна только мысль о технике сразу вызвала у меня желание самой где-то в этой пустоте спрятаться, то с остальными видами не было никакой однозначности. Физическая работа почему-то ассоциировалась не с напряжением и усталостью, а с принуждением, а руководящая, как ни странно — наоборот. Всякие перемещения с места на место особого отторжения не вызывали, но и стояли в этом списке как-то особняком, словно и с работой прямо не связаны. А творческая и рутинная работа, наоборот, всегда рядом крутились-вертелись, как будто связанные.

А тут еще моя комната постоянно в эти размышления вторгалась. Ну, не получалось у меня отвлечься от окружающей реальности! Тут нужно разные виды работ себе представлять, а у меня перед глазами это белоснежное однообразие стоит. Мне вдруг очень захотелось что-то изменить в этой комнате, переставить ... да хоть кровать! Почему-то мне показалось, что слева от двери она будет смотреться намного естественнее.

А, это, наверно, пора переходить к списку домов. Но первым на память пришло то слово, которое женщина-Ангел как раз не упомянула. Что такое уют? Почему-то он ассоциировался у меня с квартирой, а не с домом, с городом, а не с деревней, хотя моя собеседница довольно пространно объяснила мне, что многие люди предпочитают дома за городом, поскольку в них просторнее и спокойнее. Значит, уют не связан со спокойствием?

Более того, это слово, которое я сама вспомнила, вообще отказывалось надолго приближаться в той пустоте к любому названному мне понятию. Оно металось между ними, словно в поисках другого образа, забытого и мной, и женщиной-Ангелом. Я тут же напряглась, пытаюсь помочь ему, притянуть с задворков памяти этот образ ... и ничего у меня, конечно не вышло. Осталось лишь ощущение еще большей пустоты, поглотившей что-то очень важное.

От досады я чуть не бросила дальнейшие размышления. Но нарушить данное Бабочке... А это еще откуда взялось? Она представилась мне Ангелом. Да что же я вообще сосредоточиться не могу? Так вот — нарушить данное женщине-Ангелу обещание показалось мне абсолютно невозможным, и я продолжила.

Без особого успеха, однако. Наверно, не нужно было напрягаться и отталкивать таким образом, а не приближать потерянные воспоминания. А может, то первое ощущение при слове «чтение» оказалось настолько ярким, что просто затмило собой все остальные.

Одним словом, никакие другие увлечения не вызвали у меня особого отклика. Хотя, впрочем, и это было не совсем так. Вот кулинария, например — но это, скорее всего, было связано с тем, что мы о ней чуть более подробно поговорили. Но затем мне вдруг показалось, что природа и машина тоже имеют какой-то особый смысл. А, вот еще и спорт, несмотря на то, что при первом упоминании этого слова я прямо отшатнулась мысленно. Но теперь у меня возникло неясное ощущение, что все они как-то со мной связаны, Нет, не со мной, но ... со мной.

Я вновь невольно напряглась в поисках того, что объединяет все эти слова — и вновь оказалась в полной звенящей пустоте. И перестала думать. Просто позволила всем словам — не по спискам, а всем вместе — кружиться там вокруг меня, вперемишку с предметами из моей комнаты, моим лицом в зеркале, образом женщины-Ангела, бабочками, гусеницами, бездонным небом, плавно текущей водой...

Чаще всего в этой круговерти передо мной оказывалось слово «Ангел». Это, наверно, меня совесть мучает, непростено пришла на помощь память, что я не ответственно к полученному заданию отношусь. Ну и ладно, ответила я памяти, раньше помогать нужно было!

Когда я открыла глаза (на следующий день, с готовностью включилась память), я даже не сразу поняла, где нахожусь. Все вокруг было зеленым, но разных оттенков. Стены и пол — чуть светлее, кровать и стол — чуть темнее, шкаф — совсем темный. И свет поменялся — у меня перед глазами снова возник лист дерева, нет, много листьев, через которые он струился откуда-то — яркий, теплый ... солнечный? Даже воздух стал свежим, почти хрустящим.

Спасибо! — мысленно воскликнула я, обращаясь к женщине-Ангелу, и тут же опустила глаза на свое тело. О нет! — также мысленно застонала я, увидев все то же, неприятно-знакомое белое нечто, и в отвращении отвела взгляд, упершись им в самый темный предмет в комнате. Подождите, но шкаф же служит для... Я ринулась к нему.

Распахнув его дверцы, я замерла — вот где было буйство красок! Схватив первое, что попало под руку, я развернула его, охнула от восхищения и тут же приложила к себе. И

охнула еще раз. Не вижу. В шкафу вижу, в руках вижу, на себе — нет. Как совместить меня и эту красоту?

Зеркало! — радостно завопила память. Но там же только лицо помещается — тут же остыла она. А если подпрыгнуть? — нашла она новое слово.

Ноги у меня оказались быстрее мыслей. Я метнулась к зеркалу — и обнаружила, что оно тоже изменилось, показывая мне меня в полный рост. И в той же уже ненавистой белой ... пижаме, сообщила мне память, разглядев наконец-то объект. Прочь!

Когда раздался стук в дверь, я успела только половину шкафа примерить. Меня словно опять в тот холодный белый свет окунули — так неловко стало, что вместо того чтобы пробуждать свои собственные, между прочим, воспоминания, я забыла даже о том, что я что-то забыла.

— Ну как Ваши дела? — спросила женщина-Ангел, входя в комнату. Она окинула быстрым взглядом разбросанную повсюду одежду и с видимым усилием сдержала усмешку.

— Все хорошо, — смущенно пробормотала я, сгребая одной рукой в угол кровати одежду и жестом другой приглашая ее присесть. — Спасибо Вам большое за то, что откликнулись на мою просьбу...

— Как я уже сказала Вам, — небрежно отмахнулась она от моего бормотания, — не стоит даже упоминать об этом. Давайте лучше поговорим о том, что Вам удалось вспомнить.

И вот как рассказать ей, что я вместо того, чтобы приманивать свои воспоминания, в конечном итоге, их снова распугала?

— Честно говоря, немного, — медленно проговорила я, судорожно припоминая те мимолетные ощущения, которые не закончились метаниями в пустоте. — К примеру, творческая и рутинная работа вызвали у меня совершенно равное ощущение приемлемости, — я глянула на нее, но она продолжала молча смотреть на меня. — Руководящая работа показалась мне слишком утомительной, — продолжила я, — а вот дом у меня точно был в квартире и в городе, причем в большом городе, — вдруг вырвалось у меня само собой.

Она все также молча кивнула.

— Что касается увлечений, — не дождавшись никакой реакции, продолжила я, — то боюсь, что, кроме чтения, у меня их не было. Спорт, например, вызвал у меня явную неприязнь, но в каком-то виде он в моей жизни присутствовал — так же, как машина и природа, хотя они тоже особо близки мне не были, — постаралась я кое-как выразить тот клубок ощущений, которые эти понятия у меня вызвали, в надежде, что своими вопросами она поможет мне в нем разобраться.

Вместо этого она вдруг улыбнулась с весьма довольным видом.

— Очень неплохо! — удовлетворенно проговорила она. — Итак, в первом приближении у нас с Вами складывается следующая картина: у Вас не было особой привязанности ни к работе, ни к дому, т.е. Вы не стремились ни к успеху и признанию в их человеческом понимании, ни к роли домохозяйки с полным отказом от развития своей личности. Более того, из всех человеческих увлечений Вы выбрали именно то, которое позволило Вам максимально избегать человеческого общества с его чрезмерной приземленностью. И это несмотря на то, что, как Вы говорите, Вы жили в большом городе, т.е. в наиболее концентрированной человеческой среде. Из чего мы можем сделать вывод, что Вы уже давно были готовы к переходу к нам.

Я растерянно захлопала глазами. Что-то у меня такой вывод не сложился. Я, правда, не все ей рассказала... Глянув на ее приветливое лицо, я вдруг поняла, что мне очень хочется, чтобы она и дальше видела во мне столь долгожданного гостя. Ладно, подумала я, было бы что-то жизненно важное, сразу бы вспомнилось, а так, сама разберусь — придет, когда придет, так ведь она сказала?

В ответ на мое молчание она вопросительно вскинула бровь.

— Наверное, Вы правы, — с искренней благодарностью проговорила я, и добавила, чтобы отвлечь ее от возможных сомнений: — Но вот раньше Вы говорили о дискомфорте... Скажите, пожалуйста, можно мою кровать переставить?

— Почему? — Она вновь прищурилась, пристально вглядываясь в мое лицо.

— Не знаю, — смутилась я. — Собственно говоря, это совершенно не важно, так просто к слову пришлось...

— И все же, почему Вам этого хочется? — настаивала она.

— Мне кажется, что вон там, — я кивнула в сторону шкафа, — лучшее место для нее. Здесь она меня ... как-то ... раздражает, — неловко отводя глаза, я уже была не рада, что заговорила об этом.

— А! — вновь прояснилось у нее лицо. — Еще одно человеческое наследие. Люди чрезмерно эмоциональны, — пояснила она в ответ на мой недоуменный взгляд, — и под воздействием эмоций часто совершают поступки, о которых потом сожалеют. Мы предпочитаем более ровное отношение к своей жизни и друг другу, это позволяет нам быть более эффективными.

Я совсем расстроилась. Вот тебе и долгожданная гостья!

— Давайте-ка сегодня и поговорим о людях в человеческой жизни, — энергично произнесла она, словно не замечая моего самобичевания. — Этот фактор на многих оказывает очень сильное влияние. Посмотрим, насколько значительным он был в Вашей жизни.

Облегченно выдохнув, я согласно закивала.

Она начала рассказывать мне о человеческих контактах.

У людей есть семья. Когда они маленькие, у них, детей, есть родители, отец и мать. У тех тоже есть свои родители. У людей также бывают братья и сестры, а если таковые имеются у родителей и у них есть свои дети, то последние тоже считаются более отдаленными братьями и сестрами. Также у детей появляются крестные родители, а еще бывают приемные, и все члены семьи более-менее тесно связаны между собой.

Когда дети подрастают, у них появляются мужья и жены и свои дети. Причем мужей и жен может быть несколько на протяжении жизни, и у них могут быть дети, появившиеся на свет раньше. Более того, у их собственных родителей также могут меняться мужья и жены, у которых могут быть другие дети...

Я ошарашено тряхнула головой. Никаких ощущений не возникло — эта чехарда в семье была покруче вчерашней круговерти слов у меня в голове. Тем более, что память попыталась назвать каждого участника этих запутанных человеческих отношений, пока я не взмолилась, чтобы она замолчала.

Что, еще не все?! Оказалось, что когда дети начинают учиться, в школе у них появляются учителя и соученики. Затем, в университете, учителей и соучеников становится намного больше. А если они еще и меняют место учебы, то число учителей и соучеников возрастает, как мне показалось, в геометрической прогрессии. А еще у них бывают личные учителя и дополнительные школы. Нет, это немыслимо!

Затем люди начинают работать, и у них появляются контакты по работе, иерархия которых повергла меня в полный ступор. На работе у людей бывают руководители, подчиненные, просто коллеги, старшие коллеги, младшие коллеги, партнеры, соперники, конкуренты... Память подавленно молчала, уже даже не пытаясь объяснить мне разницу между, например, старшими и младшими коллегами.

Кроме того, у людей бывают ... соседи? А, если их количество зависит от размеров дома, значит, они живут рядом.

А еще друзья. Вот тут во мне что-то шевельнулось — наверно, потому что оказалось, что друзей люди выбирают сами, по общности интересов. Бывают друзья детства, друзья по учебе, по увлечениям...

Да что же это такое — у них даже виртуальные друзья бывают! Которых они могут ни разу в жизни не видеть, ни разу не говорить с ним, а только переписываться в каких-то воображаемых сообществах.

Я окончательно утонула в этой грохочущей лавине новых слов. Поэтому, когда Бабоч ... да что же это такое! ... женщина-Ангел вновь предложила мне проанализировать мою реакцию на каждое из них, я с готовностью (и с невероятным облегчением) закивала. Вот сейчас, на досуге, не спеша, по очереди, я со всеми ними разберусь ... ну ладно, попробую разобраться...

Честное слово, я так и сделала, как только женщина-Ангел ушла — вытянулась на кровати и старательно погрузилась в уже знакомую пустоту. Но она вдруг заполнилась до отказа одной-единственной мыслью: половину шкафа я так еще и не примерила! А там еще внизу какие-то коробки стояли — обувь, буркнула память.

Одним словом, опять-таки честным, промучившись какое-то время в безрезультатном выталкивании этой мысли из столь нужной сейчас пустоты, я сдалась. Поднялась, решительно направилась к шкафу и закончила инвентаризацию его содержимого. Ну вот, опять Бабочка (тьфу!) оказалась права — слова сами вспоминаются, если не напрягаешься.

А вот я оказалась неправа. Сложив особо приглянувшиеся мне вещи отдельно, я вернулась к кровати и к данному мне заданию. И тут то ли совесть меня мучить начала, то ли я сама поторопилась, чтобы наверстать упущенное время, но все новые слова ввалились в мою пустоту всей толпой. Спасибо хоть связанные между собой отдельными группами в ней держались.

В общем, не вызвали они у меня никакого особого отклика. Разве что в семейной группе — дети, и то, скорее всего, потому что родители вызвали у меня ассоциацию с физической работой или с принуждением, с которым она сама ассоциировалась, и дети, соответственно, наоборот — вызвали сочувствие. Но какое-то отстраненное — явно речь не о моих детях шла, вообще о детях.

И вот еще друзья — тоже что-то смутное мелькнуло. Но я решила, что от раскаяния уже выдаю желаемое за действительное — если основным моим увлечением чтение было, то как им делиться с друзьями-то? Разве что придумать их себе, усмехнулась я. О, а воображаемых, виртуальных друзей в той пустоте и не оказалось — я о них даже не вспомнила.

Но самое странное, что спустя какое-то время из всего этого разнообразия слов начало постоянно выступать на первый план слово «Ангел», прямо как в первый раз. Я так и не поняла, что оно делало среди всех человеческих слов — возможно, это я постепенно свыкалась с мыслью, что я уже тоже Ангел.

Так я на следующий день все честно и рассказала женщине-Ангелу. В смысле, о результатах своих наблюдений. Ну и что, если я с ними чуть-чуть задержалась и особого успеха они не принесли — главное ведь, что мое Ангельское сегодня становится реальнее моего человеческого прошлого, правда?

Кстати, кровать на следующий день оказалась на своем прежнем песте. Но умолчав о своей бездарной трате времени на одежду, я постеснялась спрашивать женщину-Ангела о такой безделице.

— Интересно, — задумчиво произнесла она, выслушав меня. — Обычно в жизни почти у каждого человека есть хотя бы одна сильная привязанность. Впрочем, — добавила она в ответ на мое вытянувшееся лицо, — не исключено, что Вы никогда не были обычным человеком, даже в детстве. Осознание желания вырваться из рутинной человеческой жизни приходит в разном возрасте.

— А может быть так, что у меня не было ни семьи, ни друзей? — с неожиданной грустью спросила я.

— Такое бывает, хотя и очень редко, — пожала она плечами. — Я бы скорее предположила, по крайней мере, в отношении семьи, — через мгновение добавила она, вновь внимательно вглядываясь в мою реакцию, — что у Вас были и родители, и муж, и дети, но они ока-

зались обычными людьми, и Вам не удалось найти среди них единомышленников, реализовать в отношениях с ними свою сущность.

— Возможно, поэтому я и чтением увлеклась? — предположила я.

— Более чем возможно! — довольно усмехнулась она. — Именно поэтому сейчас, оторвавшись от земной жизни, Вы о них ничего и не помните.

— А друзья? — спросила я.

— Как Вы сами совершенно справедливо заметили, — похвалила она меня, — чтение — отнюдь не коллективное занятие. Судя по всему, в нем Вы реализовывали свой еще не осознанный порыв вырваться из земной реальности. Я бы даже сказала, что Ваше желание уйти от нее вполне могло вызывать негативное отношение со стороны окружающих Вас людей, вследствие чего Ваше сознание блокирует любые воспоминания о них.

Я озадаченно нахмурилась. Если люди негативно относятся друг к другу, как они могут быть связаны любыми узами всю жизнь?

— Давайте сегодня поговорим о человеческих эмоциях, — ответила она на мой вопросительный взгляд. — И сразу хочу попросить Вас отнестись к анализу своих ощущений особо внимательно, поскольку эмоции составляют чрезвычайно существенную часть человеческой жизни и оказывают на нее очень сильное влияние, то есть обязательно оставляют какой-то след.

Я вся обратилась в слух.

— Большинство человеческих эмоций существуют в парах, — необычно медленно, с расстановкой, заговорила она, — в единстве противоположностей. Любовь и ненависть, уважение и презрение, интерес и равнодушие, расположение и раздражение, уверенность и страх, восторг и отчаяние, настойчивость и уступчивость, неудержимость и смирение, зависть и бескорыстие, эгоизм и самопожертвование, неудовлетворенность и пресыщенность.

— Самыми сильными, практически не подвластными контролю, чувствами, — чуть помолчав, продолжила она, — считаются любовь и ненависть, причем зачастую они переходят друг в друга и далеко не всегда взаимны. У людей эмоции вообще довольно часто меняются, и человек нередко действует под воздействием сиюминутного настроения, не анализируя его и даже не пытаясь управлять им. Наоборот — его эмоции владеют им, вплоть до того, что оказывают влияние на его здоровье и даже жизнь.

— Жизнь? — недоверчиво переспросила я.

— Именно под воздействием эмоций, — с улыбкой кивнула она, — люди совершают и самые страшные преступления, и самые великие подвиги.

— Кстати, для людей также довольно типично чувство неудовлетворенности, — снова помолчав, добавила она. — Люди в целом — существа достаточно неблагодарные, они жаждут положительных эмоций только в их отсутствие, а получив их, очень быстро пресыщаются и воспринимают их как должное.

Я внимательно слушала ее, но уже была почти уверена в результате следующего анализа своих воспоминаний. Так же, как и в первый раз, когда она говорила о человеческих увлечениях, как только прозвучало слово «раздражение», меня захлестнула волна узнавания. Да какого там узнавания! Меня ведь и здесь что ни день, так что-нибудь раздражало. Неужели это было самым главным чувством в моей человеческой жизни?

Мне очень не хотелось смириться с этой мыслью, поэтому я взялась за все эти эмоции, как только женщина-Ангел покинула меня. Возможно, у меня уже какие-то навыки появились, но пустота заполнилась новыми словами очень быстро.

На этом, впрочем, мои навыки и закончились — куда бы я ни обращала свой мысленный взор, перед ним немедленно выскакивало — естественно! — раздражение! Сколько я ни пыталась отогнать его, оно маячило перед глазами, липло ко мне, пытаясь проникнуть в меня, как тот холодный белый свет. И судя по всему, ему это удалось — я почувствовала, что закипаю. Нет-нет-нет, еще не хватало, чтобы это чувство оказалось моим единственным и в новой

жизни! Я почему-то вдохнула и выдохнула, почему-то три раза, и твердо приказала раздражению убираться прочь.

К моему огромному удивлению, оно тут же исчезло. Недоверчиво прислушиваясь к себе, я не сразу заметила, что место раздражения перед глазами заняла неудовлетворенность. Еще лучше! Я, что, еще и стремилась в прошлой жизни к этому постоянному раздражению? Впрочем, нет — неудовлетворенность не вызвала у меня чувства узнавания, скорее это было нынешнее ощущение, словно мне сейчас чего-то не хватало. Нет, туда же — к раздражению! Мне в прошлом разобраться нужно.

Как только эти неожиданные преграды на пути моего исследования исчезли, я вдруг заметила, что все остальные эмоции сгруппировались вовсе не в парах, как объясняла мне моя собеседница, а в каких-то немислимых сочетаниях. Возле интереса, например, толпились уступчивость, смирение и самопожертвование. Ничего себе гремучая смесь, подумала я, но тем не менее, она казалась мне совершенно естественной. Неужели и все эти эмоции мне свойственны были? Неудивительно тогда, что я так обрадовалась мысли, что смогу теперь сама свою судьбу определять!

Вдруг в моей не совсем уже пустоте снова появилось слово «Ангел», и к нему немедленно устремились уверенность, настойчивость и неудержимость, словно их магнитом притянуло. Вот такой набор мне больше нравится! Мне еще больше захотелось поскорее стать настоящим Ангелом, если они все такие.

Однако на следующий день женщина-Ангел лишь частично согласилась с моими выводами. Она объяснила мне, что у Ангелов не приветствуются никакие крайности, а лишь ровное дружелюбие и приветливость, поскольку сильные эмоции всегда вызывают в ответ свою противоположность.

— Кстати, о сильных эмоциях, — тут же продолжила она, все еще слегка хмурясь. — Вы уверены, что любовь не вызвала у Вас никакого отклика? Как правило, ее испытывает хоть раз каждый человек. Она бывает очень разной: к родителям, детям, противоположному полу... Последняя особенно сильна — из-за человеческого инстинкта продолжения рода. Правда, и длится она недолго, — усмехнулась она, — сменяясь иногда уважением, иногда равнодушием.

— Не знаю, — неуверенно ответила я. — Отклика никакого особого не было, но я вообще не поняла, что это такое. В моих ощущениях любовь как-то особняком стояла, словно некое абстрактное явление.

Женщина-Ангел покачала головой, все также вглядываясь в мое лицо.

— Невероятно! — негромко, словно к себе обращаясь, произнесла она. — Вы — воистину редкий человек. Судя по всему, в человеческой жизни Вам действительно приходилось большей частью подчиняться. Это еще одно объяснение Вашей склонности к чтению, так как таким образом Вы могли уйти в воображаемый мир и испытывать в нем совсем другие чувства. А сильная реакция на раздражение может быть связана с тем, что Вы слишком часто испытывали его, когда Вам приходилось возвращаться в земную реальность. Но с этим чувством Вам придется бороться. Вы ведь сами заметили, что раздражение ведет к неудовлетворенности, а нам бы хотелось, чтобы Ваша новая жизнь приносила Вам только положительные эмоции.

— Спасибо, — растроганно заморгала я.

— Это Вам спасибо, — тепло улыбнулась она. — Вы начали, причем неосознанно, готовиться к переходу к нам задолго до того, как он свершился. Вы сами оставили позади все, что могло бы отвлечь Вас от Вашего предназначения — и сейчас уже самое время узнать, в чем оно заключается.

— Какое предназначение? Как узнать? — снова заморгала я, но ошарашено. Я же еще с прошлой жизнью как следует не разобралась, вопросов осталось больше, чем ответов появилось!

— С завтрашнего дня начнется Ваше обучение, вместе с другими новичками, — торжественно сообщила она мне. — По окончании которого Вы сможете выбрать наиболее близкое Вам направление нашей деятельности. Ваши способности тоже будут, конечно, учитываться, но это будет Ваш выбор, требуемые навыки всегда можно развить до нужного уровня.

Ага, так вот как страх ощущается! И на горизонте, по-моему ... да, точно, отчаяние... Ничего себе положительные эмоции в новой жизни!

— А с Вами нельзя ... обучаться? — услышала я свой тихий, почти дрожащий голос.

— Ну что Вы, каждым делом должны заниматься профессионалы, — рассудительно ответила она. — Мы с Вами разбирались с тем багажом, с которым Вы пришли к нам, и должна признаться, справились с этим, за его практическим отсутствием, невероятно быстро. Поэтому я считаю, что Вы вполне можете присоединиться к группе, которая начала заниматься чуть раньше — Вам всего лишь нужно будет нагнать пропущенное. Но Вы же любите читать, правда? — ободряюще улыбнулась она.

— Да, конечно, — пробормотала я. — А Вас я уже больше не увижу? — Голос у меня опять дрогнул.

— Ну отчего же? — весело всплеснула она ручками. — Пока Вы не освоитесь как следует, пока Вам нужна будет моя помощь, я всегда буду готова оказать Вам ее. Если Вы вдруг еще что-то вспомните, или почувствуете какой-то дискомфорт, или у Вас просто вопросы возникнут — вызывайте меня без малейшего стеснения.

— Как? — чуть не задохнулась я от изумления.

— Увидите, — небрежно качнула она головой. — В учебной аудитории на каждом рабочем месте есть канал запроса дополнительной информации. Отправьте мне обращение, и я свяжусь с Вами при первой же возможности.

— А как мне в эту аудиторию попасть? — У меня уже голова кружилась, вместе с вереницей мыслей в ней.

— Вам нужно будет всего лишь пройти через эту дверь, — указала она рукой себе за спину. — А сейчас я Вам советую ни о чем не думать. Просто погрузитесь в свою пустоту и постарайтесь получше настроиться — завтра у Вас начинается по-настоящему новая жизнь.

Ну да, конечно, ни о чем не думать! У меня в ту пустоту набилось все, что я пыталась раньше вспомнить, да и еще какие-то смутные, неуловимые образы — это я, наверно, новую жизнь представить себе пыталась. Почему мне до сих пор ни разу не захотелось даже открыть свою дверь? Вскоре у меня появилось новое ощущение, которому память тут же название подбрала — паника. Я пыталась взять себя в руки, твердо велеть всем воспоминаниям исчезнуть ... но ничего не выходило, пока среди них не появилось все то же слово «Ангел». Оно уверенно и решительно вытолкнуло их всех из моей пустоты и принялось парить там, словно охраняя ее границы...

На следующий день мне все еще было страшновато, но похоже, что это единственно оставшееся в моем сознании слово «Ангел» все же передало мне свою уверенность. И выбор одежды для первого выхода в свет помог отвлечься. Вдруг я почувствовала, что пора. Я подошла к двери, открыла ее и вышла, наконец, из своего кокона.

ГЛАВА 2. Наваждение

Тьфу ты, это же надо, чтобы такая муть приснилась!

Я резко открыл глаза, пытаюсь стряхнуть с себя видение белесой мглы и размытых пятен двух фар, неумолимо надвигающихся на меня...

Да нет же, вот она — моя родная гостиная! Тепло, уютно. Ощущение ужаса постепенно отступало. Хотя нет, не очень-то и уютно... А что это я в одежде спал?

В голове мелькнули обрывки воспоминаний о вчерашнем скандале. Ну, скандале не скандале, но Игорь определенно возомнил себя в последнее время невесть кем. Ехать он, понимаешь, куда-то собрался — на моей, между прочим, машине! Еще и огрызаться на каждое

разумное возражение моду взял! Татьяна, естественно, стала на его сторону — хотя любой здравомыслящий ... даже человек поддержал бы меня в том, что ехать куда-то в такую метель...

А, так вот откуда этот жуткий сон взялся!

Ну, сейчас они у меня все получают — отца семейства до кошмаров доводить!

Я повернул голову, размышляя, сразу ее будить или отложить воспитательный момент, пока переоденусь и в душ схожу ... и замер. Татьяны рядом не было. Как это она раньше меня встала?

Через мгновение я обнаружил, что раньше меня она не вставала — она просто вообще не ложилась. Ее половина дивана была не расстелена. Моя, как выяснилось, тоже. Выходит, я проспал всю ночь в одежде, на покрывале — как бедный родственник, которого из жалости на пару часов отдохнуть пустили? В моем собственном доме? Который я заработал тяжким хранительским трудом и чудесами изобретательности перед лицом дисциплинарной комиссии?

— Татьяна! — возмущенно рявкнул я, принципиально отказываясь идти ее искать.

Реакции не последовало. Никакой. У Игоря в спальне, небось, сидит — ждет, пока ненаглядное чадо проснется, чтобы пожалеть его, тираном-отцом обиженного...

— Татьяна! — еще громче заорал я, вспомнив размеры честно заработанных апартаментов.

Опять тишина. Полная тишина. Если бы она в душе была, я бы шум воды слышал. А если она на кухне — не Игоря жалеть, а меня завтраком задабривать собирается? Там после вчерашнего застолья много чего, по-моему, осталось, но она ведь даже если подогревать что-то возьмется — все испортит.

Меня словно вот тем ледяным ветром с кровати сдуло.

Домчавшись до кухни, я резко затормозил, чтобы войти в нее с подобающим случаю строгим видом. Все усилия пропали даром — в кухне никого не оказалось. Завтрака на столе тоже. Ну все, теперь пусть оба не обижаются...

— Я очень хотел бы узнать... — холодно начал я, рывком открывая дверь в комнату Игоря.

Вот именно — я очень хотел бы узнать, куда они все подевались, подумал я совсем не холодно, в полном ступоре осматривая пустую комнату нашего сына с также нетронутой кроватью.

Через пару минут моя квартира уже не показалась мне такой большой — именно столько времени мне понадобилось, чтобы всю ее обыскать. Я галопом пронесся по коридору, обеим ванным, снова гостиной, снова кухне — их нигде не было. В доме никого не было.

Я присел к столу на кухне, лихорадочно размышляя. Неужели Игорь все-таки уехал? Да нет, не мог он машину без спроса взять. А, да, с ним же Дара ... нет, Дарина ... ладно, некогда выговаривать — Дара была, принцесса его темная. Эта его могла на что угодно подбить. А Татьяна за ними, что ли, увязалась — вместо того, чтобы твердо запретить ему самовольничать, или хотя бы меня разбудить, чтобы я это сделал? Ну, не дай Всевышний, я машину сейчас во дворе не обнаружу...

Я рванул к окну. Первым делом в глаза мне бросился любимый вид. Сейчас заваленный снегом, конечно, но лента реки отлично просматривалась между заснеженными деревьями на ее берегах. Чего не скажешь про машину. Та часть двора, где я ее обычно парковал, из кухни была не видна. Ладно, я сейчас с балкона... Мне вдруг очень захотелось глотнуть морозного зимнего воздуха, чтобы в голове хоть чуть-чуть прояснилось.

В гостиной я рванул дверь балкона на себя. В смысле, попытался рвануть. Ее ручки не поворачивались. Совсем. Я остолбенело уставился на них. Мне, что, вторая серия снится? Или это они их заблокировали, чтобы время для побега выиграть? Так я на улицу сбегая, меня сейчас ногами быстрее, чем лифтом, снесет...

Я ринулся к входной двери, схватив на бегу, не глядя, куртку с вешалки. Поймал я, однако, пустоту — куртки на вешалке не оказалось. Ах, она ее еще и спрятала! Решила, что без нее я не выйду, побоюсь простудиться? Не дождется! Сейчас я точно не заболею — меня вон уже так трясет, что все вирусы поотскакивают.

Замки на двери тоже не поворачивались. Так, это у меня руки трясутся. Нужно взять себя в руки. Как можно взять себя в трясущиеся руки? Ничего, в трясущиеся руки можно взять что-нибудь другое. За все эти годы никакого особого инструмента у меня так и не накопилось, но молоток точно где-то в кладовке был.

Молотка в кладовке не оказалось. В смысле, я не знаю, может, он там и был, только ее дверцы тоже не открывались. А также дверцы шкафа, в который Татьяна могла мою куртку спрятать. А также дверцы всех других шкафов. А также шкафчиков на кухне. А также холодильника.

Уже ничего не соображая, я принялся лихорадочно нажимать на все кнопки всех приборов, которыми Татьяна нашу кухню напичкала. Ни одна из них не нажалась. Вот кто бы мне еще вчера сказал, что я буду целостность своего рассудка всякими чудесами техники проверять...

Господи, телефон! Обхлопав себя по всем карманам с абсолютно ненужной силой, я обнаружил мобильный именно там, где всегда носил его — в заднем кармане джинсов. От облегчения у меня прямо ноги подкосились. Ненадолго, правда. Кнопка телефона нажалась, но на экране это никак не отразилось. Ну, понятно, я же на нем спал — включил во сне случайно, вот он и разрядился.

Ящик стола, в котором лежала зарядка, тоже не открылся.

Я медленно вернулся на кухню и подошел к окну, чтобы если не вдохнуть морозного воздуха, то хоть посмотреть на знакомый и любимый пейзаж — для прояснения сознания. Чуть-чуть прояснившись, сознание тут же подсказало мне, что что-то не так.

Понятно, зима, новогодние праздники, метель — но чтобы за пять минут ни одна машина по дороге не проехала, ни один человек не прошел, ни одна собака не пробежала, ни одна птица в небе не пролетела? Присмотревшись, я заметил, что и свинцовые тучи в небе не движутся. Передо мной была абсолютно застывшая картина. Словно нарисованная. Очень реалистично нарисованная.

И вот тут-то на меня ... чуть не сказал, озарение снизошло. Не озарение это было, а осознание, и не снизошло оно на меня, а рухнуло махиной вот этих самых свинцовых небес.

Никакой это был не сон. Ни тогда, когда я проснулся, ни сейчас. Это была самая что ни есть реальная реальность — страшнее, чем в любом кошмаре или фильме ужасов.

Я отчетливо, во всех деталях, вспомнил вчерашний скандал с Игорем, наш ночной разговор с Татьяной, когда Игорь с Дарой легли спать, ее внезапное решение преподнести урок самоуверенным детям, нашу поездку утром к ее родителям, усиливающуюся метель, брыкающуюся у меня под руками машину, грузовик, идущий нам навстречу...

Мы погибли, столкнувшись с тем проклятым грузовиком.

В смысле, меня, конечно, срочно эвакуировали в родные пенаты, а вот Татьяна погибла. Я изо всех сил стиснул зубы, чтобы не заорать, словно это меня в той аварии искалечило. Нет, все-таки мы погибли — мы с ней как единое целое. Я погиб — как ангел-хранитель. Который не сумел сберечь своего человека, провести его в целостности и сохранности до самого конца жизненного пути. Да еще и такого человека, ради которого он совершил столько безумств на этом самом жизненном пути.

Так, отставить панику. Сейчас где-то судьба Татьяны вершится, и мне нужно быть в полной готовности, чтобы принять в этом самое решительное участие.

Что они могут с ней сделать? Распылить ... нет, даже мысленно произносить не хочу — навсегда прекратить ее существование они не могут. Не могут, я сказал. По крайней мере, не

посоветовавшись со мной. Кто может лучше меня знать путь развития ее личности? Кто может лучше меня судить, готова ли она уже к переходу к нам?

Вот, эта перспектива звучит намного лучше. И вот ее-то я уж смогу обосновать на все сто процентов! Лишь бы спросили. Они просто обязаны меня спросить!

Ну, почему я никогда не интересовался, что происходит в случае гибели подопечного ангела-хранителя? Я имею в виду, всерьез не интересовался. Татьяне я когда-то сказал, что нам неловко такие болезненные вопросы коллегам задавать, но сейчас я ясно осознал, что по крайней мере мне всегда было просто страшно узнать, что может ждать меня в случае провала.

Вот и знакомство с бывшим Мариным хранителем, почти сломанным раскаянием, энтузиазма мне не прибавило.

Плохой пример. Марину заставили после гибели еще раз последний жизненный путь пройти. А ее Кису спрашивали? Как бы мне до них добраться? Дожился — сам встречи с Мариной ищу. Нет, не дожился — довели.

Кстати, Марина рассказывала, что ей и хранителя повторно предлагали... Так вот он я — хоть сейчас готов к работе над ошибками приступить! И если уж у Марины какие-то смутные воспоминания о каком-то внутреннем голосе возникали, то меня Татьяна точно вспомнит — я ей полжизни не нашептывал, а прямо говорил, когда у нее всякие завиральные идеи появлялись.

Эту идею можно в качестве запасной оставить, если мое первое заключение не примут и торговаться придется.

Да, вот еще — меня, конечно, должны наказать. Вполне заслуженно — ума не приложу, как ей удалось уговорить меня на ту безумную поездку в метель? Нет, об этом лучше даже не думать, а то ей сейчас еще психическую неуравновешенность припишут.

Я им припишу! В случае чего, если кто и виноват в том, что нам в такую непогоду из дому уйти захотелось, так это — наблюдатель, который нам там каждую минуту отравлял. Вот-вот, и у меня из-за него реакция за рулем притупилась...

Я немного приободрился. Как ни крути, это будет отнюдь не первое разбирательство моих грехов — отобьюсь. И разбираться с моими грехами можно только после того, как судьба Татьяны решится. А чтобы ее решить, нужно мое заключение выслушать. Ладно, подождем, они сейчас, наверно, следы нашего исчезновения с земли заматают.

Ждать оказалось трудно. Намного труднее, чем тогда, когда меня в первый раз с земли выдернули. Тогда я тоже не знал, что меня ждет, но хоть Татьяна дома в безопасности осталась. Тогда мне казалось, что ничего не может быть страшнее, чем если она меня не дожидется... Сейчас главное, чтобы было кому меня дожидаться.

Пометавшись несколько часов по этой пародии на мою квартиру, я рухнул на диван в гостиной. Часы на руке, кстати, работали — наверно, потому что, так же, как и телефон, при мне были, когда меня сюда поместили. Это вселяло определенную надежду. Ведь удалось же мне с Тошей по телефону связаться, когда нас обоих тут взаперти держали. Он, правда, сейчас далековато, но мой закон надобности еще никто не отменял. Вот как мне только телефон зарядить?

Я и сам был не прочь зарядиться, хоть нам здесь это и не нужно. Ох, с каким бы удовольствием я бы сейчас перекусил чего-нибудь, и чаю или кофе выпил, если бы здесь на кухне настоящий холодильник (и плита, и шкафчики со всем нужным для благородной трапезы) стоял, а не эти муляжи. А вот поспать мне ничего не мешает! Хотя мне это тоже здесь не нужно. Но во сне время быстрее идет...

Проснувшись, я сразу же прислушался. Опять полная тишина. Глянув на часы, я не понял — то ли пару часов проспал, то ли больше двенадцати. Больше двенадцати, твердо решил я, и вновь прислушался. На этот раз к себе — не возникло ли какого притяжения, желательно к входной двери. В прошлые разы меня именно так на разные встречи вызывали.

Ничего. Я не понимаю, сколько можно возиться? Доставить на место аварии два манекена и внушить кому-нибудь на опознании, что это мы с Татьяной — это же элементарная операция прикрытия! У Стаса, что, более важные дела нашлись? Так я ему могу объяснить, как приоритеты расставлять.

Святые отцы-архангелы, да я ведь действительно могу со своими связаться! В смысле, со своими здесь. После стольких лет на земле они мне и в голову как-то сразу не пришли. Понять бы только, кто сейчас Татьяной занимается. Раньше, по окончании работы, я предоставлял свой отчет контрольной комиссии и больше об этом не думал. Но где же наши новички до контрольной комиссии находятся?

Стас должен знать. Мы с ним, правда, давненько по прямой связи не контактировали, но будем надеяться на нашу бюрократию: им всегда проще какой-то доступ открыть, чем его потом закрыть.

Нет, наверно, к Стасу лучше сразу не кидаться. С них станется и прямую связь прослушивать. В случае провала земной миссии мне, скорее всего, положено по прямой инстанции обращаться. Причем по официальному каналу.

Я сосредоточился, чуть прокашлялся, чтобы голос даже мысленно прозвучал глухо, с должной нотой раскаяния, и воззвал: «Я хотел бы поговорить со своим руководителем».

— Извините, линия перегружена. Повторите, пожалуйста, свой запрос чуть позже или оставьте сообщение, — раздался у меня в голове бодрый голосок оператора.

Скрипнув зубами, я в очередной раз подумал, до какой же все-таки степени портит нас земная техника. На фоне человеческой возможности дозвониться куда угодно и когда угодно по мобильному, это жизнерадостное предложение еще помучиться в неизвестности прозвучало особенно издевательски.

Старательно отследив по часам пять минут, я повторил свой запрос. И получил тот же ответ. И так еще восемь раз. У меня голос становился все глуше, от ярости, у оператора — все приветливее. Наверно, в эту службу набирают тех, кто на земле на разъяренных вкладчиках банков-банкротов напрактиковался.

Ладно, подумал я, плюнем на субординацию — и воззвал прямо к своему руководителю. У него линия оказалась не перегруженной, а просто отключенной. Тогда я и на осторожность плюнул, но доступа к Стасу меня тоже лишили — то ли раньше, за ненадобностью, то ли уже сейчас, за провал в работе.

Хорошо, оставим сообщение. Настойчивость в моем случае вполне сойдет за глубокое раскаяние и желание искупить содеянное любой ценой. Я сделал несколько кругов по квартире, тщательно составляя подходящий моему положению текст.

— Уважаемый руководитель! — скорбно подумал я, с трудом дождавшись конца жизнерадостной дежурной фразы. — Я полностью отдаю себе отчет во всей глубине произошедшей трагедии. Ни в коем случае не снимая с себя вины, я все же хотел бы поставить Вас в известность обо всех сопутствующих ей обстоятельствах. А также, по возможности, внести любой посильный вклад в ликвидацию ее последствий. Я был бы чрезвычайно признателен Вам, если бы Вы согласились выслушать меня как можно скорее.

Тишина. Я прислушался в надежде хоть на какой-то сигнал. А вот нельзя сказать, что сообщение, мол, принято? Сиди теперь, гадай — то ли снова вызов посылать, то ли просто ждать.

Сидел я и гадал несколько часов. В смысле, сидел, стоял, ходил, лежал — но ответа не было. Никакого. Наконец, я не выдержал. Принялся раз за разом обращаться к этой певчей птице заведенной с просьбой соединить меня со всеми подряд — с моим руководителем, со Стасом, с целителями, распорядителями, администраторами, энергетиками, даже со внештатниками...

Может, за время моего отсутствия, подумал я после очередного приглашения обратиться чуть позже, у них действительно операторов запрограммировали, а у этой сбой в программе произошел?

— Да соедините Вы меня хоть с кем-нибудь! — рявкнул я для проверки.

— Запрос составлен некорректно, — все также приветливо развеяла она мои сомнения.

Я рухнул на диван. Во сне моя гостиная предстала передо мной в образе печально знаменитой человеческой «музыкальной комнаты», из каждого угла которой мне словно гвозди в голову забивали: «Линия перегружена, линия перегружена, линия перегружена...».

Открыв на следующий день глаза, я тут же закрыл их, с ужасом ожидая продолжения сна. Может, это тоже не сон был. Но обошлось — меня снова окружала глухая тишина. Сон не принес мне ни малейшего облегчения, но я встал и упрямо побрел по квартире, чтобы хоть что-то делать.

Рассеяно зайдя в ванную, я наконец-то полностью проснулся. Отшатнувшись от зеркала и ударившись головой о стенку. Из зеркала на меня смотрело ... нечто. С воспаленными, безумными глазами и с всклокоченными волосами. Спасибо, хоть щетина здесь не появилась. Но даже без нее я выглядел так, словно уже добрый месяц на исправительных работах провел. Тяжелых физических исправительных работах.

А может, меня уже наказывают? — вдруг мелькнула мысль. Ну, тогда в особой изошренности им не откажешь. Эта квартира — внешне точная копия моей земной, но без самой важной части моей земной жизни, полная изоляция в ней, полная неизвестность, полное отсутствие каких-либо контактов...

Минуточку, если я уже отбываю наказание, значит, мой отчет не понадобился? Они судьбу Татьяны без меня решили? Вот зря они табуретки в кухне поставили!

Замок на входной двери под табуреткой устоял. Даже вмятины не появилось. Даже после доброго десятка ударов. Вернувшись в кухню, я изо всех сил швырнул табуретку в окно. Окно отбило удар, тоже не дрогнув. Но мне послышался тихий тонкий звук, похожий на всхлип. Отлично, мстительно подумал я, хоть где-то брешь в этой непробиваемой бесчувственности нашлась.

А вот диван, пожалуй, помощнее табуретки будет. Я помню, как его в мою квартиру на земле четверо, пыхтя, заносили. А я даже после этих попыток за четверых, играючи, сойду. Вот если его в прихожую вытащить, а потом с разбегу в дверь... Это ничего, что она вовнутрь открывается, люди тараном еще в средние века любые двери сносили.

— Ваш руководитель будет готов принять Вас через полчаса, — прощепетало у меня в голове.

Дернувшись от неожиданности, я поскользнулся и со всего размаха плашмя приземлился на пол в кухне. Вот нельзя было еще пару минут подождать, чтобы я до дивана дошел?

— Благодарю Вас, — со всем мыслимым достоинством проговорил я лежа, чтобы не застонать, поднимаясь. — Как мне к нему попасть?

— Вас проводят, — коротко ответила оператор.

Ого, это что-то новенькое, подумал я, кое-как заняв вертикальное положение и придерживая руками возмущающуюся поясницу. Интересно, мне лучше постараться привести себя в приличествующий Ангелу вид или дать им возможность насладиться плодами моих истязаний?

Я привел себя в порядок только потому, что так время быстрее шло. Впрочем, без воды, полотенца, расчески это и заняло-то минут десять от силы.

Если меня проводят, значит, за мной придут. Надо бы глянуть, как они дверь открывать будут, если замок не работает. Или уже работает? Подойдя к двери, я прислушался все к той же равнодушной тишине и снова попробовал повернуть замок — без всякого результата, естественно.

В сердцах я с размаха пнул эту дверь ногой — и тут же запрыгал от боли на другой, теряя равновесие. Инстинктивно я ухватился рукой за ручку двери — она мягко повернулась вниз, и дверь открылась.

Некоторое время я стоял перед этой открытой дверью — все также в позе аиста, все также держась за ее ручку, и старательно подбирая наиболее подходящее случаю слово.

— Идиот! — наконец, твердо и отчетливо проговорил я, бесконечно гордясь своей самокритичностью. Вот нельзя было за ручку подергать, прежде чем мебель не по назначению использовать?

С другой стороны, если они хотели довести меня этой обстановкой до безумия, они своего добились. И мебель к тому же не моя. И жизнь на земле меня научила, что почти все великие открытия совершенно случайно были сделаны. Одним словом, дело прошлое, со всяким может случиться, и сейчас нужно в будущее смотреть.

Будущее определенно находилось за этой дверью. Я осторожно выглянул наружу.

Коридор. Точно такой же, как в месте моих первых заточений — с множеством дверей и крутыми поворотами в обоих его концах. Очень может быть, задумчиво прищурился я, что и место то же самое, разве что — другое крыло, в котором помещения покомфортнее. Меня, что, в элитное заключение поместили?

Наличие сопровождения тоже на это намекало. А где оно, кстати? Я отлично помнил, что кабинет моего руководителя находился всего парой этажей выше, но, глянув на часы, увидел, что до назначенного приема осталось чуть меньше пятнадцати минут. Не хватало еще мне, в моем неопределенном положении, на вызов руководства опоздать! Спасибо, конечно, за предложение почетного караула, но пунктуальность сейчас важнее, я сам доберусь.

Поколебавшись еще мгновение в выборе направления к выходу с этажа, я решительно пошел налево, надеясь, что закон надобности выручит.

Выручил. Я и трех шагов не сделал, как из-за угла показался мой эскорт и двинулся мне навстречу. Ну что ж, не могу не отметить — хорошо у них служба поставлена. И мероприятия по минутам расписаны, и сотрудники вымуштрованы — вон в ногу шагают.

Вот только зачем их трое? Чтобы дорогу показать, одного бы вполне хватило. Какой-то слишком уж почетный караул.

По мере их приближения я наконец-то смог разглядеть их, и почетный караул тут же потерял первое слово в своем названии. Внештатники. Как всегда мускулистые, твердолобые и все на одно лицо. И смотрели они на меня с одинаковым выражением. Очень оно мне не понравилось. Так Тоша на Максима смотрел, когда тот еще Денисом был и мы уже знали, что он — темный, но ничего не могли с ним поделать. Я мгновенно ошетинился.

— Нарушаем? — тихо и угрожающе процедил один из них, когда они со мной поравнялись.

— Это еще с какой стати? — огрызнулся я. — Мне сказали вас ждать, но не сказали, где. И вообще — вам проводить меня велели, вот и провожайте.

Все трое очень нехорошо улыбнулись. Один зашел мне за спину, двое стали по бокам, и один из них кивнул мне вперед.

Дверь на лестницу оказалась именно там, где я и ожидал ее увидеть. И точно так же, как я и думал, мы пошли вверх. Но пройдя два, потом три этажа, они не остановились.

— А нам не сюда? — озадаченно спросил я.

Ответом мне послужил тычок в спину.

— Вот раньше не могли прийти? — буркнул я. — Сейчас опоздаем.

Дружно хмыкнув, они резко ускорили шаг. Вверх по лестнице. Где-то к десятому этажу я начал задыхаться. Вот они — последствия земного комфорта, с его машинами, лифтами и сидячим образом жизни! Чистое самоуважение спасло, позволило держаться с ними наравне.

Наконец, мы остановились и зашли на какой-то этаж — я уже давно со счета сбился. Но пройдя всего пару дверей по коридору, мы вышли через следующую ... снова на лестницу. По которой помчались вниз. С той же скоростью. Вот в жизни не думал, что вниз бежать труднее, чем вверх! Особенно если при малейшей задержке тычок в спину следует.

Я не решался ни вопросы задавать, ни по сторонам оглядываться — полностью сосредоточился на своих ногах. Вот интересно, если я сейчас споткнусь и растянусь, кубарем скатившись, они остановятся или так и побегут дальше, тщательно по мне потоптавшись? Нет уж, не доставлю я им такого удовольствия!

Они снова остановились без предупреждения, и я по инерции вырвался вперед. Тут же моя голова оказалась в жестком захвате, и меня швырнули назад и резко развернули лицом к двери.

— А если я сейчас руки оторву? — кинулся я на них.

— Мы, кажется, опаздываем? — все с той же нехорошей усмешкой проговорил тот, что справа, небрежно потирая бицепс. Тот, что слева, молча открыл дверь и кивнул мне в ее сторону.

Я машинально глянул на часы и почувствовал, что все еще могу гордиться собой. Несмотря на явный многолетний недостаток тренировки на земле, я уложился в срок в этом спринтерском забеге — у меня оставалась минута до назначенной встречи. Или это у меня часы остановились? Нет, секундная стрелка движется. Ладно, я с этими потом разберусь. Когда узнаю, что меня самого в этом потом ждет.

Высоко вскинув голову, я шагнул через открытую дверь. Кабинет моего руководителя оказался за третьей дверью направо — возле нее они остановились. Но открывать не стали. Я тоже не стал — если они меня гоняли, то зато и все двери передо мной открывали, нечего для этой исключения делать. У меня еще тридцать секунд было на игру нервов.

Первыми нервы сдали у них. Причем, у всех и по полной. Глянув на меня уже без ухмылки, но с прищуром, один из них постучал в дверь, другой тут же открыл ее, а третий дал мне сзади такого тычка, что я влетел в кабинет и с трудом остановился только на его середине. Отлично, так и положено Ангелу, осознающему свои ошибки и стремящемуся как можно скорее приступить к их исправлению!

— Добрый день! — проговорил я, переводя дух.

Мой руководитель молча смотрел на меня. Без какого бы то ни было выражения. Я насто- рожился. Я уже встречался с его ровным отношением, сдержанным неодобрением, легким, едва уловимым юмором, но сейчас на его лице не было написано ровно ничего.

Я вдруг заметил, что в его кабинете нет тех уютных кресел, в которых мы не раз беседовали. Понятно, дружеским этот разговор быть не обещает. Но и никаких стульев там не оказалось — ни возле его стола, ни посреди кабинета. Похоже, мне предписано стоять. Я похолодел — в таком положении преступнику приговор оглашают.

Молчание затягивалось. Чтобы хоть как-то начать, я примерно повторил свое к нему обращение через оператора. Почти заикаясь под конец под его непроницаемым взглядом.

— Вы уверены, что действительно отдаете себе отчет в случившемся? — наконец медленно проговорил он.

Вот он — мой шанс высказать свою версию событий!

— Да, и я хотел бы объяснить... — торопливо заговорил я.

— В масштабе случившегося? — перебил он меня.

— Я не совсем понимаю... — растерялся я. Можно подумать, у той аварии сотня свидетелей была, которым пришлось внушать несколько иную ее версию.

— Я так и думал, — отметил он даже без намека на удовлетворение. — Очевидно, Вы забыли, что, получив разрешение на весьма необычный стиль пребывания на земле, Вы взяли на себе ряд дополнительных обязательств.

Ничего себе, так это когда же было! Я порылся в памяти. Ну, Тошу наставлять брался — так он уже так заматерел, что временами набирался нахальства мне советы давать. Позже за Мариной приглядывать обещал — так у нее и свой собственный хранитель появился, и Максим со Стасом возле нее все время крутились. С темными, вроде, обещал без надобности не контактировать — так я и не контактировал почти, разве что по официальным случаям и при большом скоплении свидетелей. А, вот еще в работу наблюдателей мне было практически приказано не вмешиваться. Я скрипнул зубами, вспомнив то ежедневное ядовитое присутствие рядом с Игорем. Ну, подумаешь, в нокаут его один раз послал — так доказательств у него как не было, так и нет. И вообще — при чем здесь авария?

По всей видимости, последний вопрос у меня на лице нарисовался. Я очень надеялся, что он хоть не вслух из меня вырвался.

— Ваше постоянное и чрезмерное вовлечение в свою миссию непосвященных во все аспекты ангельской деятельности должно было исключить для Вас даже малейшую возможность провала, — все также холодно и безучастно объяснил он. — Люди переживают трагедии намного спокойнее, если не знают, что те являются результатом халатности наших представителей.

Марина! Ну, как же я сразу-то не догадался? Я всегда знал, что мне от нее ничего, кроме неприятностей, ждать не приходится — хоть на том свете, хоть на этом. Уж с ней-то наверняка все три приставленных к ней ангела не справились, если ее жажда мести за подругу обуяла. Особенно если меня сразу эвакуировали, и ей не на ком оказалось эту жажду оперативно утолить.

— Впрочем, даже Ангелы из Вашего окружения позволили себе неадекватную реакцию, — продолжил он после небольшой паузы, словно дав мне возможность проникнуться всей серьезностью обвинения. — Вместо того чтобы извлечь урок из Вашего непрофессионализма и удвоить внимание к своим обязанностям, они принялись посылать нам запросы о Вашей дальнейшей судьбе. Ваш непосредственный коллега вообще посмел требовать от меня информации — под Вашим влиянием, как мы понимаем.

Ага, ну да, лет эдак двадцать назад он, может, и был под моим влиянием! Но честно говоря, я даже растрогался — вот даром все-таки я на этого паршивца столько сил в свое время потратил! Он мне теперь целую группу поддержки сколотил. Там, небось, собратья-хранители собрались — Маринин Киса, Анабель точно, а может, и ее французы... Только бы Максима не привлекли — он, конечно, адвокат хороший, но в первую очередь темный, замолви он за меня словечко, чует мое сердце, оно мне боком вылезет.

— Что уже тогда говорить о Вашем сыне? — добавил мой руководитель, и я вновь весь обратился в слух. — Его ситуация и так вызывает много споров. Оценка его наблюдателя все также остается весьма нелестной. Воздействовать на него мы не можем из-за непредсказуемости последствий. А он вознамерился лично выяснить вашу судьбу — Вашу и Вашей подопечной.

— Что? — чуть не задохнулся я.

— Вы обязаны были предвидеть подобные последствия, — ответил он, не ответив.

— Где мой сын? — Мне уже было абсолютно плевать на учтивость манер и вежливость тона. Ну да, я, конечно, Ангел, и у меня два крыла, чтобы их обоих — и Татьяну, и Игоря — защитить, но для этого же нужно, чтобы они оба при мне были!

— Там, где ему и положено быть, — никак не отреагировал на мою вспышку мой руководитель. — Ваш непосредственный коллега взял на себя полную ответственность за него.

Фу, слава Всевышнему, можно решать проблемы по очереди! Так, Тоша, держи его там покрепче, можешь даже иногда подзатыльник ему дать, не сильно, пока я его мать разыщу.

— Я все понял, — сдержанно произнес я. — Я действительно допустил преступную халатность, тем более преступную, что она повлекла за собой целый ряд осложнений в обоих мирах. Я осознаю это и готов понести любое наказание.

— Наказание себе Вы определите сами, — коротко произнес мой руководитель.

Я оторопел. Я, конечно, слышал, что никакая дисциплинарная комиссия не могла назначить оступившемуся Ангелу более суровое наказание, чем он сам на себя накладывал, особенно после того, как ему подробно объясняли всю глубину его падения. Но мне же только что целую гроздь абсолютно беспрецедентных обвинений предъявили! И все равно сам? Хотя я, конечно, не против. Для такого решения мне понадобятся глубокие размышления, требующие длительного времени...

— Я понял, — повторил я. — Но мне хотелось бы представлять себе всю полноту картины. Для этого я хотел бы узнать, что случилось с моей ... подопечной? — Я уже настолько отвык от этого слова, что оно мне не менее отвратительным, чем когда-то Татьяне, показалось.

— Вас это больше не касается, — еще короче ответил мой руководитель.

— Вы хотите сказать, что ее судьбу решили без меня? — медленно и раздельно проговорил я, чтобы не заорать. Они мне еще рассказывать будут, что меня касается? Да она меня касается больше, чем все они вместе взятые! — Без учета моего заключения?

— Рекомендации Ангела-хранителя принимаются во внимание только в случае его успешного выполнения своей миссии, — ответил он, словно цитату из перечня наших должностных обязанностей зачитал.

Вот этого я не знал. Я почувствовал, что у меня земля ... нет, не земля, та уже ушла — пол его кабинета из-под ног уходит. Если не справившегося хранителя действительно навсегда отсекают от подопечного человека... Ну-ну, вот хочу я на это посмотреть!

— Простите, позволю себе с Вами не согласиться, — сдерживаясь изо всех сил, произнес я. — Меня это касается. Мне нужно знать это, чтобы выбрать наиболее адекватную меру наказания. В данном случае я нес большую ответственность, чем обычно — Вы же знаете, она была не просто моей подопечной, — к концу голос у меня предательски дрогнул.

— Как я уже сказал, она больше не находится в Вашей компетенции, — помолчав, ответил он. — Она больше не имеет к Вам никакого отношения.

Я насторожился. Его последняя фраза была какой-то ненужной, излишней, не вписывающейся в его бесстрастный тон и манеры во все время этого разговора. Он словно мое внимание привлекал к чему-то между строк и слов.

— Если ей назначили повторное прохождение жизненного цикла, — забросил я удочку, внимательно вглядываясь в его лицо, — то мне кажется, что несправедливо наказывать ее за мою ошибку.

— Не назначили, — обронил он все с тем же каменным выражением.

Мне вдруг стало абсолютно все равно: были ли мои ошибки ошибками, к каким последствиям они привели, как они скажутся на моей и так уже окончательно испорченной репутации. Если они решили Татьянину судьбу бесповоротно и безвозвратно, то проблем с выбором своего наказания у меня не было. Я — ее хранитель, это они у меня не отберут. Буду, как и положено хранителю, там, где она. Нигде.

А Игорь? — вдруг взорвалась в голове мысль. Ему я письмо напишу, тут же решил я. Длинное-длинное письмо, в котором расскажу всю нашу с его матерью жизнь, чтобы он навсегда запомнил ее такой, какой ее всегда видел я. И Тоше письмо напишу. С инструкциями, как за Игорем присматривать, чтобы тот не слишком взбрыкивал. И еще Марине, чтобы у Тоши под ногами не путалась и хоть моему сыну спокойно жить дала. А, и еще Максиму, чтобы Марину чем-нибудь занял и Дару как-нибудь от Игоря отвадил...

Мой руководитель молчал, бесстрастно глядя на меня. Я же решил добавить последний, финальный, так сказать, штрих к своему образу особо нестандартного Ангела.

— Ее распылили? — процедил я сквозь зубы с нескрываемым бешенством. — Потому что слишком много знала? Потому что произвела на свет неудобную вам полукровку? Потому что вызвала привязанность вашего сотрудника? В назидание другим, чтобы в контакт с людьми не вступали? — Под конец я уже таки орал.

— Она принята, — невозмутимо ответил мой руководитель.

На этот раз пол его кабинета ушел-таки у меня из-под ног.

— Можно сесть? — запоздало поинтересовался я, рухнув на него.

— Нет, — послышалось сверху.

Крякнув, я с трудом поднялся, снова держась за измученную поясницу. Возможно, потому что его лицо исчезло на какое-то время из поля моего зрения, сейчас я глянул на него словно другими глазами. Его невозмутимость была абсолютно, совершенно неестественной. Он словно маской прикрылся. И только через ее прорези для глаз созерцал меня не так бесстрастным, как пристальным взглядом. То ли фиксируя мою реакцию, то ли сигнал какой-то посылая в ответ на каждый мой, им же вызванный, взрыв.

— Я могу ее увидеть? — Я тоже впился в него взглядом.

— Мы бы предпочли, — размеренно произнес он, — чтобы Вы сосредоточились на осознании произошедшего и поисках наилучшего способа исправить нанесенный ущерб. У Вас давно обнаружился талант создавать внештатные ситуации, — Прищурился он, что ли? — или попадать в них. Однако сейчас Вам придется подождать, пока утихнут разговоры вокруг этой. Нам бы не хотелось, чтобы Вы их подпитывали.

Внештатная ситуация? Автомобильная авария на земле — внештатная ситуация? Это уже явно походило на какой-то сигнал. Чтобы я его еще только понял.

— Что Вы имеете в виду? — медленно спросил я.

На лице моего руководителя на мгновение мелькнула досада — настолько неожиданно, что она показалась мне нарочитой.

— Принятие погибшего кандидата — это беспрецедентный случай в нашей практике, — снова замкнулся он в своем спокойствии. — Основанием для него послужил только лишь тот факт, что авария произошла в процессе выполнения операции службы внешней защиты.

На этот раз я устоял. Потому что окаменел. Стас? При чем здесь Стас? Это мы в него врезались? А предупредить он меня не мог? Или его тоже в мою группу поддержки привлекли? Да нет, что-то я сомневаюсь, чтобы даже он смог задним числом какую-то операцию организовать. Что же это у него за операция была в моих окрестностях, о которой я ничего не знал? Ну подождите, дайте мне до него добраться!

— В нашем сообществе, — тем временем продолжал мой руководитель, — уже более чем достаточно нездорового внимания к Вашей подопечной. Нам не хотелось бы, чтобы и Вы оказались в его центре.

Ага, а если не в центре? А если где-нибудь с краешку, одним глазком на Татьяну глянуть? Вот и прямо запрещать мне увидеться с ней он только что не стал... Нет уж, хватит с меня этих намеков!

— Я нахожусь под домашним арестом? — прямо спросил я.

— Посещение земли Вам запрещено, — вновь уклончиво ответил он. — У нас же Вы вольны в своих перемещениях. — Я невольно расплылся в улыбке. Которую он тут же погасил: — Но под наблюдением. И в случае чрезмерной общительности, будете ограничены в них. Сотрудники службы внештатных ситуаций и так недовольны, что Вы избежали их расследования.

И тут до меня дошло! Так это они меня от бессильной злобы гоняли? Так это я и сейчас уже под наблюдением? Так это поэтому он мне глазами сигналил? Ладно, если он прямо говорить не может, найдем ответы в другом месте. Интересно, Стас тоже в центре внимания или чуть-чуть сбоку?

— Благодарю Вас, — с чувством произнес я, — я Вас полностью, абсолютно понял. Мне сейчас куда?

— Выбор за Вами, — слегка кивнул он. — Ваши старые апартаменты освободили, но и место Вашего последнего пребывания пока еще оставлено за Вами.

— Я, пожалуй, в него вернусь, — задумчиво проговорил я, и добавил с надеждой: — Меня проводят?

Мой руководитель впервые глянул на меня с открытым удивлением.

— Вам нужно сопровождение, чтобы спуститься на три этажа?

Да нет, мне нужно сопровождение, чтобы побегать — предпочтительно с такой скоростью, чтобы мой этаж проскочить и кубарем в самый низ скатиться — прямо к Стасу.

Выйдя из кабинета моего руководителя, я нашел дверь на лестницу и пошел вниз с выражением глубоких раздумий на лице. Мне даже изображать их не пришлось.

Что делать, было понятно — как можно быстрее разыскать Татьяну. Держать ее в неизвестности всегда было опасно. Я с содроганием вспомнил ее бурную самостоятельность всякий раз, когда меня с земли выдергивали. А что она может натворить в незнакомой обстановке, вообще представлять не хотелось. Но где ее искать?

Я никогда до сих пор не интересовался, что происходит с нашими новичками. Я же свято верил, что Татьянино вхождение в наше общество произойдет если и не под моим чутким руководством, то уж при самом непосредственном моем участии.

Но общие представления об этом процессе у меня, конечно, были. Сначала вновь прибывшим освобождают память от груза ненужных более земных воспоминаний. Потом их знакомят со структурой нашего сообщества, а также с направлением деятельности каждого из его подразделений. После чего каждый неопит выбирает наиболее подходящее ему место работы, где и проходит уже углубленную стажировку.

Первый момент меня абсолютно не волновал. Самые важные воспоминания у бывших людей всегда оставались — и я ни секунды не сомневался в том, что в земной жизни Татьяны не было ничего важнее меня. И Игоря, конечно. Из-за него она сейчас, наверное, совсем себе места не находит — я-то где-то рядом, и под разбирательство далеко не первый раз попал, вернусь, как всегда возвращался, а об Игоре от кого ей новости узнать? Тем более нужно побыстрее найти ее. Пока она меня под куда более серьезные взыскания не подвела. Под полное ограничение в передвижениях, например.

Что касается ее выбора будущей ангельской профессии, то я тоже был уверен, что она мою выберет. Однажды на земле, в самом начале нашей совместной, в смысле, видимой жизни у меня было возникли сомнения в этом, но за столько лет мы так притерлись друг к другу, так — не побоюсь этого слова — сроднились, что уже понимали друг друга без слов и жестов. По крайней мере, без лишних слов и жестов. По крайней мере, большую часть времени. Понятное дело, мы и в новой жизни должны в одной команде оказаться!

Но сколько времени может длиться вводный курс новичков? До меня вдруг дошло, что я ничего не помню из своего собственного начала ангельской биографии. Нам, что, и после общего введения в курс дела память чистят? Да нет, вряд ли, я же о его существовании помню. Наверно, оно просто настолько краткосрочно, что последующая узко профессиональная подготовка его полностью затмевает.

Из чего логически следовал вывод, что Татьяна эту первичную подготовку уже закончила. Вот потому меня, наверно, пару дней взаперти и держали, чтобы я в ее выбор не вмешивался. Ну-ну, довольно хмыкнул я, даром я, что ли, столько лет на земле рядом с ней провел?

Вернувшись в эту имитацию моей земной квартиры, я удивленно огляделся по сторонам — почему-то она больше не вызвала у меня никакого раздражения. Впрочем, понятно — не мебель, не цвет стен и не содержимое шкафов и ящиков делали ее моим домом. Мне Татьяна в ней нужна была. Теперь, когда я точно знал, что смогу найти ее, мне было совершенно все

равно, где мы с ней устроимся — в конце концов, здесь нам ни холодильник, ни ванная не нужны. А как только она стажировку закончит, мы с ней сразу на землю вернемся.

Но где же ее все же искать? Разумно предположить, что если она выбрала наше подразделение, то и стажироваться должна где-то на его территории. Может, тот этаж, где кабинет моего руководителя расположен, и есть наша территория? Логично, не станут же ему одному целый этаж выделять.

Я, правда, смутно помнил, что во время своих недолгих пребываний в родных пенатах между заданиями на земле находился в каком-то другом, более уединенном месте. Как же давно это было! Я никогда не стремился общаться с коллегами, мне всегда нужно было как можно быстрее подготовиться к новому заданию и вновь вернуться на землю. Наверно, мне тогда какое-то временное помещение предоставляли, что-то вроде гостиницы — может, даже и на этом самом этаже. Зачем, спрашивается, постоянное жилье Ангелу, который большую часть времени в отъезде проводит?

Затем ко мне пришли более свежие и, соответственно, более яркие воспоминания. Перед схваткой с темным Денисом, который затем превратился во вполне респектабельного Максима, инвертироваться меня тоже прямо здесь учили. И инструктаж у целителей и у Стаса я тоже прямо здесь проходил, на других только этажах. И Тоша потом тоже. Похоже, это у нас здесь такое административное здание. Ну и отлично! Даже если Татьяна другой отдел выбрала, просто на другом этаже ее и разыщу.

А с какой, собственно, стати ей другое подразделение выбирать? Это на земле приходилось миллион вариантов ее самых невероятных действий продумывать, но здесь-то ее уже во вводном курсе должны были с основами элементарной логики ознакомить. Которая не могла не подсказать ей, что мне проще всего будет ее в своем отделе найти.

Вот с него и начнем. А что я там забыл? В смысле, официально — на тот случай, если за мной действительно наблюдают. Да вот у руководителя и забыл что-то спросить — по ходу придумаю. Например, о границах своей полной свободы передвижений — если остановят по дороге.

Я вышел из своей квартиры и быстро окинул взглядом все так же пустынный коридор. Как-то слишком пустынно для гостиницы. А может, это — место заключения, а злостные нарушители, вроде меня, у нас редкость? Тогда я на территории внештатников, что ли? Чтобы им за мной удобнее наблюдать было? Обойдуся!

Я решительно направился к двери на лестницу — навстречу мне никто не вышел. Я открыл дверь и вышел — опять беспрепятственно. Я поднялся на три этажа — меня никто не остановил. М-да, вопрос о границах свободного перемещения как-то потерял актуальность.

Старательно хмурясь, я подошел к двери кабинета своего руководителя. Слава Всевышнему, из-за нее слышались какие-то глухие голоса! Наблюдаете? Наблюдайте! Не могу же я врываться к вышестоящему лицу, когда оно настолько явно занято. И под дверью его стоять нехорошо, чтобы не подумали, что я подслушиваю.

Я медленно пошел по коридору, напряженно прислушиваясь. Тишина. За каждой дверью. Ну, понятно, мы же не администраторы какие-нибудь — мы все время в тяжком труде в экстремальных полевых условиях проводим.

Обойдя весь этаж, я обнаружил только еще две двери, за которыми слышался невнятный разговор. Ни за одной из них Татьяны быть просто не могло. В курс нашей подготовки обязательно входит физическая тренировка — и будь Татьяна там, я бы и сопение, и пыхтение, и возмущенные вопли услышал.

Автоматически глянув на часы, я вдруг подумал, что по земным меркам, уже довольно поздно. Ангелам, разумеется, ночной отдых ни к чему, но насчет новичков я не был так уверен. В конце концов, они еще буквально вчера людьми были — возможно, первое время им

привычный режим сохраняют. Я и сам уже был не прочь на диване вытянуться. В ожидании долгожданной встречи, разумеется.

Вернувшись, снова без каких-либо преград, в свою ... то ли квартиру, то ли камеру, я прилег на диван и мгновенно заснул. Чтобы время быстрее шло, естественно. Которое я и отсчитывал по минутам — вернее, по дверям, мимо которых шел во сне по бесконечному коридору и которые встречали и провожали меня безжизненным молчанием. Я их даже открыть пытался — думаю, не нужно говорить, с каким результатом.

Проснувшись, я поежился — коридоры в этом здании бесконечными, разумеется, не были, но если по кругу ходить...

После третьего круга на этаже, как я надеялся, хранителей, мне уже было все равно, наблюдают за мной или нет. Я прикладывал ухо к каждой двери, заглядывал в каждую замочную скважину, дергал за каждую ручку — ничего. Никто меня, правда, в этом не останавливал, но мне от этого было не легче — когда я представлял себе, как развлекаются внештатники, подглядывая за великим сражением высокодуховного Ангела-одиночки с сонмом бездуховных деревяшек.

В конце концов, я твердо убедился в том, что нет на этом этаже Татьяны. После того как вспомнил о законе надобности и воззвал к нему, потребовав немедленно направить меня к ней. Меня тут же потянуло к входной двери, причем с такой силой, что мной же эту дверь и открыло. Спасибо, подумал я, потирая ушибленный бок, я и сам знаю, как сильно хочу увидеть Татьяну, но дальше-то куда? Чувство надобности интригующе испарилось.

М-да, мрачно хмыкнул я, похоже, некоторые, наиболее яркие выходцы с земли умудряются протащить в наше сообщество багаж не только человеческого распорядка дня, но и других, куда более вредных привычек. Татьяна всегда получала особое удовольствие, максимально усложняя любую стоящую передо мной задачу. Извольте ей, понимаешь, всякий раз доказывать, что Ангел — существо более мудрое, знающее, опытное и вообще превосходящее во всех отношениях человека.

Я с опаской глянул вверх и вниз между пролетами лестницы. Вот не понравилось мне то, что я увидел. Нет, впереди у меня, конечно, вечность, и рано или поздно я их все обыщу, но с нее же станет невинно поинтересоваться, почему я так долго возился! И прощай, авторитет. Заработанный потом и кровью за долгие земные годы.

Правда, на некоторых этажах, вдруг вспомнил я, куча народа была. У целителей, точно. Там можно будет просто спросить, где у них стажеры...

Стоп-стоп-стоп, резко остановил я себя. Куча народа мне точно ни к чему. Что там говорил мой руководитель — «в случае чрезмерной общительности, Вы будете ограничены в перемещениях»? Может, мне «Обет молчания» на лбу написать? Ну да, конечно, и прямиком в центр внимания, а оттуда под домашний арест...

Ломая голову над тем, как разыскать Татьяну, оставаясь незамеченным, я медленно пошел вниз по лестнице.

Голова продержалась до позднего вечера, когда неохотно признала, наконец, что без посторонней помощи мне не обойтись. Вот недаром отцы-архангелы всегда учили, что смирение — это добродетель! Которая всегда вознаграждается. Стас, вознаградило меня обухом по голове.

Ну, конечно же, Стас! Общение с одним Ангелом никто не решится назвать чрезмерным, а намек моего руководителя на какую-то операцию, которую Стас проводил как раз в районе нашей аварии, дал мне полное право задать последнему ряд вопросов. Среди которых вполне может случайно, ненароком вырваться вопрос о Татьяне.

Через пару часов оказалось, что общение с одним Ангелом считается в родных пенатах чрезмерным, если этим Ангелом является руководитель отдела. Прямая связь со Стасом глухо молчала — я даже подумал, что она, наверно, только с землей работает. Очаровательный голос

оператора раз за разом сообщал мне, что в данный момент руководитель службы внешней охраны недоступен, и просил повторить запрос чуть позже. Хоть бы сообщение оставить предложила!

Этот голос меня и во сне преследовал, когда я, в конце концов, на диван рухнул.

А вот утро не только на земле мудренее вечера оказалось. Проснувшись и потряся головой, чтобы избавиться от этого оптимистичного звона, я вдруг понял, что оставаться так долго в недоступности Стас может, только находясь на земле. А в этом случае он бы мне уже по прямой связи ответил. Значит, либо мне доступ к нему не дают, либо он сам со мной говорить не хочет. А это значит, что он что-то знает — что-то такое, от чего меня старательно изолируют. А если меня от чего-то изолируют, значит, мне это точно нужно. А нужно мне только одно...

Меня рвануло к двери, затем к выходу на лестницу, затем вниз по ней — в самый низ, где, как я помнил, располагался отряд Стаса. Опять без каких-либо помех. Я торжествующе улыбнулся. Я ведь абсолютно свободен в своих перемещениях, не так ли?

Границы моей свободы обнаружились этажа за два до последнего. В лице двух внештатников — небрежно прислонившихся один к перилам, второй к стенке и плотоядно улыбающихся мне снизу вверх.

— Нарушаем? — с надеждой поинтересовался прислонившийся к стенке.

— Это еще с какой стати? — возмутился я. — Мне сказали, что я могу ходить, куда хочу.

Прислонившийся к перилам небрежно отклеился от них, вразвалочку поднялся ко мне и — одним молниеносным движением — развернул меня на 180 градусов.

— Иди, — великодушно разрешил он мне, чуть подталкивая в спину.

Вот здесь я сразу хочу сказать. Я бы с ними обоими справился без всяких проблем, даже после разнеженной земной жизни, но! Я просто кожей почувствовал, что они именно этого от меня и ждут — чтобы тут же доложить о моем чрезмерно энергичном общении и так запереть меня в этой квартирноподобной клетке.

Я рванул вверх по лестнице. На один пролет.

— А может, еще погоняем? — бросил я им через плечо с широкой улыбкой. — Или вы только по прямому приказу руководства тренируетесь? — Они переглянулись в явном раздражении. — Впрочем, нет, куда вам до хранителя, — сокрушенно добавил я, и уже всерьез ринулся наверх.

Они догнали меня через три этажа. Я чуть посторонился, давая им вырваться вперед, резко развернулся и помчался вниз. О, вот это другое дело — когда перед тобой понятная цель и в спину никто не тычет!

Им удалось перехватить меня всего за один этаж до заветной двери в подразделение Стаса. Обидно, подумал я, опять помянув не злым тихим словом земной комфорт. Грубо оттолкнув меня, внештатники резко затормозили на две ступеньки ниже, и развернулись ко мне лицом, выдвинув челюсти и раздувая ноздри.

— Молодцы! — искренне похвалил их я. — Удлиняем дистанцию? Или уже устали? — участливо поинтересовался я. — Ну, тогда отдыхайте — я вот только разогреваться начал.

На этот раз я первым добрался до своего этажа. На чистом самоуважении. Которое тут же послало вопящие от перегрузки ноги дальше вверх.

— Куда? — рывкнуло мне в спину.

— К начальству! — На большее у меня дыхания не хватило. А сил — больше, чем еще на два этажа. Где они мне снова путь преградили — тоже отдуваясь, с удовольствием отметил я.

Одобрительно хлопнув ближайшего ко мне по плечу, я тут же помчался вниз — не дожидаясь его реакции и уговаривая самоуважение продержаться еще совсем чуть-чуть.

На своем этаже я метнулся прямо к входной двери и резко открыл ее прямо перед носом своих преследователей... но бежавший у перил внештатник успел ухватить за шиворот своего напарника.

— Ну, все, спасибо, я домой! — бросил я, пока они друг от друга не отцепились, и юркнул за дверь.

В тот вечер мне намного лучше думалось лежа. Все мышцы ныли, но я даже радовался этому ощущению — вместе с ним ко мне определенно возвращалась хорошая форма. А что-то ... нет, опыт моего общения с Татьяной подсказывал мне, что она мне очень скоро понадобится. Я бы еще побегал — вот скажет Стас, куда, взлечу — никто меня не остановит.

Но прежде чем куда-то взлетать, нужно к Стасу попасть. Что-то снова подсказало мне, что ждать, пока внештатникам надоест вход к нему стеречь, не стоит. Значит, точно есть там что-то, к чему меня всеми силами не подпускают!

Но как же к нему пробраться-то? Я с горечью вспомнил Тошин талант телепортироваться. Вот где справедливость? Почему он только ему достался? Почему нам особые способности неравномерно раздают — даже в пределах одного подразделения? Равноправие где, я спрашиваю?

Минуточку. Неравноправие — это даже хорошо. Если я прыжки с места на место так и не освоил, то инвертироваться почти мгновенно научился. И практика в невидимость переходить по десять раз в день, пока Татьяна меня человеком не сделала, у меня была — дай Всевышний каждому хранителю. Или мы в невидимость только на земле можем переходить?

Я чуть было не попробовал, прямо на том диване, но вовремя спохватился. За мной же наблюдают — нечего чуть ли не единственный козырь раскрывать. Можно в ванной проверить, там даже при нашем круглосуточном освещении темно — ничего они не увидят. Я, правда, тоже.

Ага. Я перевернулся набок, одновременно вытащив мобильный из джинсов, свесил руку с ним с дивана и незаметно забросил под него телефон.

Следующие несколько минут полного бездействия дались мне очень нелегко. Наконец, я не спеша встал, потянулся, небрежно хлопнул тебя по карману джинсов, замер, старательно хмурясь — и начал хлопать себя по всем карманам, нервно оглядываясь сторонам. Я даже обежал гостиную пару раз, заглядывая во все углы. Затем я хлопнул себя по лбу, опустился на четвереньки и заглянул под диван. Издав громкий возглас облегчения, я пошарил под ним рукой, потом другой, потом горестно вздохнул и полез под него сам.

Святые отцы-архангелы, как я на земле когда-то под такой мебелью помещался? Ничего, это ненадолго. Надеюсь. Закрыв на всякий случай глаза, я сосредоточился и мысленно твердо заявил себе, что мне чрезвычайно нужно перейти в невидимость. С первого раза. И немедленно.

На немедленно я решил отвести секунд десять. Открыв глаза, я ничего не увидел. В смысле, кроме пола. И ножек дивана. И светлой полоски манящего простора за ними. Ну вот — я же знал, что мой закон надобности меня не подведет! Вот такое неравноправие меня вполне устраивает. Невидимые и все еще ноющие ноги радостно согласились со мной и по своему собственному усмотрению двинулись к свободе. Куда? Растерять всю маскировку из-за отсутствия терпения на какие-то десять секунд?

Терпеть пришлось не десять секунд, а все тридцать. В видимость я вернулся только с третьего раза. Вот нечего отвлекать меня было, сообщил я ногам, и вывинтился, кряхтя, из прокрустовы ложа своего эксперимента.

Затем мне пришлось терпеть намного дольше. Находясь я в своей настоящей квартире, я бы соорудил под покрывалом ... из одежды, хотя бы ... некое подобие меня и, перейдя в невидимость, тут же помчался бы к Стасу. Но в этом ее подобии у меня ничего, кроме подушек, под руками не было. Которые уж никак меня формой не напоминали. Как я надеялся. Даже после многолетнего образа жизни на земле.

Пришлось ждать до утра. Скажем, я взял себе за правило день с пробежки начинать. Разумеется, для восстановления физической формы. Разумеется, вниз по лестнице. Разумеется, до поста все тех же внештатников.

— Привет! — радостно воскликнул я, не останавливаясь — пританцовывая на пару ступенек выше их, как и положено хорошему спортсмену во время тренировки. — Вы сегодня со мной или перетрудились вчера?

Не отвечая, они мрачно смотрели на меня с одинаковым выражением голодного волка, наблюдающего за полетом недоступного гордого орла.

— Ну, как хотите! — пожал я плечами, легко развернулся и воспарил вверх по лестнице, стараясь ступать как можно тише.

Через два этажа я остановился, мгновенно инвертировался, перешел в невидимость и уже совершенно беззвучно и осторожно пошел вниз.

Добравшись до внештатников, я остановился наверху последнего пролета, наблюдая за ними. Они явно прислушивались, время от времени переглядываясь. Наконец, один из них резко мотнул головой вверх, второй кивнул и, тоже почти беззвучно, пошел наверх. Я вжался в угол площадки. Почует он меня или нет?

Разумеется, он меня не почуял. Зато я почуял совершенно невообразимый восторг. И искушение кубарем скатиться мимо второго внештатника прямо к входу на этаж Стаса. Вот не хватало еще выдать себя движением воздуха, твердо сказал я неуместным эмоциям, и осторожно, даже дыхание затаив, бочком и на цыпочках спустился мимо него один пролет, затем еще один, третий ... и вот она наконец-то, заветная дверь в хранилище ответов на все мои вопросы!

Дверь была закрыта. Наглухо. Совершенно. Ручку я сразу нажал. Я даже за нее дверь пару раз на себя дернул. Изо всех сил. Внештатники все равно снизу никакого подвоха не ожидают. Я заглянул в замочную скважину. Я воззвал к закону надобности, трижды. В последний раз я, по-моему, уже мысленно орал. Затем я снова зывал к нему, то дергая дверь на себя, то бросаясь на нее.

Наконец, я сел на последнюю ступеньку перед этой неприступной дверью и начал думать. Судя по всему, то ли Стас, то ли кто-то другой наложил на эту дверь дополнительную защиту — от моих особых способностей. Ну-ну, посмотрим, как она устоит перед земными приемами.

Я быстро провел мысленную инвентаризацию всего, что находилось в их пародии на мой земной дом. Ага, в кухне на ящиках ручки были. Если одну такую вырвать, заточить ее как следует и потом в замке поковыряться... А как затачивать? Ну, зачем я на земле стены обоями обклеил, которые они здесь скопировали? Впрочем, в ванной можно — там, кстати, и темно, пусть попытаются разглядеть, что я делаю. Другой вопрос — сколько же мне на это времени понадобится...

Обреченно вздохнув, я поднялся и медленно, но уже особо не таясь, пошел наверх. Мне уже было все равно, вернулся ли второй внештатник на свой пост и как я буду между ними протискиваться. У меня даже мелькнула мысль материализоваться на пролете под ними и просить, вежливо, даже участливо, не соскучились ли они по мне...

Внизу явственно раздался щелчок замка. Я замер на месте — с поднятой ногой, но удивившись повернуть голову назад. Нет, не почудилось. Дверь резко открылась, и из нее вышел ... судя по внушающему опаску виду, сотрудник Стаса, за которым виднелось еще двое.

Можете мне не верить, но в эту секунду я поблагодарил внештатников. Мысленно. И кратко. За то, что гоняли меня по этим лестницам. Я не скатился, я одним движением слетел к этой двери, вжался в угол, пропустил выходящую тройцу и успел проскользнуть внутрь до того, как дверь, снова со щелчком, закрылась. После чего прислонился к ней — ноги не держали.

Зато глаза у меня и за себя, и за них работали, зыряка во все стороны по коридору. Пустому коридору. Отклеившись, наконец, от двери, я ринулся к кабинету Стаса. Ну, если и он еще закрыт..!

Обошлось. Дверь в кабинет Стаса открылась от легчайшего толчка. Похоже, я преодолел-таки последнюю преграду. А, нет — в кабинете никого не было. Значит, он таки на земле. Значит, он таки сам не хотел со мной разговаривать. Интересно, что же это за операцию он проводил, в результате которой мы погибли и он меня теперь так настойчиво избегает? Заперся, внештатников привлек для дополнительной охраны — и решил, что я до правды не докопаюсь? Ну-ну, написание отчетов даже для карателей никто не отменял. А этот отчет — один из последних, должен где-то сверху быть...

Я повернулся, чтобы закрыть предательски распахнутую дверь и вдруг увидел на ней бумажку с корявой надписью: «Буду через 15 минут». Ничего не понимаю — он, что, не на земле? Тем лучше — несанкционированный обыск у карателей как минимум арестом кончится и не домашним. И если повезет. А так — вежливо подожду, и даже из невидимости пока выходить не буду, кто его знает, с кем он вернется. Может, услышу что полезное. Но ответы на свои вопросы я сегодня получу!

Эти пятнадцать минут мне пятнадцатью часами показались — даже мысль мелькнула пару раз, что часы все-таки остановились.

Стас вернулся один. Послышались шаги, резко распахнулась дверь, он сорвал с нее бумажку и грохнул этой дверью так, что у меня в ушах зазвенело. Не понравилось мне все это. А еще больше — выражение его лица. На нем лежала печать страшной усталости — или не менее страшных угрызений совести, этот как посмотреть. А смотреть и гадать у меня больше не было ни малейшего желания.

Я отступил, пропуская его, когда он пошел к своему столу, но тут же материализовался (вот с первого раза вышло!) и негромко кашлянул у него за спиной.

Он мгновенно обернулся, отскочив в повороте в сторону и ухватив стул, с которого посыпались какие-то папки. Я инстинктивно тоже дернулся — в другую сторону, под прикрытие дивана. Несколько мгновений мы — по-моему, в равной степени ошалело — смотрели друг на друга.

— Кретин! — вдруг заорал он. — Ты раньше не мог явиться?

— С какой стати я должен к тебе являться? — мгновенно ошетинился я.

— А с той стати, — ничуть не сбавил он тон, — что мне уже неделю приходится всем твоим врать, что у тебя все в порядке! Да еще и убедительно, чтобы они там бунт не подняли.

— Какой бунт? — от неожиданности опешил я. Вот как-то иначе я себе этот разговор представлял.

— Всеобщий, — уже чуть тише рявкнул он. — Или ты, умник, решил, — язвительно прищурился он, — что хоть кто-то там поверит, что это случайная авария была?

— А вот об этом хотелось бы поподробнее, — медленно произнес я, решив, если уж так сложилось, распутывать этот клубок с самого начала.

— Вот и мне хотелось бы, — добавил он в голос сарказма, — причем с самой первой минуты. Очень мне хотелось бы знать, из-за чего мне пришлось всю вину на себя брать, каяться, голову пеплом посыпать, репутацию — безупречную, между прочим — под удар ставить, пока ты в своих апартаментах отлеживался, в тишине и покое.

Я отлеживался? В тишине и покое?! Я вдруг понял, что хватаю ртом воздух — чтобы хватило на все эпитеты, которые я за земную жизнь наколлекционировал.

— Ну давай-давай, — ядовито процедил он сквозь зубы, — расскажи мне про раскаяние и угрызения совести. Это ты своему начальству можешь что угодно впарить, а мне не надо. Не первый день тебя знаю.

— Еще раз, — выдохнул я, как раз воздуха хватило.

— Ты еще издеваться будешь? — снова взвился он. — Опять погеройствоваться захотелось, а расхлебывать снова мне? Ты почему на связь не выходил? — грохнул он кулаком по столу.

В голове у меня что-то стало проясняться. Ну, это если прояснением считать густой туман вместо полных потемок.

— Ты вызывал меня? — на всякий случай уточнил я.

— Да! — театрально развел он руками. — Всю неделю! Каждый день! По десять раз в день! И напрямую, и через ваших. Но мне же сообщили, что ты попросил уединения, — он почти выплюнул последнее слово. — Чтобы подумать. Ошибки свои, так сказать, осознать. А может, нужно было думать до того...

— Подожди, — остановил я его, и методично, пункт за пунктом рассказал ему о своем заточении, попытках связаться с ним, или хоть с кем-то, разговоре с моим руководителем, внештатниках, преградивших мне дорогу к нему, всех моих ухищрениях, чтобы обойти их...

С каждым моим словом лицо у него все больше хмурилось, а при упоминании о poste внештатников он и вовсе почти зашипел.

— Ладно, сочтемся, — пробормотал он, обращаясь явно не ко мне, и добавил, мотнув головой: — С этим я разберусь. Тут такой кипеш первые дни стоял, может, какие накладки и вышли. Но ты мне можешь, наконец, объяснить, — снова завелся он, — какого лешего ты вообще в тот день за руль сел? Как тебя под мою машину занесло?

— Да откуда я знал, что там твоя машина будет? — заорал наконец-то и я. — Что вы там вообще делали? Ты меня не мог предупредить, чтобы я в объезд поехал?

— Так я же тебе звонил! — снова засверкал он глазами. — Как только вы из города выехали! Но ты же трубку бросил!

У меня перед глазами вдруг замелькали обрывки картин из того последнего дня. Точно, он мне звонил. Но я машину уже с трудом удерживал и сказал ему, что перезвоню. И Татьяна кто-то звонил. Марина, сказала она мне. И она на тот звонок даже не ответила...

А потом я увидел ее руку в перчатке на моей, вцепившейся в руль, и внезапный, резкий поворот этого руля отнюдь не по моей воле...

— Стас, — очень медленно, очень с расстановкой начал я, — скажи мне пожалуйста ... пожалуйста, что это была за операция?

Он смешался. Отвел глаза. Пожевал губами. Впервые в этом разговоре. Впервые на моей памяти. И это испугало меня больше, чем его яростный крик, сверкающие глаза и грохот сжатого кулака по столу.

— Давай-ка присядем, — сказал, наконец, он, и мне стало совсем не по себе.

Я слушал его, категорически отказываясь верить своим ушам. Задача по устранению Игоря и Дары с земли, поставленная ему высшим руководством. Планы по очистке их памяти. Его размышления, как сделать это с минимальным ущербом для них. Категорический запрет ему посвящать в эти планы любого из нас. Его выход на Марину как лицо, наименее связанное с детьми.

На этом моменте я глухо застонал, схватившись руками за голову.

Встреча Татьяны с ним. Ее ... что?.. просьба провести операцию как можно скорее...

— Стас, хватит, — поднял я руку, останавливая его. — Я теперь понимаю, каково тебе пришлось, но поверь мне, настоящий кошмар еще даже не начинался.

— Чего? — вытаращил он на меня глаза.

— Это действительно была не случайная авария, — в полной уверенности сообщил ему я. — Татьяна в самый последний момент руль крутанула, и я уже ничего не успел.

— Зачем? — снова рывкнул он.

— Я думаю... — напряженно соображал я. — Нет, зная ее, почти уверен, что она так детей из-под удара хотела вывести, хоть на время. И кроме того, — вдруг сложилась у меня следующая часть картины, — она к нам хотела попасть.

— Зачем? — повторил Стас, но уже с опаской.

— Не знаю, — решил я не вдаваться в подробности наших с ней разговоров о ситуации, сложившейся вокруг Игоря. — Может, свою точку зрения на детей изложить. Может, на решение по ним повлиять. А может, наблюдателей за горло взять. Или самих отцов-архангелов.

Теперь за голову схватился Стас. Без стога, правда, с неудовольствием заметил я.

— Ты можешь себе представить, что она натворит без присмотра? — решил я добавить ему жару.

— Не очень, — с сомнением в голосе отозвался он.

— Вот и я не хочу, — согласился я. — Отсюда главный вопрос — где она?

— А я откуда знаю? — с удивлением воззрился он на меня. — Это же ваша парадия, это ты должен знать, что с вашими клиентами потом происходит.

— Да меня это раньше как-то не интересовало, — неловко признался я, и быстро продолжил, заметив ухмылку у него на лице: — А где она может быть?

— У нянек, наверно, — пожал он плечами, и быстро поправился в ответ на мое недоумение: — У наставников, в смысле.

Отлично! Меня просто подбросило с его дивана.

— Какой этаж? — коротко спросил я, делая шаг к двери.

— Какой еще этаж? — снова округлились у него глаза. — Новобранцев всегда отдельно держат.

— Где держат? Сколько держат? Обучают где? — посыпались из меня вопросы, с которыми я к нему и пришел.

— Да там же и держат, и обучают, у наставников, — снова как прописную истину сообщил он мне. — Там у каждого подразделения свой павильон, где новичков и дрессируют. — Он неловко поморщился под моим взглядом.

— Рассказывай, где, — решил я воздержаться от замечаний. Пока. Вот найду Татьяну, потом ... пусть только выяснится, что ее там ... дрессируют!

— А ты уверен, что тебя к ней пустят? — прищурился он.

— Мне этого никто не запрещал, — уверил я скорее себя, чем его.

— Ну, со мной тебе тоже не запрещали встречаться, — проворчал он, берясь за ручку и начиная набрасывать план. — Ладно, ты выкрутишься.

— Спасибо, — с чувством ответил ему я, переминаясь с ноги на ногу и мысленно подгоняя его.

В голове у меня не то, что полные потемки — туман уже почти рассеялся. Естественно, я найду способ добраться до Татьяны! А там она мне вмиг расскажет, что задумала. И почему опять у меня за спиной и без моего участия. И в моих родных пенатах, между прочим. Нет уж, здесь у нее отныне будет полный контроль!

ГЛАВА 3. Обучение

Из своего первого дня занятий я не запомнила абсолютно ничего. Нет, потеря памяти у меня не прогрессировала, ведь в моей новой жизни все было важно и значительно — я просто больше по сторонам смотрела, чем слушала.

Выйти в свет оказалось совсем не просто. В последний момент на меня вдруг напала паника, и моя маленькая комната показалась мне очень уютной и, главное, безопасной. Но я все же сказала себе, что если уж реализовалась главная, по всей видимости, мечта моей прошлой жизни, то глупо отступать от нее из-за минутной неуверенности.

Я перешагнула порог своей комнаты, надеясь окончательно побороть необъяснимый страх по дороге к месту своего обучения.

Идти к нему, однако, не пришлось. Я ступила из комнаты прямо в ... да, аудиторию. Она была совершенно круглой и просто огромной, по крайней мере, по сравнению с моей комнатой. По периметру ее располагались двери — очевидно, в другие комнаты. Везде стояли небольшие

столы, слегка спускающиеся уступами к ее центру, в котором находился ... преподаватель, всплыло в памяти еще одно слово.

А за ним и другое — студенты. Их там оказалось намного меньше, чем столов. И сидели они за ними, внимательно слушая преподавателя, в противоположной от меня части аудитории.

Неужели я опоздала? Я замерла на месте, не зная, что делать.

— Здравствуйте, Ангел! — вдруг обратился ко мне преподаватель, и студенты, все как один, повернули ко мне головы. — Мы очень рады, что Вы с нами. Проходите, присаживайтесь, и продолжим.

Я неуверенно двинулась вперед. Похоже, мое опоздание не вызвало неодобрения — наверно, по первому разу — но мне все же не хотелось и дальше привлекать к себе внимание, спускаясь через всю аудиторию. Я сделала несколько шагов, но они показались мне настолько громкими, что я тут же присела бочком за ближайший стол и замерла, пытаясь сообразить, как проходит обучение и что от меня требуется.

На столе передо мной лежали письменные принадлежности: что-то вроде — слова выскочили сами собой — блокнот, строго посередине, несколько ручек, строго параллельно ему, и стопка цветных листиков чуть в стороне. Я глянула украдкой в сторону других студентов — что-то записывали лишь некоторые из них. Так нужно писать, что говорит преподаватель, или нет?

Больше на столе ничего не было — вот только в правом дальнем углу было какое-то углубление, закрытое, однако, какой-то прозрачной пластиной вровень с поверхностью стола. Я снова бросила быстрый взгляд в дальнюю часть аудитории. Никто там ничего другого на своем столе не делал, даже те, которые не писали. Я тоже решила пока ничего не трогать.

Чуть расслабившись на довольно удобном стуле, я начала было слушать преподавателя, но глаза у меня сами собой принялись рассматривать аудиторию, а память — лихорадочно подыскивать слова, обозначающие увиденное. Аудитория действительно была большой, и какой-то десяток присутствующих Ангелов лишь подчеркивал ее размеры — мне показалось, что она и сотню их могла с легкостью вместить.

Ощущение простора этой аудитории придавали и спускающиеся ... амфитеатром к ее центру столы, и потолок — не ровный, как у меня в комнате, а ... куполом. Она также была очень светлой, и так же, как у меня в комнате, у этого света не было видимого источника — он словно исходил из стен, купола, даже пола. А вот цветом он отличался: не холодно-белый, как было у меня в комнате вначале, и не мягко-зеленоватый, как стало потом, а желтоватый, теплый, радостный, как ... солнце весной. Что такое солнце? Что такое весной?

Нет, нельзя отвлекаться! Виновато тряхнув головой, я снова скосила глаза на преподавателя и студентов. Он продолжал говорить, но они, как я вдруг заметила, сидели на этот раз в полной неподвижности, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Надо пользоваться моментом, чтобы рассмотреть их как следует.

Их было одиннадцать в аудитории: шесть женщин и пятеро мужчин. Нет, девушек и парней, все они довольно молоды, поправила меня память, но более точного определения не нашла. Внешне они были очень разными — цветом и длиной волос, разрезом глаз, оттенком кожи, одеждой, но кроме молодости, их всех объединяла еще одна черта. Все они были очень привлекательны — ярко-привлекательны, снова уточнила память.

Увлечшись созерцанием, я не сразу заметила, как они вышли из своей неподвижности. Как по команде. И сразу поняла, что также являюсь предметом изучения. Почти все они то и дело поглядывали на меня, затем переглядывались между собой, перемигивались, перешептывались, сохраняя при этом выражение спокойствия и сосредоточенности на лице.

Я с неловкостью отвела глаза и постаралась сосредоточиться на словах преподавателя. Но это занятие явно было не первым, и я никак не могла понять, о чем он говорит. Особенно

потому, что некоторые студенты время от времени тоже бросали какие-то реплики или задавали ему вопросы, апеллируя к тому, что я пропустила.

Через какое-то время я заметила, что в диалог с преподавателем вступают одни и те же две девушки и парень, остальные же предпочитают либо коротко отвечать на его вопросы, либо просто слушать. Я с облегчением подумала, что не буду, пожалуй, слишком выделяться на их фоне.

Вдруг я поняла, что снова отвлеклась. Атмосфера в аудитории резко изменилась — студенты, все как один, схватились за ручки и принялись что-то строчить почему-то на таких же цветных листиках, как у меня на столе. Я метнулась глазами к преподавателю и наконец-то услышала первое знакомое слово — знакомое из этой жизни, а не подсказанное памятью.

— ... пять минут на составление запроса на дополнительные материалы, — уже заканчивал свою фразу он.

Я снова перевела взгляд на студентов — часть из них уже закончили писать и, скользнув пальцами по прозрачной поверхности над углублением, опускали туда свои листики. Так вот что такое канал связи! Я попробовала в точности повторить их движение, но углубление у меня не открылось — вместо этого на невидимой ранее панели рядом с ним появились слова: «Зарегистрируйтесь, пожалуйста». Я растерянно захлопала глазами, но слова уже исчезли и на их месте показалось изображение руки — открытой ладони с чуть растопыренными пальцами.

Я нерешительно приложила к этому изображению свою руку и тут же отдернула ее — изображение вдруг засветилось и замигало. И тут же исчезло, уступив место тем же словам, снова сменившимся изображением ладони. Во второй раз у меня, похоже, получилось, поскольку через несколько мгновений мерцающая ладонь исчезла, и под моими пальцами появились другие слова. Убрав руку, я прочитала: «Спасибо, регистрация прошла успешно».

Так, хорошо, но какие же мне материалы просить? Потянувшись за листиком, я вдруг увидела, что прозрачная панель плавно закрыла углубление, и услышала следующие слова преподавателя:

— До свидания, продолжим завтра.

Снова все как один, студенты поднялись и, сбившись в кучку, пошли наверх, оживленно переговариваясь. Ни один из них не подошел ко мне, но двое приветливо помахали мне рукой, на что я нерешительно ответила, расстроенно глядя им вслед и еще больше чувствуя свое отличие.

Колибри, вдруг непонятно почему всплыло в памяти слово. Яркие беззаботные колибри, стайкой носящиеся с места на место и не обращающие внимания ни на что вокруг.

Я твердо решила на следующий день только слушать преподавателя и заранее приготовить листик с каким-нибудь «Мне нужно все, что я пропустила». Должны же они понять, что я имею в виду, если я сегодня зарегистрировалась? А кто это они?

Но кто бы они ни были, оказалось, что они действительно догадались, какие дополнительные материалы мне нужны. А может, женщина-Ангел ... чуть опять не сказала Бабочка! ... их об этом предупредила. За что я была ей очень благодарна.

Вернувшись в свою комнату, я сразу увидела, что она снова изменилась. Нет, кровать осталась на своем месте, и свет остался все тем же умиротворяющим. Но окно напротив двери из белого, а затем зеленоватого, стало прозрачным. И огромным — во всю стену. И за ним виднелось что-то совершенно отличное от всего, что я до сих пор видела.

Я со всех ног бросилась к нему, велел памяти пошевеливаться.

Дворик. Такой же маленький, как моя комната. Огороженный ... кустарником ростом почти с меня. Справа небольшой круглый столик. И два изящных кресла рядом с ним. Чуть дальше еще одно кресло, но другой формы ... а, шезлонг! Слева, напротив столика, какое-то непонятное сооружение — вроде мостика почти у самой земли, непонятно, через что, с двумя длинными спусками с него и перилами по бокам...

Вдруг краем глаза я заметила, что в комнате еще что-то изменилось. Повернувшись, я увидела, что стол, совершенно пустой до сих пор, завален книгами. А вот это уже просто подарок, чуть не взвизгнула я, бросаясь к столу. Перебирая книги, я заметила, что на всех них присутствует слово «История»: «История первобытного человека», «История древнего мира», «История средних веков»... Так вот что мы сейчас изучаем!

Ни о каком погружении в пустоту и речи быть не могло. Во-первых, я хотела как можно быстрее начать понимать, о чем говорит преподаватель, и избавиться от этого чувства отличности от других студентов. Во-вторых, я просто оторваться от этих книг не могла!

Для начала я заметила, что читаю очень быстро. Когда в тот самый первый день я вспомнила, что чтение было моим самым сильным увлечением на земле, у меня возникло смутное ощущение неспешности, смакования отдельных слов и выражений, возвращения к некоторым из них... Сейчас же каждое слово словно впечатывалось мне в память, которая, тем не менее, просила все больше и больше, как пустыня воду... Опять вода! Да откуда эта вода все время берется?

Но главное, чем больше я читала об истории людей, тем больше она меня изумляла. Мне казалось, что всем этим книгам вполне можно было дать одно название: «История войн». Люди воевали на протяжении всего своего существования: нападали на одних, защищались от других, сражались между собой... Да как они только выжили с такой агрессивностью?

В тех двух книгах, что я успела прочитать до следующего дня, ответа на этот вопрос я не нашла. Возможно, преподаватель об этом на занятии говорил — мне ведь дополнительные материалы выдали. Я решила попросить записи у одного из тех студентов, кто их на занятиях делал. В конце концов, кто-то же хотел побыстрее перестать от них отличаться, правда?

Похоже, этот кто-то настолько этого хотел, что оказался на следующий день первым в аудитории. Отлично, подумала я, направляясь в ту часть аудитории, где на прошлом занятии сидела моя стайка колибри. Возможно, вчера они просто не хотели чрезмерное любопытство проявлять. Вот и Бабочка ... опять! ... нет, женщина-Ангел говорила, что здесь практикуется равное отношение друг к другу.

Но села я все же чуть в стороне — и чтобы со своей стороны чрезмерную назойливость не демонстрировать, и чтобы случайно чье-то место не занять. И так неловко будет у них записи просить — мало ли, может, здесь такие просьбы не приняты.

А зачем мне, собственно, это проверять, вдруг пришла мне в голову мысль, если я уже точно знаю, куда нужно за помощью обращаться? Я схватила цветной листик из пачки, лежащей и на этом столе, быстро написала: «Агрессивность человека», и добавила, подумав: «Как причина войн на земле». Затем небрежно скользнула пальцами по прозрачной пластине, прикрывающей канал связи — и ничего не произошло.

А, нет, рядом снова появилась просьба зарегистрироваться и изображение ладони. Ничего не понимаю — здесь каждый день нужно регистрироваться, что ли? Может быть, я же не с самого начала на вчерашнем занятии была.

Я уверенно повторила процедуру регистрации и, как только под моей ладонью появились какие-то слова, потянулась рукой к пластине, снова пытаюсь смахнуть ее. Она снова не тронулась с места. Нахмурившись, я перевела взгляд на подтверждение регистрации — и увидела там несколько иную фразу: «В повторной регистрации отказано. Представленные данные закреплены за другим местом».

Я просто глазам своим не поверила. Первой моей мыслью было возмущение — я же не знала, что место выбирается раз и навсегда! Потом я вспомнила свою вчерашнюю нерешительность — вот и кто мне виноват, что я минутного пристального внимания испугалась? Но следом тут же явилась куда более позитивная идея — ведь всегда можно объяснить недоразумение и попросить отменить ту первую регистрацию, правда?

Ни объяснить, ни попросить ничего я не успела. Только я добралась до своего места, в аудитории появились студенты. Они, словно по команде, вышли из своих дверей, тут же сбились в стайку и оживленно зачирикали что-то, неразличимое на моем отшибе. На этот раз в мою сторону никто особо не поглядывал — ни с интересом, ни с удивлением. Похоже, их вполне устраивало то, что я осталась вдалеке от них. Меня эта мысль задела, но я тут же подавила обиду, как недостойную Ангела.

Когда появился преподаватель, я не заметила. Наверно, вместе со студентами, когда я их снова разглядывала. Но слышала я его на этот раз намного лучше — то ли окружающее уже не так отвлекало, то ли регистрация сказала.

В тот день преподаватель говорил о великих открытиях человечества: физических, биологических, географических... Он рассказывал о них совершенно бесстрастно, не давая никаких оценок, но я — возможно, под влиянием уже прочитанных книг — никак не могла избавиться от впечатления, что все свои расширившиеся познания люди всегда тут же направляли все туда же — на войну. Новые земли они всегда завоевывали, новые законы физики и химии тут же использовали для создания новых видов оружия, новые открытия в биологии тут же направляли на поиски более изощренных способов убийства себе подобных. Даже открытия в астрономии тут же сопровождались у них представлением о космических войнах...

На том же занятии я, кстати, поняла причину периодического замирания студентов. Дело в том, что преподаватель время от времени иллюстрировал свои слова некими картинками, которые просто возникали прямо у нас перед глазами, затмевая привычный вид аудитории.

В первый раз я прямо подпрыгнула и нервно заморгала, вспомнив тот агрессивный белый свет в моей комнате. Картина никуда, конечно, не делась, но оставалась неподвижной, и я успокоилась. Следующую я рассматривала уже с интересом, которого, впрочем, хватило ненадолго. Эти картины были, конечно, лучше монотонного усыпляющего монолога преподавателя, но до книг им было далеко. Читая, я сама рисовала себе картины описываемых в книге событий, а здесь явно преподаватель выбирал, что нам показывать.

Но если быть совсем честной, я бы, пожалуй, отнеслась к ним намного терпимее, если бы не преподаватель. Вот не понравился он мне! Даже говоря о великих открытиях, совершенных великими людьми и приведших к великим же последствиям, он бубнил себе под нос, словно столы в этой аудитории пересчитывал. Он и внешне как будто из одних острых углов состоял, и ходил во время своего монолога туда-сюда как будто расстояние шагами мерил.

Циркуль, вспыхнуло у меня в мозгу слово, и я замерла на месте, перестав что-либо видеть и слышать вокруг себя. Да что же это такое? И моя ... собеседница в первые дни моей новой жизни, и этот преподаватель, и студенты — все называли друг друга просто: Ангел, и все понимали, кто к кому обращается. Мне это обращение казалось совершенно естественным — так принято, и все — но мое сознание почему-то присваивало каждому новому Ангелу отдельное имя. Хорошо это или плохо? Может быть, забыв абсолютно все из своей прошлой жизни, я невольно стремилась заполнить эту бездонную пустоту более яркими и разными образами? Ладно, в конце концов решила я, я ведь только думаю о них так, а в общении буду общепринятые нормы соблюдать.

Виновато тряхнув головой, я снова прислушалась к словам пре ... а, ладно, Циркуля. И даже за ручку взялась, решив посмотреть, что будет, если я попробую их записывать. Это занятие оказалось чрезвычайно полезным. Во-первых, я обнаружила, что и писать стала очень быстро, во-вторых, ни на что больше не отвлекалась, и в-третьих, в очередной раз убедилась, что запоминаю изложенное на бумаге намного тверже, чем услышанное.

Так и подошел конец следующего занятия. Услышав уже знакомую фразу о подготовке запроса на дополнительные материалы, я мгновенно схватила два листика, написала на одном «Агрессия человека как причина войн» и «Можно ли отменить регистрацию, чтобы выбрать

другое место в аудитории?» на другом, без каких-либо приключений открыла канал связи и опустила туда свои листики — один за другим. Они исчезли где-то в глубине стола.

Мои колибри уже взвились со своих мест и, снова расчирикавшись, двигались вверх. Я так и не решилась к ним подойти. Мое общество их явно не интересовало, да и записи с предыдущих занятий мне уже расхотелось у них просить — вряд ли Циркуль рассказывал им что-либо, кроме сухих фактов, мест и дат.

В своей комнате я сразу же подошла к столу, но никаких новых книг там не появилось. Наверно, еще не успели, подумала я, представив себе, сколько запросов в день вот тем смутно-неуловимым «им» приходится рассматривать. Ничего, у меня пока еще есть, чем заниматься — сев за стол, я протянула руку к стопке книг. И прямо на ней обнаружила два моих листика — по крайней мере, точно таких же, даже тех же цветов.

На каждом из них даже мой вопрос был — только аккуратным печатным шрифтом. И ответ к каждому из них: «Явление агрессивности человека будет рассмотрено в последующих курсах» и «К сожалению, процедура перерегистрации не предусмотрена».

Терпение, вдруг возникло у меня в голове еще одно новое-старое слово. Я ни секунды не сомневалась, что это была эмоция, или качество характера, или умение, или просто состояние, но Бабочка во время наших первых разговоров ни разу не упомянула о нем. А оно мне сейчас почему-то очень важным показалось. Может, оно у меня тоже раньше было, не только одно раздражение?

Кстати, вдруг поняла я, несмотря на двойной отказ, никакого раздражения в тот момент я не почувствовала. Вот когда Бабочка предложила мне сообщать ей о малейшем дискомфорте, а потом отказалась просто кровать переставить, оно было. А еще Бабочка говорила, что с раздражением мне придется бороться — может, потому терпение мне и вспомнилось? Может, это и есть способ преодолеть несвойственное Ангелу чувство?

Отлично, подумала я, этих книг мне надолго хватит, а там и последующие курсы подоспеют.

Мои дополнительные книги, однако, закончились раньше, чем курс истории. Новые я не стала просить — этот первый курс сжался для меня в более короткий промежуток времени, и мне постоянно приходилось мысленно возвращаться от услышанного на занятиях к прочитанному в книгах и наоборот, чтобы выстроить цельную картину развития человечества.

Очень скоро такие размышления превратились для меня в самую настоящую необходимость. Я и вопросы на занятиях не задавала, потому что мне казалось намного более важным самой до ответов на свои вопросы додуматься, чем услышать их от преподавателя, да еще и в его безжизненной манере.

Я уже с нетерпением ждала окончания каждого занятия и уходила с них одной из первых — мой с виду неудачный выбор рабочего места на поверку оказался очень удобным. С другими студентами перед началом занятия и в его конце я обменивалась приветственным кивком и помахиваем руки, но и только. У них определенно уже образовалась устойчивая компания, и вторгаться в нее мне совсем не хотелось. Наоборот, с каждым днем во мне крепло желание как можно быстрее выучиться и стать наконец-то настоящим Ангелом. Я не знала, зачем и что я буду потом делать, но почему-то это казалось очень важным — наверно, мне хотелось поскорее начать самой свою судьбу определять.

Как, впрочем, выяснилось, в комнате мне не очень думалось. Сидеть за пустым столом — книги с него исчезали по мере прочтения — и смотреть на пустую же стену было как-то ... глупо. Вместо того чтобы анализировать новый материал, я почему-то начинала представлять себе, как можно сделать ее менее пустой, украсить ее — то картиной, то зеркалом, то вообще каким-то штуками, которые не имели никакого смысла, просто выглядели симпатично.

К кровати — после первой же попытки на ней поразмышлять — я тоже больше не подходила. На ней я сразу же — по привычке, наверно — провалилась в свою пустоту, которую,

правда, уже и пустотой нельзя было назвать. Она оказалась битком набита людьми и Ангелами — каким-то образом я их различала и даже не удивилась этому. Но самое главное, что и те, и другие без остановки сражались — друг с другом и между собой. И вместо того чтобы максимально эффективно усваивать новую информацию, я раз за разом и безуспешно пыталась остановить их...

Оставалось лишь ходить по комнате. Всякий раз, подходя к огромному, во всю стену окну, я бросала мимолетный взгляд на дворик за ним. В один из первых дней после его появления я попыталась выйти туда, но окно не открылось — ни внутрь, ни наружу — и я забыла о нем, увлекшись книгами. Сейчас же меня к нему просто притягивало.

Любопытство, строго изрекла память, и я снова мгновенно узнала это слово. В нем было что-то волнующее, но и неловкое, что не стоило выставлять напоказ — вроде моей склонности Ангелов другими именами наделять. Но ведь здесь-то меня никто не видит!

Став на цыпочки, чтобы рассмотреть, что скрывается за кустарником, ограждающим мой дворик, я оперлась рукой об окно для равновесия. Не помогло, но я всего чуть-чуть до края густой живой изгороди взглядом не дотянулась. Накатило раздражение. Терпение, напомнила я себе. Раздражение пристыжено замолкло. А вот любопытство, воодушевленное отсутствием публики, нет. Терпение каким-то образом нашло с ним общий язык, посоветовав мне подпрыгнуть. И общими усилиями мы пришли к совершенно неожиданному результату.

Только-только я оторвалась от пола, рука у меня скользнула по стеклу в поисках новой точки опоры для сохранения равновесия ... и следом за ней скользнуло в сторону окно. Оказалось, что выход во дворик открывается так же, как доступ к каналу связи. Я запомнила, что терпение гасит раздражение, а в паре с любопытством открывает новые горизонты.

Уже через пару дней мне захотелось открыть более дальние горизонты. Во дворике думалось не намного лучше, чем в комнате. Для начала все в нем напоминало мне смену цвета в моей комнате. Густой кустарник был приятного темно-зеленого цвета и пол ... нет, земля была покрыта яркой ... травой. Очень мягкой, почти шелковистой наощупь.

А вот столик с креслами и шезлонг были белыми — пронзительно белыми на фоне зелени. Кресла оказались очень удобными, но столик был слишком ... пустым. На нем, так же как на стене над столом в комнате, мне постоянно виделись какие-то непонятные предметы. Чашки, тарелки, ваза, скатерть, услужливо подсказывала мне память, не объясняя их назначения.

И это второе кресло... Стул в комнате возле стола ни разу не вызвал у меня никаких вопросов, а вот это пустое кресло рядом со мной казалось почему-то неправильным. В нем тоже чего-то не хватало.

Шезлонг мне вообще настолько странным показался, что я к нему даже подходить не стала. То ли стул, только к работе как-то не располагает, то ли кровать — глядишь, опять в пустоту затащит.

Непонятное сооружение слева, правда, было темно-коричневым, потому не так в глаза на зеленом фоне бросалось. Но не становилось от этого менее загадочным. Оно мне с первого раза невысокий мостик напомнило, но мостик — снова включилась память — должен быть через что-то, например, через реку или ручей... А это что такое? Вода, обрадовалась память моему интересу, движущаяся горизонтально в одном направлении. Опять вода?!

Тряхнув головой, чтобы избавиться от этого наваждения, я тут же получила другое. У меня вдруг появилась полная уверенность, что вся эта роскошная трава смотрелась бы намного лучше, если бы в ней виднелись, то там, то здесь ... цветы, яркие разноцветные цветы. А еще хорошо бы, чтобы ее разделяла на две части ... дорожка. Неширокая, усыпанная светлым хрустящим песком или гравием... Да откуда эти все слова взялись? Идущая прямо от моего окна ... нет, стеклянной двери к ... А почему туда?

Чувствуя, что у меня уже голова кругом идет от очередного водопада (Опять?!), каких-то неуместных слов, я твердо велела памяти умолкнуть, повернулась спиной к противоположному от окна концу двора и пошла к мостику-немостику. Хватит раздумывать над непонятными и, судя по всему, ненужными образами из моей прошлой жизни — в нынешней вот этот объект реален, лучше разобраться, для чего он предназначен.

Естественно, то, что я назвала по старой памяти мостиком, таковым не оказалось. Едва ступив на него, мне пришлось тут же ухватиться руками за перила — его поверхность двинулась мне навстречу. Я пошла по ней — она ускорила движение. Я побежала — она понеслась вскачь. Я замедлила шаг — она тоже успокоилась.

Восторгу моему не было предела. Я уже заметила, что мне лучше всего думается на ходу, но комната моя, да и этот дворик были очень маленькими — буквально пару шагов, и приходилось разворачиваться. А здесь можно было идти и идти, и никакое мелькание окрестностей по сторонам не отвлекало...

На следующий день, однако, мне уже так не казалось. Сразу же после занятия я примчалась к этому бегущему мостику, но прошагав добрую сотню своих комнат и дворов вместе взятых, я вдруг почувствовала какую-то неправильность. Это мерное передвижение ногами казалось совершенно нереальным в абсолютной неподвижности окружающих предметов. Мысли, конечно, ни на что не отвлекались — их просто не было.

Остановившись, я снова окинула взглядом дворик. Может, не такой он уже и маленький? Дорожку бы сюда, вернулся непрощенный образ. Не ровную, принялся развиваться он, почувствовав отсутствие моего сопротивления, а чтобы петляла, вот от окна ... или двери, не важно, и до...

Проследив глазами вдоль воображаемого маршрута, я вдруг заметила в дальнем конце двора некую странность. Нет, вспомнила — заметила я ее еще в первый раз, когда эта дорожка перед глазами замаячила. Живая изгородь была покрыта густой листвой только в своей верхней части, а нижняя напоминала частокот из тонких веток с довольно широкими просветами между ними. А напротив окна виднелся один сплошной просвет, словно ветки лишь наверху переплелись, закрыв собой выход...

Любопытство мое взвилось фонтаном (Нет, только не вода!) ... хорошо, гейзером (Спасибо, еще лучше!). Я вовсе никуда не собиралась выходить. Тем более, что выход этот мог быть не менее воображаемым, чем дорожка и все остальное, что мне в последние дни привиделось. Но присев перед оказавшимся вполне реальным просветом, я увидела еще более реальную дорожку за ним...

Меня просто вынесло из двора — одним движением, несмотря на то, что согнуться в три погибели пришлось.

Выпрямившись, я огляделась по сторонам.

Дорожек там оказалось видимо-невидимо. Одна шла вдоль изгороди — и вправо, и влево от меня, все время чуть изгибаясь в одну сторону. От нее разбегались во все стороны другие — расходились, петляли, вновь сходились, теряясь вдалеке среди ... да, деревьев. Многих деревьев, Лес, сад, парк, роща, затараторила память.

Я произвольно шагнула в их сторону, но вдруг засомневалась. Бабочка, вроде, ничего мне не говорила о всяких «Можно» и «Нельзя» в этом месте, но, с другой стороны, из всех наших разговоров вытекало, что главное для меня здесь — это учиться. Более того, что я только этого и хочу...

Так я же и хочу ходить, потому что мне так легче учиться! И потом, она еще сказала, что я отныне сама выбираю, что мне делать. Вот и дополнительные материалы мы сами запрашиваем, и место мне самой выбрать дали, и что менять его нельзя, прямо сказали...

Я еще раз внимательно осмотрелась — нет ли где каких запрещающих знаков. Я не очень понимала, что это такое, но к счастью, на глаза мне не попало ничего, требующего тракторки. Похоже, мне действительно дали полную свободу выбора.

Но для первого раза я все же пошла по дорожке вдоль изгороди. И очень скоро пожалела об этом — уж очень мне это ходьбу на бегущем мостике напомнило. Дорожка словно бежала мне навстречу, а окрестности не менялись. Справа от меня все также стояли вдалеке деревья, а слева оставался все тот же кустарник. Над ним, правда, и тоже чуть в глубине возвышался светлый купол — наша аудитория, подумала я. А ведь из нее мы все расходились по своим комнатам, у каждой из которых наверняка свой дворик есть, как у меня, но за этими зарослями ничего же не видно!

Я уже было повернула назад, как вдруг заметила, что, по крайней мере, картина слева впереди явно изменилась. Пройдя еще немного, я словно в другой мир попала. Как в тех картинах, которыми нам историю человечества иллюстрировали — из первобытного в цивилизованный.

Да, у каждой комнаты действительно был свой дворик, отделенный от нее огромным окном-дверью, как у меня. Но только здесь все это было видно, поскольку буйная у меня изгородь здесь была аккуратно подстрижена со всех сторон и едва доходила мне до груди. А почему меня в дикую часть поместили? — слегка взбрыкнула раздражение. Это меня нужно от цивилизованного мира скрывать или его от меня? — снова победило его любопытство. Я пошла дальше, жадно всматриваясь в открытые, как на ладони, дворики.

Внешне они были точной копией моего и, вместе с тем, очень разными. В некоторых тоже были столики, в других просто на траве лежали полотнища какой-то материи. Моего бегущего мостика я больше нигде не видела, но вместо него почти везде были толстые металлические прутья в самых разных сочетаниях: вертикальные, горизонтальные, перекрещивающиеся, кольцевые... В одном дворике я даже увидела такой прут прямо на траве, с металлическими же дисками по бокам.

Обитатели этого цивилизованного мира большей частью находились в своих комнатах, но через огромные окна-двери я их, конечно же, узнала. И мне сразу стало неловко — они все явно занимались. За книгами, правда, сидели лишь некоторые, те, которые обычно писали на занятиях, и я удивилась — в отличие от меня, дополнительные материалы каждый день запрашивали все они.

Присмотревшись, я заметила, что у одних глаза были закрыты какими-то огромными штуками, а у других — уши. Очки и наушники, буркнула память, не удосужившись объяснить, что это такое. Ага, с гордостью догадалась я сама, наверно, им проще учиться, не читая, а видя или слыша, как на занятии. Ну вот, я же говорила — здесь у каждого есть право выбора! И у меня тоже — учиться на ходу.

Впрочем, мой выбор, судя по всему, оказался более чем необычным. Для начала, за все время своего выхода во внешний мир я не то, что не встретила — не увидела ни одной живой души на тех дорожках. И потом те студенты, которые заметили меня, провожали меня абсолютно изумленными взглядами. Один даже из комнаты вышел, вытянув шею мне вслед.

Очень мне неуютно стало под этими взглядами — я ведь, как будто, о занятиях подумать вышла, а сама смотрю вокруг, забыв обо всем на свете. Нет, пора возвращаться!

Я вдруг замерла на месте. А как я теперь свой дворик найду среди всей той буйной растительности? Я резко развернулась и быстро пошла назад, стараясь подавить панику. Сначала добраться до дикой части, там я совсем недолго шла, и мой ярко-белый столик наверняка должен хоть краешком среди веток мелькнуть...

Всматривать белое пятно в зелени кустарника мне не пришлось. Я еще издали заметила несколько сломанных веток и окончательно расстроилась. Вот хотела попросить Бабочку, чтобы и мой дворик в порядок привели, а теперь неудобно. Она меня просила сообщать ей

о дискомфорте, а не крушить все, самостоятельно устраняя его. Придется завтра аккуратнее выбирать.

К своему огромному удивлению, я вдруг поняла, что у меня и мысли не возникло отказаться от своих прогулок. Вот только пойду я теперь к тем деревьям — там некому будет меня разглядывать. Напоследок я еще раз оглянулась на них, пытаюсь понять ощущение, которое они у меня вызывали. Притяжение, буркнула память, и почему-то мне не нужно было объяснять это слово. Эти деревья просто манили меня — простором и покоем. Завтра!

Сосредоточиться в тот день мне больше так и не удалось, но я сделала все, что смогла, чтобы хоть повторить в памяти все, что от преподавателя услышала.

На следующий день, сразу после занятия, я ринулась к себе в комнату, затем во дворик и — на этот раз очень осторожно — вынырнула наружу. Нервно оглянувшись, не повредила ли я еще что-нибудь, я вдруг не обнаружила ни одной сломанной ветки. Интересно, если их убрали, нельзя было и остальные ветки подстричь? — опять проснулось раздражение. Терпение промолчало, а вот любопытство решило для разнообразия объединиться с раздражением, ехидно поинтересовавшись: «И как ты теперь дорогу назад найдешь?».

К счастью, терпение осталось мне верным. Я внимательно огляделась по сторонам в поисках каких-то ориентиров ... и просто глазам своим не поверила. В двух шагах от моего заросшего входа, прямо у дорожки лежал небольшой камень необычного, слегка голубоватого цвета.. Да как же я его раньше не заметила? — подумала я, растерянно оглядываясь. А, да, я ведь сразу влево пошла, и потом, вчера я ни о каких указателях даже не подумала.

Решив эту загадку, я пошла наконец-то к деревьям. И лишь только я оказалась среди них, меня охватило еще ни разу не испытанное здесь чувство полного умиротворения. Я поверила Бабочке, когда она сказала, что я всегда сюда стремилась, что меня здесь давно ждут, мне было интересно на занятиях и совсем не скучно в одиночестве в своей комнате — но только среди этих деревьев на меня повеяло чем-то ... не комфортным или интригующим, а просто родным.

Может, я на земле в лесу жила, потому меня в эти заросли и поместили?

Хотя в этом лесу не было никакой буйной растительности. Деревья были высокие, но листья на них были только сверху, и окрестности просматривались во все стороны. Вдалеке я рассмотрела очертания каких-то зданий, но решила туда даже не приближаться — хватит с меня недоуменных взглядов. Благо, между этими деревьями можно было бродить часами, не теряя из вида мой голубой маяк.

Вздыхнув всей грудью, я задумалась, есть ли на земле такие места и почему люди не посещают их, чтобы избавиться от своей агрессивности.

Вот в тот самый момент мне и свалился впервые на голову этот постоянный источник раздражения — словно для того, чтобы доказать мне, что атмосфера покоя отнюдь не является панацеей от агрессии. Или проверить, как я научилась справляться с неприемлемым для Ангела чувством.

По правде говоря, я вспыхнула, как только увидела между деревьями эту стремительно приближающуюся ко мне фигуру. Ну вот, насладились тишиной и безмятежностью! Я тут же свернула на первую уходящую в сторону дорожку, но фигура кинулась мне наперерез. С широко расставленными в сторону руками.

Я замерла на месте, нервно оглядываясь по сторонам. В этой стремительности было что-то, совершенно не соответствующее спокойному и ровному поведению всех знакомых мне Ангелов. Так скорее люди на земле в драку или бой бросались, еще и крича на ходу.

— Татьяна! Наконец-то! — завопил этот странный Ангел, бросаясь ко мне в последнем рывке и явно норовя обхватить меня руками.

Я невольно выбросила вперед руку, почему-то с поднятым указательным пальцем.

Ангел расплылся в ослепительной усмешке.

— Извините, пожалуйста, — старательно сдерживаясь, вежливо и негромко проговорила я, — мне кажется, что Вы меня с кем-то перепутали.

Улыбка медленно сползла с его лица. Нахмурившись, он принялся внимательно вглядываться в меня, все так же стоя у меня на пути. Я попробовала обойти его, но он сделал шаг в ту же сторону, не спуская с меня глаз. Повернуться к нему спиной я не решилась — только и оставалось, что тоже разглядывать его.

Это был несомненно Ангел. Я уже привыкла к тому, что у всех нас была яркая, бросающаяся в глаза внешность, да и зеркало мне весьма привлекательную картину показывало, но у этого выразительные сине-зеленые глаза горели неистовым огнем и мохнатые брови грозно сошлись не переносице. Он резко провел рукой по густым русым волосам, взлохматив их во все стороны, и я почти отшатнулась. От всей его невысокой, но стройной фигуры веяло такой ... агрессией, не нашла я более подходящего слова, что я бы не удивилась, если бы он сорвался прямо сейчас с места и снес все, включая меня, на своем пути, даже не заметив.

У него и взгляд такой же был — впился мне в лицо, в глаза, как тот холодный белый свет...

Мне стало не по себе. А что, если у некоторых Ангелов эта агрессивность в наследство от земной жизни остается, как у меня раздражение? Я вспомнила из курса человеческой истории, что уступки этой агрессии никогда ни к чему хорошему не приводили — по крайней мере, на земле — и решительно выпрямилась, ответив ему таким же прямым взглядом.

— Ты меня совсем не помнишь? — неожиданно тихо спросил он.

— Я вижу Вас в первый раз в жизни, — как можно тверже и убедительнее ответила я.

— Мы были женаты. И очень счастливы, — отрывисто произнес он.

Ну, если у меня был такой ненормальный муж, то немудрено, что я постаралась забыть его. И не имею ни малейшего желания вспоминать.

— Вы ошиблись, — повторила я.

— А Игоря помнишь? — продолжил он, словно не слыша моего ответа. — Сына?

От неожиданности я глазами захлопала. У меня был сын?! Да нет же, быть такого не может!

— У меня не было сына, — уверила я скорее себя, чем его. — Я бы об этом помнила.

— А родителей — отца, с которым постоянно ругалась? — яростно мотнув головой, обрушил он на меня шквал вопросов, даже не дожидаясь моих ответов. — Подружек — Свету, Галю, Марину? Как ты меня к Марине приревновала? Как у Гали хранитель появился? Как ты его человеком заставила стать? Как Марина с темными связалась? Как мы с тобой ей хранителя организовали? Наблюдателей тоже не помнишь? Как они нам всю жизнь отравляли..?

Нет, он точно ненормальный, подумала я, прекратив его слушать. Интересно, сумасшедшие Ангелы бывают? Например, такие, которые не смогли полностью от земной жизни оторваться, и она у них в голове с новой перемешалась — в горячечный бред?

Я вдруг похолодела. В тот самый первый момент он назвал меня каким-то именем — не Ангелом. И мне тоже вместо общепринятого обращения постоянно в голову какие-то особые названия для всех окружающих лезут. Может, у меня уже начальная стадия такого безумия? Вот и раздражение все время возникает — а если оно потом в такое бешенство перерастет? А если это сумасшествие еще и заразно..?

— Извините еще раз, — пробормотала я, медленно пятясь от него, — я понятия не имею, о чем Вы говорите. Наверно, я просто похожа на того, кого Вы ищете. Давайте, Вы его дальше искать будете? А я пойду, мне заниматься нужно.

Я так и не решилась повернуться к нему спиной и отступала мелкими шажками, внимательно следя за его движениями.

Но он вдруг словно окаменел.

— Я все понял, — тихо произнес он с такой яростью, что я больше не раздумывала — круто развернулась и со всех ног ринулась под укрытие своей маленькой, изученной вдоль и поперек, но такой безопасной комнаты.

Я не помню, сколько дней из нее не выходила. Даже во дворик. Не то, чтобы я боялась — отдышавшись, я вспомнила слова Бабочки ... нет!... — нет, женщины-Ангела о том, что резкие всплески эмоций в Ангельском сообществе недопустимы. Значит, даже если на того Ангела временное помешательство нашло, его уже нашли и ... не знаю, вылечили, наверно. Или, как и мне, ему напомнили о необходимости держать себя в руках.

Я хотела было женщине-Ангелу рассказать об этом — очень большом — дискомфорте, но опять неловко стало. В конце концов, я ведь сама в тот лес-парк-сад пошла — вот и получила урок. Кстати, тогда в первый раз и мелькнула у меня мысль — а не была ли эта встреча совсем не случайной? Может, мне так — не напрямую, деликатно — показали, что чрезмерно отступать от установленного порядка не стоит? А может, это своего рода наглядный дополнительный материал был — я же делала запрос об агрессивности?

Но размышляла я об этом недолго — у нас, наконец, начался новый курс, и на занятиях появился новый студент.

Новый цикл занятий рассказывал нам о социальном устройстве человеческого общества. Он не дал мне никаких разъяснений о причинах человеческой агрессивности, лишь подтвердил мое подозрение, что причины эти лежат в самой природе человека.

Даже в периоды между войнами люди не могли жить мирно. Они постоянно боролись за свободу, справедливость, равенство — и всякий раз оказывались под еще большим угнетением. Причем угнетенные, победив, тут же превращались в угнетателей — человечество будто на качелях всю жизнь туда-сюда каталось.

Еще более странным мне показалось то, что настоящих борцов среди людей всегда было совсем немного, но им каким-то образом всякий раз удавалось втянуть в свои революции, перевороты и освободительные движения остальное большинство, которое, однако, после каждой победы упрямо возвращалось к привычному укладу жизни. А если их лидеров это не устраивало, их просто устраняли всевозможными способами.

Я вспомнила слова Ба... нет, женщины-Ангела о неблагодарности людей — похоже, она была абсолютно права. В спокойные периоды медленного, но неуклонного улучшения жизни большинство человечества не довольствовалось им и искало встрясок, разрушительные последствия которых позволяли ему вновь оценить мир и благоденствие. Не свобода и справедливость были им нужны, а острые ощущения, в перерывах между которыми они не просто охотно, а с радостью возвращались к своему подчиненному и зависимому положению.

Более того, эта зависимость и подчиненность присутствовали у них на всех уровнях социальной жизни. В семьях у них были главы, на работе — начальники, в странах — короли и президенты, даже в играх, в любой группе людей, у них обязательно присутствовал какой-то лидер.

Самое интересное, что слушая нового преподавателя и прислушиваясь к своим ощущениям, я так и не смогла понять, принадлежала ли я на земле к ведущим или ведомым — ни одно слово никакого отклика во мне не вызвало. Вот точно где-то в лесу жила, а не среди людей, потому и вспомнить нечего!

Кстати, новый преподаватель мне тоже не понравился. В отличие от сухого и безжизненного преподавателя истории, этого бесчувственным назвать нельзя было — вот только он всегда демонстрировал одну и ту же эмоцию, и ту довольно неприятную. Даже с нами он держался подчеркнуто вежливо и не менее подчеркнуто высокомерно, выслушивая наши вопросы и замечания с высоко поднятыми бровями и полу-прикрытыми веками. Когда же он о людях говорил, не было никакого сомнения, что земля находится не просто внизу, а очень далеко внизу, и населена низшими существами.

В один из таких моментов у меня перед глазами вдруг всплыла картина крупной птицы, важно переваливающейся с ноги на ногу, задравшей клюв к небесам и презрительно косящей черной бусинкой глаза на землю у себя под ногами. Индюк, радостно отозвалась память, но я тут же осадила ее. Кто-то ведь обещал больше никаких посторонних имен не выдумывать, правда? Кому-то ведь не нужны никакие признаки прогрессирующего сумасшествия, правда?

Но как бы ни назывался этот преподаватель, мне его взгляд на людей почему-то казался слишком упрощенным, мне хотелось до причин человеческой противоречивости добраться, и я снова послала запрос, решив, правда, перефразировать его во что-то вроде «Социальное неравенство как результат человеческого стремления к подавлению и доминированию». Книги по социальному неравенству во всех формах человеческого общества — от племен до империй — я получила, а относительно второй части запроса, к книгам была приложена записка все с той же фразой: «Человеческая природа будет рассмотрена в последующих курсах». И на том спасибо — будет, чем у себя в комнате заняться, никуда не выходя!

Нет, отдельное спасибо каналу связи за то, что я с новым студентом познакомилась.

Он появился в аудитории на одном из первых занятий этого курса. Вместе со всеми, но из комнаты, расположенной между моей и комнатами коли... других студентов. Его, похоже, тоже в дикую часть поместили, подумала я с внезапно вспыхнувшим расположением. Он тоже чуть замешкался в начале занятия и тоже не стал спускаться к остальным студентам, сев в стороне от них, чуть впереди и наискосок от меня. Что дало мне возможность как следует рассмотреть его.

Первой мне бросилась в глаза его совершенно неброская внешность — это был первый на моей памяти Ангел, чей вид не привлекал мгновенно внимания. Бледный, с едва заметными на лице бровями и губами, цвет глаз мне не было видно, с короткими пепельными волосами. Наверно, высокий, потому что сидел, ссутулившись и сложив перед собой руки. Тень, мелькнуло у меня в голове, но я тут же подавила очередное неуместное название.

Через время я также заметила его абсолютную неподвижность. В отличие от меня, он не стрелял глазами во все стороны ни исподтишка, ни в открытую, а сидел, потупив их и полностью уйдя то ли в слух, то ли в свои мысли.

Впервые он пошевелился только в конце занятия, когда пришло время посылать запросы на дополнительные материалы. Убрав руки со стола, он снова замер, шаря по нему глазами.

— Справа, в углу, — негромко сказала я ему, вспомнив свою растерянность.

Он покосился в мою сторону, все также не поворачивая головы, и я постучала пальцем по пластине регистрации возле канала связи на своем столе.

Повторив мое движение, он мгновенно зарегистрировался и молча кивнул открывшемуся углублению. Но писать ничего не стал. Вместо этого, он повернул наконец-то голову в мою сторону и снова кивнул. На сей раз мне и очевидно в знак благодарности. Мне еще больше захотелось ему помочь.

— Запросы нужно на вот этих листиках писать и вон туда их опускать, — сказала я ему, вставая, когда занятие закончилось.

— Спасибо, — коротко ответил он, тоже вставая и поворачиваясь ко мне. Нет, наверно, к выходу.

— Вы целый курс пропустили, по истории, — добавила я. — Вам, наверно, нужно по нему материалы запросить.

— Меня снабдили книгами, — сказал он, на мгновение подняв на меня глаза. Настолько светлые, что они казались прозрачными.

— У Вас тоже книги? — не удержалась я, испытывая к нему все большую симпатию.

— Да, — снова замкнулся он в себе.

Мне очень не хотелось заканчивать этот разговор. Наконец-то кто-то общается со мной! Наконец-то кто-то похож на меня, хотя бы немного! Наконец-то кто-то может нуждаться во мне, хотя бы просто в моем совете!

— Если Вам что-то будет непонятно, — предложила я, — обращайтесь, не стесняйтесь, я с удовольствием помогу Вам.

— Спасибо, — снова повторил он, все также не поднимая глаз.

На следующий день в конце занятия он не сделал ни малейшей попытки обратиться ко мне, но я не смогла удержаться. Мало ли, вдруг он просто не решается беспокоить меня.

— Ну что, никаких вопросов не возникло? — особенно дружелюбно поинтересовалась я.

— Спасибо, — повторил он как заведенный, — я уже во всем разобрался.

От неожиданности я совершенно недопустимым для Ангела образом вытаращила на него глаза. Во всем разобрался за один день? Или он уже давно здесь? А почему тогда меня без всякой подготовки на занятия отправили?

— Вы давно у нас? — решила уточнить я.

— Со вчера, — вновь последовал лаконичный ответ.

Я бы, наверно, прекратила к нему приставать ввиду такого явного нежелания поддержать знакомство, но мне очень захотелось проверить, не врет ли он. Если есть способ еще быстрее читать, он мне очень даже может пригодиться.

— И Вы уже выучили весь пропущенный материал? — спросила я, прищурившись.

— Нет, — ответил он, стрельнув в меня глазами — похоже, недоверие у меня в голосе таки прорвалось. — Я его ... просто знаю.

Вот точно врет! Стесняется, что ли? Ну что стыдного в том, что других догонять нужно, если ты позже заниматься начал?

— А я вот заметила, — медленно проговорила я, внимательно вглядываясь в его вдруг напрягшееся лицо, — что Вы и вчера, и сегодня никаких запросов не делали. То, что нам сейчас рассказывают, Вы тоже знаете?

— Да, — сказал он, и вдруг поднял на меня свои прозрачные глаза. В которых я увидела вызов и одновременно ... обреченность.

— Да откуда Вы все это знаете? — изумилась я, неожиданно для себя поверив ему.

Несколько мгновений он пристально смотрел на меня, чуть склонив голову набок и словно прислушиваясь к чему-то в моих словах. И вдруг явно расслабился.

— Я все это на земле изучал, — все еще неохотно, но уже не так односложно ответил он.

— И Вы все помните? — На этот раз мне было совершенно безразлично, что Ангелам не положено демонстрировать крайности в своих ощущениях.

Странный новичок глянул на меня с таким же удивлением.

— Конечно, — чуть шевельнул он плечом. — Здесь, кстати, только общие положения рассказывают. На самом деле, жизнь на земле намного ... суровее.

На этот раз я услышала что-то, скрытое в его словах. Что-то болезненное.

— А Вы могли бы рассказать мне, что помните? — быстро проговорила я.

— Зачем? — снова удивился он, и добавил, чуть дернув уголком рта. — Мы ведь оставили позади свою земную жизнь.

— Понимаете, я из своей ничего не помню.., — с досадой призналась я.

— Завидую Вам, — перебил он меня.

— Но это как-то неправильно, — возразила я ему. — Я имею в виду изучать человеческую жизнь только по книгам. Возможно, у меня ничего запоминающегося не было, но я бы с удовольствием ее живого свидетеля послушала.

— В моих воспоминаниях позитивного немного, — снова опустив глаза, предупредил он меня.

— Ничего, — отмахнулась я, — главное, что это настоящие воспоминания. И потом, — добавила я, чтобы заинтересовать его, — Вам наверное говорили, что нам нужно избавляться от слишком сильных и, главное, отрицательных эмоций. Вот Вы их выскажете и больше держать в себе не будете.

Одним словом, уговорила я его. И через некоторое время мне пришлось признать, что его человеческая жизнь была совсем не из веселых. На земле он был очень талантлив, причем во всем, за что брался, и с самых юных лет. И людям это не нравилось. Поначалу их притягивало к нему, они им восхищались, не только его способностями, но даже внешностью — я едва удержала выражение ровного интереса на лице.

— Поэтому здесь я первым делом создал себе как можно более незаметный облик, — добавил он, заметив, очевидно, мое усилие.

— Вы ... что?! — На этот раз мне никакое усилие не помогло.

— Изменил свой облик, — со значительно меньшим моего удивлением объяснил он. — А Вы нет?

— Не помню, — расстроено ответила я. Вот и гадай теперь: я всегда так привлекательно выглядела или на земле даже внешне ничего особенного из себя не представляла — поэтому ничего особенного со мной и не происходило.

Необыкновенный Ангел тем временем продолжал. Восторга окружающих в его человеческой жизни всегда хватало ненадолго, и очень скоро у них появлялась зависть, ревность и, в конечном счете, крайняя неприязнь. Со временем он уже начал ожидать всего этого от людей, что, в свою очередь, провоцировало их на более активное проявление антипатии. И такое отношение он встречал всю свою земную жизнь — даже от относительно близких ему людей, которых постепенно становилось все меньше.

Стоит ли удивляться, что он согласился с моей идеей о внутренней агрессивности человечества? Скорее, крайней жестокости, даже добавил он. Но дальше мы разошлись с ним во мнениях. Мне казалось, что наша задача как раз и заключается в том, чтобы помочь людям избавиться от этой нетерпимости — он считал это бесполезной затеей.

— Но ведь мы же откуда-то взяли! — возразила ему я. — Значит, есть среди них такие, которые даже на земле разделяют наши взгляды.

— А Вы обратили внимание на размер этой аудитории, — повел он вокруг себя рукой, — и на количество бывших людей, обучающихся в ней? Похоже, число тех, кто на это способен, решительно сокращается.

Я задумалась. Действительно, если агрессивность людей усиливается, то при менее строгом отборе появляется риск переноса ее в ангельскую жизнь.

И в серьезности такого риска я вновь убедилась буквально через несколько дней.

Поначалу мы с этим новым Ангелом парой фраз после занятий обменивались, но у меня дополнительные книги скоро закончились, а он в них и вовсе не нуждался, и мы стали задерживаться в аудитории, чтобы обменяться впечатлением от услышанного. А потом и своими соображениями по этому поводу. А потом и вообще своими мыслями.

Эти наши дискуссии тоже удостоились удивленных взглядов со стороны других студентов. Мне казалось, что я ощущаю эти взгляды даже после того, как наши соученики скрывались каждый в своей комнате. И не только я — мой собеседник тоже под ними ежился. Слишком тесное общение за пределами занятий у нас определенно не приветствовалось. Пригласить его к себе или самой к нему в гости напроситься мне даже в голову не пришло — это вообще выходило за рамки мыслимого.

И тут я вспомнила тишину и покой леса-парка-сада. До появления того ненормального Ангела, конечно. Но он уже наверняка отправился дальше свою пропажу искать, успокоила себя я. Или его куда-нибудь отправили ... от агрессии избавляться.

— А Вы никогда не пробовали за пределы нашей территории выйти? — в конце концов, решилась я однажды.

— Зачем? — снова удивился странный Ангел.

Во мне опять вскинулось любопытство. А вот терпение от него отстало.

— А что Вы вообще у себя делаете? — выпалила я, не успев подумать, и смутившись, добавила: — Заниматься ведь Вам не нужно, Вы и так все знаете.

— У меня на лужайке отличный набор тренажеров, — чуть ли не впервые заметно оживился он.

Я нахмурилась, отчаянно теребя память. Но не получила ни объяснений, ни образов — только отчетливое ощущение чего-то крайне неприятного.

— Ради незаметности мне пришлось и от крепкого сложения отказаться, — вдруг услышала я совсем не то объяснение, которое искала. — Вот теперь восстанавливаю форму, чтобы она с содержанием в гармонии оставалась, — с легкой насмешкой добавил необычный Ангел, явно в ответ на еще большее недоумение у меня на лице.

Странно, для меня гармония с тренажерами никак не сочеталась. У меня это только что и впервые прозвучавшее слово мгновенно вызвало совершенно другой образ. Долгая неспешная прогулка по тропинкам среди деревьев, под дождем и в разговорах с ... кем-то. А что такое дождь?

Это когда вода падает с неба, крупными или мелкими каплями, а также ..., радостно затараторила память, стараясь реабилитироваться. Спасибо, резко одернула я ее, воды не надо. Прямо хоть запрос завтра пиши, нельзя ли здесь где-то эту воду найти, чтобы посмотреть, что в ней такого, что она мне все время на ум приходит!

Впрочем, все остальные элементы моего образа гармонии были у меня под рукой. А ходьба, судя по присутствию бегущего мостика в моем дворике, тоже тренажером считается. Так я странному Ангелу и сказала.

Он недоверчиво вскинул бесцветные брови, но согласился попробовать.

Как только мы выбрались из моего дворика, я сразу почувствовала, как мне не хватало все это время этого простора. Широко улыбнувшись, я радостно оглянулась по сторонам — вот и голубоватый камень на месте! Мой спутник тоже осматривал окрестности — с настороженным интересом.

— А как Вы нашли выход сюда? — спросил он, когда мы направились к деревьям.

— Случайно, — рассмеялась я, вспомнив свои приключения. — И сначала я вдоль ограды ходила, но колибри на меня смотрели как на...

— Кто? — спросил он, останавливаясь.

Я охнула. Нет, мне не только с раздражением, мне и бурной радостью бороться придется, если они на меня одинаково действуют! Ведь дала же себе слово даже в мыслях никого больше не обзывать, а тут вслух...

— Не обращайтесь внимания, — смущенно пробормотала я. — Со мной иногда случается — я иногда, очень иногда, Ангелам другие ... дополнительные имена придумываю. Вернее, как-то само собой придумывается. Чтобы различать их.

— Так кто такие колибри? — прищурился он.

— Другие студенты, — неловко буркнула я.

Он издал какой-то странный звук и снова тронулся в путь.

— А Вы знаете, — проговорил он задумчиво через несколько мгновений, — это Вы очень точно подметили. Меня вообще удивляет, как они сюда попали. Типичные представители рода человеческого — могут существовать только в стае, а за ее пределами словно в пространстве растворяются. А как Вы преподавателя назвали? — тут же спросил он, не дав мне возразить.

— Индюк, — ответила я, чуть приободрившись от неожиданного комплимента.

Необычный Ангел рассмеялся — у него и смех необычным был, таким же прозрачным, как и он сам.

— Еще точнее! — ободрительно кивнул он. — А меня?

Разумеется, в памяти у меня тут же всплыло слово, которым я назвала его всего один раз при нашей первой встрече. Я уже открыла было рот, чтобы сказать, что не помню, но память мгновенно метнула в меня еще одним словом — «ложь», и я мысленно поежилась. Это слово вызвало у меня полное отторжение.

— Вы только не обижайтесь, — неловко проговорила я. — Я Вас тогда еще совсем не знала...

Он молча смотрел на меня со странным выражением на лице.

— Тень, — со вздохом призналась я.

Он чуть склонил голову набок, словно вслушиваясь в это слово.

— Интересно, — произнес он наконец. — Опять в точку. Мне нравится это имя, я бы сам лучше не придумал. Да у Вас просто талант — Вы не против и дальше меня так называть?

Я отчаянно замотала головой, окончательно смутившись от неожиданной похвалы.

— А как Вы себя называете? — вдруг снова спросил он, прищурившись.

Теперь остановилась я. Никак. Себя я никак не называю. Почему? И в зеркало себя каждый день вижу, а никаких ассоциаций не возникает. Неужели во мне вообще ничего нет, что хоть как-то определить можно?

Я вдруг вспомнила, что тот сумасшедший Ангел называл меня каким-то именем. Я даже не запомнила его. В этом, наверно, была еще одна причина моего раздражения. Я ведь никому не навязываю те названия, что мне в голову приходят, так с какой стати мне имя присваивать, меня не спросив?

Он появился, словно только и ждал того момента, когда я о нем вспомню. Этот сумасшедший. Ступил из-за дерева на дорожку в нескольких шагах перед нами, и меня снова обдало волной агрессии. Концентрированной. Слово он ее копил все то время, пока я в лес-парк-сад не выходила.

Хотя нет. Он стоял там, молча, неподвижно, уставившись тяжелым взглядом не на меня, а на моего спутника. Тот тоже замер — до такой степени, что словно слился с окружающим миром — опустил глаза и вжав голову в плечи.

— Давайте пойдем домой, — негромко сказала я ему, осторожно дотрагиваясь до его руки и косясь в сторону источника агрессии. — Придем в другой раз, когда здесь будет спокойнее.

Краем глаза я заметила, что сумасшедший Ангел исчез. Он просто исчез. Не ступил назад за дерево, не скрылся за другим — в какой-то момент его просто не стало. Нервно стреляя глазами по сторонам, я нетерпеливо дернула своего спутника за рукав.

— Да, — отозвался он, развернулся одним деревянным движением и такими же шагами пошел к нашему зданию. На все мои попытки разговорить его он отвечал сухо и односложно.

Когда мы добрались до изгороди, он сказал мне, что поищет выход из своего двора и тут же пошел вдоль кустарника, даже не кивнув мне на прощание.

Я вернулась к себе в комнату в таком раздражении, что оно определенно уже другим словом называлось. Вот если это не дискомфорт, то я тогда не знаю, что это!

До самого начала занятий я составляла запрос к своей женщине-Ангелу с просьбой навестить меня. Хорошо ей было говорить: «Просто отправьте мне запрос», но как к ней обратиться? Так, чтобы понятно было, кого я приглашаю.

В результате короткая вежливая строчка вылилась у меня в витиеватое описание, с которым люди к своим монархам обращаются. С описанием ее внешности, одежды, примерного времени ее разговоров со мной и их длительности.

На следующий день я преподавателя в пол-уха слушала, с нетерпением дожидаясь конца занятия. Отправив, наконец, свой запрос, я замешкалась, неуверенно поглядывая на странного Ангела. Он в тот день вообще ни разу не пошевелился и, встав, направился к выходу с опущенными глазами.

— У Вас все в порядке? — обеспокоена спросила я.

— Да, спасибо, — ответил он с той отстраненностью, которая отличала его в начале нашего знакомства.

— Не обращайтесь внимания на этого павлина, — постаралась я шуткой развеять его отчужденность. — Обычно там очень хорошо гулять.

— Я бы его скорее коршуном назвал, — ответил он с холодной неприязнью.

— Да какой он коршун! — отмахнулась я. — Павлин самый настоящий. Он там какого-то другого Ангела ищет, однажды меня за нее принял.

— Вы его раньше видели? — вдруг остро глянул на меня необычный Ангел.

— Да, и еще тогда подумала, что у некоторых Ангелов скверные человеческие привычки остаются, — ответила я, стараясь направить разговор в русло наших, уже привычных дискуссий. Чтобы он не вздумал их прекратить.

— А Вы не помните, когда? — Он смотрел на меня все так же пристально.

Я задумалась. Мне казалось, что то столкновение с первым в моей жизни неуравновешенным Ангелом произошло уже очень давно, но когда именно? Нет-нет, полная потеря памяти осталась в земной жизни — это ведь там у меня ничего стоящего не было!

— А! — вспомнила я, наконец. — В тот день у нас как раз предыдущий курс закончился — по истории, который Вы пропустили.

Лицо у странного Ангела снова превратилось в застывшую маску.

— Вы знаете, — чуть погодя, медленно произнес он, — честно говоря, я бы предпочел вернуться к своим тренажерам. Я думаю, в моем случае, если бы такие прогулки были полезны, мне бы предоставили более простой доступ к ним.

И он ушел, едва кивнув мне на прощание.

Я еще некоторое время стояла в той аудитории, поворачивая в уме и так, и сяк его последние слова. У меня осталось стойкое впечатление, что в них был какой-то скрытый смысл, но разгадать его мне никак не удавалось.

В конце концов, решив отложить решение этой загадки, я отправилась к себе в комнату. Оказалось, что там меня уже ждет моя женщина-Ангел.

— Здравствуйте, Ангел! — приветливо заговорила она, как только я открыла дверь. — Рада вновь видеть Вас, но насколько я понимаю, Вам понадобилась моя помощь. Что случилось?

Я растерялась. Вчера я бы напрямик спросила ее, бывают ли среди Ангелов сумасшедшие. Сейчас такое начало разговора показалось мне просто невозможным. Еще скажет, что я как раз одна из них.

— Спасибо Вам, что так быстро откликнулись на мою просьбу, — отдала я дань вежливости, чтобы выиграть время, и вдруг вспомнила только что возникший вопрос. — Я хотела спросить, всегда ли мы должны находиться на этой территории, — неопределенно махнула я рукой в сторону, — или нам можно покидать ее. Например, прогуляться, чтобы мысли упорядочить, — торопливо добавила я, когда она вскинула брови.

— Вы вольны выбирать подходящий Вам способ проведения своего свободного времени, — ободряюще улыбнувшись, ответила она. — Возможно, Вы уже так и сделали?

— Честно говоря, да, — неловко замялась я. — Тут неподалеку обнаружился совершенно замечательный ... парк, — почему-то вырвалось у меня именно это слово. — Я не заметила там никаких ограничительных знаков...

— И нужно понимать, что именно там у Вас и возникла надобность во встрече со мной?
— Она чуть прищурилась, заботливо глядя на меня.

Я ей все рассказала. Про первую встречу с сумасшедшим Ангелом. Про вторую почему-то нет. Мне не хотелось говорить о странной реакции необычного Ангела на нее — не в нем же дело, правда? Не пояись этот ненормальный, мы бы просто гуляли, оживленно беседуя. Я снова почувствовала укол раздражения.

— Ситуация действительно необычная, — выслушав меня, медленно заговорила женщина-Ангел. — Если она вызывает у Вас опасения, могу Вас успокоить — акты насилия в нашем обществе невозможны, это заложено в самих его основах. Я, конечно, наведу справки об этом Ангеле, но сейчас, пожалуй, не это главное. Главное — какую реакцию у Вас вызывает такая бесцеремонность, — закончила она с явно вопросительной интонацией.

— Мне это неприятно, — просто ответила я, не зная, как описать словами всю ту смесь удивления, испуга, раздражения и еще чего-то, чему память не могла подобрать определения.

— Тогда Вам не нужно это скрывать, — одобрительно кивнув, уверила меня женщина-Ангел. — Какие бы аномалии среди нас ни случались, назойливость нам не присуща. Вам нужно всего лишь сказать, что такое внимание Вас тяготит. Только спокойно и твердо, — добавила она, поднимаясь.

На следующий день я обнаружила, что женщина-Ангел не только выполнила свое обещание собрать сведения о ненормальном Ангеле, но еще и мне их передала. Я обнаружила их у себя в комнате, в которую вернулась сразу после занятия — необычный Ангел снова после него задерживаться не стал.

Текст, который я нашла у себя на столе, оказался достаточно коротким. Сумасшедший Ангел был Ангелом-хранителем. С большим стажем. Который потерял своего последнего человека. Почти доведя его, вполне успешно, до конца жизни. Каковая потеря обычно является крайней редкостью и тяжелейшим ударом по хранителю. После чего он должен сам решить свою судьбу. Возможные альтернативы такого решения: реабилитация, переквалификация или ... аннигиляция.

Мне его даже жалко стало. На один миг. Но потом я подумала, что он, наверно, решил, что обширный опыт навсегда застраховал его от любых возможных ошибок — вот и получил ... удар. По одному только самолюбию, похоже. И сейчас, вместо того чтобы смирить эту типичную, по-видимому, самоуверенность и искать наилучший способ восстановить свое доброе имя, он каких-то старых знакомых разыскивает после долгой отлучки!

Нет, решила я, если мне удастся наставить его на путь истинный, вернуть его к осознанию реальности, значит, я действительно не зря всю свою земную жизнь к Ангельской миссии стремилась.

После этого я каждый день выходила в парк. Делать все равно больше нечего было — из-за этого сумасшедшего я таки лишилась своего единственного собеседника, который отныне был со мной безупречно вежлив, но после каждого занятия немедленно отправлялся к себе. Ну и ладно, я тоже сосредоточилась на своей великой задаче.

Выполнить ее, однако, мне никак не удавалось. Нет, ненормальный Ангел всякий раз появлялся, как только я до парка добиралась. Но ко мне больше не приближался, словно почуял мои намерения. Вместо этого он, постоянно оставаясь у меня на виду, вообще какие-то безумные выходки принялся вытворять. То по деревьям скакал, как обезьяна, то на руках вместо ног ходил, то исчезал и тут же появлялся в другой одежде...

Нет, ну это просто переходит все границы! Он словно провоцирует меня...

Вот тогда и пришло мне впервые в голову, что не случайно он здесь появился, что никакой он не сумасшедший, что это не я пытаюсь доказать себе, что достойна Ангельской жизни, а меня проверяют на пригодность к ней. Какое уж тут ровное спокойствие и твердость!

Когда он исчез в очередной раз и не появился сразу же, я даже обрадовалась — хоть отдышусь немного. Не успела. Он появился — прямо возле меня, так близко, что плечом моего плеча коснулся.

Я невольно отшатнулась, чуть не упав. То ли сумасшедший, то ли меня с ума сводящий Ангел дернулся, чтобы подхватить меня — и эта деланная забота переполнила чашу моего терпения и погасила искру любопытства. И раскалила раздражение добела.

— Да что Вы ко мне привязались? — самым неприличным образом взвизгнула я. — Что Вам от меня нужно? Что я Вам сделала? Зачем Вы меня провоцируете? Специально, чтобы меня выгнали? Вам мало, что Вы человека на земле потеряли? Вам теперь и мне нужно жизнь испортить?

Ну, вот он и добился своего, мелькнуло у меня в голове. Вот оно, искомое раздражение, недостойное Ангела, которое я явно не научилась подавлять. Но вместо радости, или хотя бы удовлетворения, я неожиданно увидела в его глазах — близких и просто притягивающих — ... боль. Мне не память это слово подсказала, оно само возникло, как только эта боль во мне эхом отозвалась.

Как только он исчез.

ГЛАВА 4. Наказание

Когда-то я был молодым и наивным и думал, что ярко выраженная эмоциональность типична только для жизни на земле, а в родных пенатах мы руководствуемся в своих действиях взаимопониманием, взаимоподдержкой, взаимовыручкой, и вообще из всех чувств испытываем только чувство локтя.

Я и на земле старался согласно этой установки поступать. По крайней мере, большую часть времени. И уж точно поначалу. Это уже потом за меня взялись земные ... обстоятельства, и чтобы выжить в них, в смысле здравый рассудок сохранить, пришлось земным правилам следовать.

В результате у меня возникли — пару раз — внештатные ситуации. Ну, ладно-ладно, не без моего участия, что вовсе не равносильно умыслу! И вот тогда-то я и узнал — с огромным удивлением — что эмоции и нам не чужды. Хотя и с различной степенью сдержанности.

Я столкнулся со сдержанным чувством юмора и сдержанным же неодобрением у своего руководителя, со значительно менее сдержанной насмешкой со стороны руководителя Анабель, уже почти совсем несдержанным вызовом от внештатников и просто открытой враждебностью наблюдателей.

Тогда я решил, что чувства эти проявляются в родных пенатах только в чрезвычайных ситуациях, связанных с землей, и вызваны всего лишь непониманием реалий жизни на ней. Но в самом страшном земном кошмаре мне не могло привидеться, насколько изошренными в проявлении этих чувств могут оказаться некоторые из моих коллег.

И не надо мне ничего говорить — я догадываюсь, что решение о моем наказании где-то наверху принималось. Но хотелось бы знать, кому проработку его деталей поручили. Очень хотелось бы однажды узнать, у кого такое садистское чувство юмора обнаружилось.

Разыскать место, где держали Татьяну, оказалось проще простого. Я бы и без плана Стаса справился, он мог бы мне только направление указать. Впрочем, и в нем особой надобности не было, как только я из этого здания выбрался. Пожалуй, я бы и выход сам нашел, если бы голова более важными проблемами не была занята.

С другой стороны, мой вопрос: «А как отсюда выйти?», когда Стас вручил мне набросанный на скорую руку маршрут к наставникам, явно произвел на него сильное впечатление. Что, я думаю, мало кому удавалось.

— Ты вообще хоть что-нибудь знаешь? — изумленно уставился он на меня.

— Знаю, — со скромным достоинством ответил я. — И много чего такого, о чем ты даже не догадываешься. На земле. Где я, собственно, и нахожусь все время. По долгу службы. Выход где? — счел я свое объяснение достаточным.

— У администраторов, естественно, — пожал он плечами. — На их этаже, дверь напротив на лестнице.

Естественно, подумал я. Естественно, кто еще может стеречь вход в ангельские пенаты? Кому еще могли доверить ключи от заветных ворот? Это к вопросу о равенстве между нами. С них станется еще и отпирать эти ворота только в официальные часы приема.

— А они где? — решил уточнить я.

— Этажом ниже внештатников, — снова фыркнул Стас, но от дополнительных ремарок воздержался.

Ага, похоже, вопрос о правомочности узурпации администраторами контроля над стратегически важным объектом не только у меня возник, раз они силовым подразделением прикрываются.

— Ладно, спасибо, — поблагодарил я Стаса, поворачиваясь к выходу, и вдруг заметил в углу возле двери стеллаж со множеством самых невероятных у нас предметов.

— А это что? — поинтересовался я, смакуя внезапно возникшую мысль.

— Сувениры, — коротко ответил Стас, уже берясь за какие-то документы. — Изъяты при задержании.

— Я одолжу? — небрежно бросил я, кивая на лежащую на самом видном месте бейсбольную биту.

Стас резко поднял голову. Затем почти вскочил, в два прыжка оказался рядом со мной и быстро обхлопал меня со всех сторон.

— Без самодельности, — уже чуть спокойнее рявкнул он. — Я, по-моему, сказал, что с внештатниками сам разберусь.

— Да мне для отвлекающего маневра! — старательно изобразил я оскорбленную невинность. — Та парочка ведь полностью проход на лестнице перекрыла. Как мне мимо них протиснуться? Пока ты разберешься, они меня под домашний арест уже упекут.

— Для отвлекающего маневра, — он пошарил глазами по стеллажу, — тебе и этого хватит. — Он протянул мне теннисный мяч, вытащив его из дальнего угла на нижней полке. — И чтобы вернул.

Я широко улыбнулся. Я ведь только что предупредил его, что научился на земле таким вещам, о которых он даже не подозревает.

Перейдя в коридоре в невидимость и инвертировавшись, я вышел на лестницу. Один мимолетный взгляд между ее пролетами подтвердил, что внештатники все еще на посту.

Протиснулся я мимо них сам, конечно — с трудом, не скрою, но хранитель я или нет? Затем, добравшись до середины следующего пролета, я развернулся, рассчитал траекторию, тщательно прицелился и запустил мячом в голову стоящего у перил.

Внештатник полетел вниз, мяч — вверх. Там он завис на какое-то мгновение прямо передо мной — я придал ему нужное ускорение, и он рухнул прямо между пролетами вниз, к Стасу. Вернул я ему мяч? Вернул. А насчет в руки, так он не уточнял.

Помахав на прощание внештатникам, с шипением всматривающимся вверх между пролетами, я пошел к себе.

Хотя зачем к себе, вдруг подумал я. Если моя псевдо-квартира действительно на этаже внештатников находится, то вожденный выход к Татьяне прямо под ним — я проходить мимо него буду. А я уже и инвертировался, и в невидимости...

Все решилось очень простым фактом — другая дверь на этаже администраторов оказалась открыта. Кстати, такие же другие двери на всех этажах были — как я их раньше не заметил? Хотя в тех бешеных забегах некогда мне было по сторонам разглядывать.

Выйдя, наконец, наружу — впервые за ... не знаю, мне не хотелось даже представлять, сколько уже времени меня Татьяна ждет — я сразу понял, куда идти. План Стаса только подтвердил верность моей догадки.

Все открывшееся моему взору пространство было уставлено небольшими зданиями, явно нежилыми. Только справа за несколькими их рядами стояли здания существенно побольше, но было их поменьше. А между ними виднелся...

Меня понесло вперед без раздумий и колебаний, но с поистине чемпионской скоростью. Уже через несколько минут у меня исчезли последние сомнения — он мне вовсе не привиделся, этот лес.

Настоящий земной лес. Хотя откуда ему здесь взяться? Кому он здесь нужен? Он мог быть только рукотворным. Его могли посадить только для тех, кому такой пейзаж был знаком и приятен. И это явно не хранители, с горечью усмехнулся я на бегу, нам личные земные страсти даже в отчет не положено вставлять — как не имеющие отношения к цели нашего пребывания на земле.

Оставались только люди. В смысле, бывшие люди. Прошедшие контрольную комиссию и признанные достойными занять место среди нас. Наверняка их поначалу размещают в более-менее знакомой обстановке — для плавной и безболезненной адаптации.

Отлично, подумал я, ступая под сень первых деревьев и глубоко вдыхая пьянящий аромат листвы и травы, Татьяна адаптация будет намного более болезненной для окружающих, если в знакомой обстановке не окажется меня как одного из ее элементов. Нет, как главного ее элемента. Нет, как ее центра.

Я вспомнил, что творила Татьяна, когда меня здесь на прошлых разбирательствах задерживали, и усмехнулся. Не завидую я тем, кто попробует ее от меня изолировать. Внештатникам сегодняшний мяч может легким поглаживанием показаться. А вот мне, пожалуй, лучше потопропиться, пока она все подразделение наставников не заклевала. На таком отшибе вечность пройдет, пока кто-то заметит, что наши ряды понесли тяжелую утрату.

Сверившись мельком с планом Стаса, я убедился, что нахожусь на правильном пути. И действительно, очень скоро среди деревьев показалось еще одно здание. Я прибавил шагу, и вдруг лес закончился.

Здание, полностью открывшееся моему взору, было более чем необычным. Для начала оно было круглым — с невысоким куполом в центре, но без окон и дверей. Возможно, они скрывались за какой-то буйной порослью, окружавшей здание высокой и с виду плотной стеной. Кроме того, здание стояло в центре огромной поляны, и от леса его отделяла широкая полоса абсолютно пустого пространства.

Ничего себе, подумал я, прямо средневековый город какой-то! Они бы еще ров вокруг выкопали... Нет-нет-нет, я такого даже не думал, тут же одернул себя я, вспомнив непревзойденное умение тех же администраторов, наверно, реализовывать все мои пожелания. В смысле, те, которые усложняют мне жизнь. А я еще сейчас на их территории — не дай Всевышний, решат уважить редкого гостя.

Трижды, для гарантии, повторив в уме, что последняя фраза была всего лишь оборотом речи, я чуть было не вышел из невидимости, но потом все же решил сначала осмотреться. Как-то несолидно получится, если Татьяна вдруг увидит, как я мечусь перед этими зарослями в ее поисках. В конце концов, мы уже в моем мире находимся, и лучше дать ей это понять с самого начала.

Быстрым и уверенным шагом я пересек полосу пустого пространства и принялся вглядываться сквозь пышную, но не такую уж и плотную вблизи растительность. За ней скрывалось еще одно пустое, или почти пустое, пространство, которое тут же напомнило мне задний двор дома Анабель и Франсуа, но только существенно меньшее. Упиралось это пространство

в собственно стену здания. Вернее, в огромную стеклянную дверь, за которой моему взору открылась небольшая комната.

Больше моему взору не открылось ничего — ни во дворе, ни в комнате никого не было. Там не было даже и следа пребывания кого-то.

Я пошел вдоль этой живой стены, то и дело припадая к ней лицом, чтобы всмотреться. Так, еще одна комната. Тоже пустая. Потом еще. И еще. Пройдя еще с десятков таких помещений мотельного типа, абсолютно безлюдных, я сверился с планом Стаса. Да нет, все правильно, он и здание это круглым нарисовал, а я тогда подумал, что это он просто так выделил его.

В очередной раз оценив свою предусмотрительность в отношении не-перехода в видимость, я упрямо пошел дальше. И еще через пару пустых комнат понял, что если обитающие здесь наставники и ожидают нападения, то исключительно с нашей стороны — вокруг тыльной части здания почти неприступная стена растительности была подстрижена и облагорожена до отвратительной неузнаваемости. Что тут же напомнило мне передний двор дома Анабель и Франсуа.

С другой стороны, эта изуродованная изгородь уже ничего больше не скрывала. Ни дворы, ни комнаты, ни людей в них. В смысле, бывших людей или наших новичков. Вот не мог Стас крестик в этой части плана поставить?

Через десяток-другой минут я мысленно извинился перед Стасом. Да, все жилые помещения в здании наставников были как на ладони, и в каждом из них находились их обитатели, только Татьяны среди них не было. В конце концов, вновь обнаружив перед собой нетронутую и почти непроницаемую на контрасте живую стену, я понял, что придется возвращаться. К Стасу, само собой. Если он не хочет и дальше на земле врать, что у меня все в порядке, он мне ее разыщет.

По дороге я еще машинально заглядывал в каждый двор — без особой надежды, просто, чтобы не думать. Вот и последний — я вон по той дорожке из леса вышел, она единственная чуть извивается по пути к зданию.

Вот возле этого последнего двора я и врос ногами в землю. А потом головой в изгородь. А потом она как-то передо мной расступилась, и я ввалился в этот двор. И еще через мгновение прилип к стеклянной двери. За которой была Татьяна.

Это была она. Точно такая, какой я увидел ее в первый раз. Точно такая, какой я ее всегда помнил. Точно такая, какой снилась мне каждый день после той трижды проклятой аварии.

Я смотрел на нее, сидящую в комнате за столом и читающую что-то, и не издавал ни звука. Потому что перебирал в голове все, особенно услышанные от Стаса, определения умственной неполноценности. Ну почему я сразу в эту сторону не пошел? Я был абсолютно уверен, что почувствую ее, как только рядом окажусь.

А почему я, кстати, ее не почувствовал? Потому что мы больше не на земле? Вот и мой закон надобности отказывать начал. Или потому что она больше не человек? Или потому что она больше не мой человек? Вот с этим я готов поспорить. С кем угодно.

Для проверки я попробовал повнушать ей — она даже ухом не повела. Вот только потерять контакт с ней еще не хватало!

Даже если она уже не моя подопечная, нас с ней намного большее связывает, мы уже и мысли друг друга читать научились. По крайней мере, она мои. Я ее мысли через раз угадывал, и только половину из них — примерно. Но теперь-то я ее как ангел ангела чувствовать должен!

Я вдруг вспомнил свое обучение этому умению, строго индивидуальному у нас. Тогда обнаружилось, что я могу распознавать других ангелов на довольно большом расстоянии, но только если между нами нет никаких материальных преград.

Вот какой умник сюда эту стеклянную дверь поставил? У нас, что, зима бывает? Снегом заносит? Дождь льет как из ведра? Ветер сдувает? Комары стаями носятся? Или может, шаровые молнии?

Вот последнее было бы сейчас кстати. Но за неимением чудес природы, придется прибегнуть к чудесам сознания. Нужно внушить ей, чтобы открыла эту дверь. Замечательно — как мне внушить ей, чтобы она открыла дверь, если я могу внушать ей, только когда эта дверь открыта?

Первым моим побуждением было снести это стеклянное издевательство ко всем темным вместе взятым. Но я тут же мысленно услышал визг Татьяны, на который несомненно сбегутся все наставники и с добрый десяток администраторов впридачу — и получите «чрезмерное привлечение к себе внимания» со всеми вытекающими последствиями. Не говоря уже об имеющемся налицо факте сознательного нанесения ущерба собственности особо доверенного подразделения. Я, может, и мало чего из жизни нашего сообщества знаю, но такого прецедента еще точно не было.

Проще всего, конечно, было выйти из невидимости и вежливо постучать в эту дверь. Но этот вариант я отверг, даже не додумав до конца. Как-то не вязался он с образом героического меня, примчавшегося вызволять свою принцессу из заточения и преодолевшего все преграды на своем пути. Что-то я не помню, чтобы герои останавливались перед последним препятствием и застенчиво интересовались, желает ли принцесса, чтобы ее освободили. С моей Татьяны еще станет сказать, что нет — сама, мол, справится.

Нет, эту последнюю преграду мне тоже придется своими силами преодолеть. В смысле, открыть эту дверь. Но не сейчас. Я представил себе Татьянину реакцию на внезапно, с виду без чьего-либо участия, распахнувшуюся дверь ... одним словом, смотри пункт первый. Должно же быть у новичков какое-то обучение — по книгам всего не освоишь, да и наставники тогда зачем? Значит, нужно дождаться, чтобы она на практические занятия ушла, а пока...

Четвертый вариант решения проблемы я на самый крайний случай оставил.

А пока я просто стоял и смотрел на нее. И вспоминал, как точно также любовался ею, когда с ней в офис ходил — уже с ее ведома, но еще в невидимости. Нет, тогда я хоть прикоснуться к ней мог. Изредка, не чаще пары раз в час. Скорее, так я наблюдал за ней, когда она еще понятия о моем существовании не имела. Нет, опять не так — тогда я даже представить себе не мог, сколько у нас всего впереди... И это все вдруг начало вставать у меня перед глазами — один счастливый момент за другим...

В общем, время пролетело незаметно. Вдруг Татьяна отодвинула книгу, встала и вышла из комнаты, даже не взглянув на меня. По только что освеженной в памяти привычке хранителя я ринулся было за ней — и тут же более чем ощутимо печатался в стекло.

Ну все, сейчас я ее снесу! Нет, все же аккуратно открою. Я представил себе, как вхожу в эту комнату, присаживаюсь в ожидании Татьяны и материализуюсь, небрежно облокотившись о стол, как только услышу ее шаги...

Я внимательно осмотрел дверь — ни ручек, ни замков, ни защелок. Толкнул ее от себя — никакого результата. Попробовал сдвинуть ее, в обе стороны — она не шелохнулась. Приналег плечом — вроде, поддается? Уперся как следует руками в стекло и приналег всем телом — чуть не рухнул, когда руки соскользнули.

Еще раз осмотрел дверь, почти носом по периметру водя. Ага, возле стены, вроде, щелка есть. Наломал веток на кустарнике, чтобы ими щель расширить — они там сломались. Сбегал в лес за ветками попрочнее — они туда не влезли. Вот нельзя было столовые приборы, ножи, например, на стол во дворе поставить?

От досады и от всей души я грохнул кулаком по стеклу — оно устояло. Не издав никакого звука. Вернулась мысль о нанесении ущерба. В самом деле, без Татьяны, а главное — без ее визга, я могу эту дверь почти беззвучно разбить. Сразу не обнаружат, а потом — пусть докажут, что это моих рук дело. Я даже в видимость переходить не буду — внушу только Татьяне, чтобы в лес погулять пошла, и там мы с ней и встретимся.

Я оглянулся по сторонам. Подошел к креслам у стола, взвесил одно в руке — легковато, конечно, но стекло возьмет — и, размахнувшись, швырнул его в дверь. Кресло отскочило от нее и полетело назад, на меня — еле увернуться успел. На стекле же даже микроскопической трещинки не появилось.

Ладно. Я аккуратно поставил кресло на место и поднял стол. О, вот это посolidнее будет! Учтя предыдущий опыт, я взял его за ножки, подошел к двери сбоку и изобразил бросок молота. Стол отприкошетил до того, как я его ножки отпустил, и меня унесло вместе с ним в ближайшую стену изгороди. Спасибо хоть, он туда первым влетел. То ли мне показалось, то ли на сей раз я услышал некий звук — словно эта дверь насмешливо фыркнула.

Поставив стол на место и еще раз выровняв кресла возле него, я сел в одно из них и заново оценил свои перспективы. Похоже, о вариантах открыть или разбить эту дверь можно забыть. Я уже ни секунды не сомневался, что окажись у меня под рукой стенобитная баба, она эту дверь не возьмет. Похоже, не случайно Татьяну именно в эту комнату поселили — в тех других, что я видел, каждая вторая дверь открыта была. Похоже, передо мной действительно поставили еще одно, последнее препятствие — и, как и положено, самое непреодолимое. Как они думают.

Но смиренно и униженно скрестись в эту дверь я не буду! И отступать, в поисках обходных путей — да хоть через другие комнаты — тоже. Не дождутся. У меня еще один вариант в запасе есть. И чем больше я раздумывал, тем больше он мне нравился.

В конце концов, не физическая сила ангела отличает, а сила духа! А меня — еще и умение эту силу мобилизовать, развивать и совершенствовать. Значит, мне нужно всего лишь усилить посыл внушения, чтобы он к Татьяне через эту стену пробился — а там она сама мгновенно найдет дорогу ко мне из этой западни.

Вот этим я и занялся. Час за часом, день за днем смотрел на Татьяну, мысленно давя на стеклянную перегородку между нами и почти чувствуя, как она понемногу истончается. Скоро я даже во вкус вошел: на земле-то мне постоянно приходилось сдерживаться — сначала, чтобы не испугать Татьяну, потом, чтобы она не догадалась, что я ей что-то внушаю.

Дело, однако, продвигалось медленно — приходилось прерываться, когда Татьяна уходила на свои занятия. Возвращаться в ту пародию на мою квартиру мне даже в голову не пришло: как бы ни была она мне дорога раньше, без Татьяны она мне и даром не нужна. Чтобы хоть как-то скрасить часы вынужденного безделья, я начал обследовать окрестности. И должен сказать, нашел там много интересного.

Для начала в тех прилизанных, лакированных дворах в тыльной части здания я обнаружил турники всевозможных видов. Вот там я и проводил все первое свободное от умственного совершенствования время, с удовольствием восстанавливая и свою физическую форму. Что было совсем не просто — в невидимости. Даже о времени забывал, пока хозяева дворов не возвращались, давая мне знак, что занятия закончились.

Потом однажды я решил проверить, смогу ли уже сделать стойку на руках не на гладкой перекладине, а на шершавой ветке дерева. И пошел в незнакомую мне еще часть леса. И там оказалось, что чем дальше лес уходит от родных пенат, тем более земным он становится. Там не только растительность ярче и гуще была, там и живность какая-то в ней шастала, и птицы с ветки на ветку порхали. Правда, и мошек всяких туча оказалась.

Но все же я туда потом каждый день захаживал — недалеко и ненадолго, чтобы возвращение Татьяны не пропустить. И однажды, смутно расслышав совершенно невероятный в нашем мире звук, я пошел на него и обнаружил ... ручей.

Нет, это была, конечно, не река и, тем более, не море. Но это была вода — бегущая, журчащая, игриво манящая... Перед искушением благородного омовения я не колебался ни минуты. Выскочив из невидимости и одежды, я плюхнулся в ручей и вытянулся во весь рост.

Не поплывешь, конечно, но если закрыть глаза, то можно себе представить прохладный, освежающий душ — как и положено после физических упражнений.

Затем, уже слегка продрогнув, я вдруг вспомнил свое самое необычное принятие душа — в ночь перед нашей с Татьяной свадьбой. Она меня тогда из квартиры выгнала, чтобы с матерью ночь провести, и мне пришлось освежаться под поливным фонтанчиком в парке. Как же я тогда замерз, пока не высох!

И в тот самый момент я вдруг понял — просто понял, не знаю, как, не знаю, почему — что сегодня мы с Татьяной снова соединимся. Выбравшись из ручья, я ополоснул лицо, чтобы немного успокоиться, натянул на себя одежду и помчался к ней, перейдя в невидимость уже на бегу.

Мне даже показалось, что я к ней прямо на подходе как-то пробился. То ли уверенность в своих силах подействовала, то ли с разбега мысленной волной в стекло ударил. Вернувшись в комнату, Татьяна не села за стол, а принялась бродить по комнате. Она и раньше так иногда делала, но в тот день просто металась из угла в угол — у меня голова закружилась водить за ней глазами, чтобы не промахнуться внушением.

Потом она вдруг остановилась возле стеклянной двери — прямо напротив меня — и принялась всматриваться во двор. Я мысленно завопил: «Да, да, это я, я здесь! Выходи давай, ну, сколько можно ждать!».

Татьяна нахмурилась, переминаясь с ноги на ногу и шныряя во все стороны глазами. Затем она положила руку на дверь, чуть толкнула ее, приподнявшись на цыпочки, и та ... открылась.

Я оцепенел. Весь. Включая мышцы, голосовые связки и способность материализоваться. И слава Всевышнему! Иначе я бы к ней обниматься бросился. И хорошо еще, если бы материализовался сначала. Тогда бы только объясняться пришлось, что я под ее окном в невидимости делал. Забудь я выйти из невидимости, она бы руки сразу в ход пустила.

Нет уж, встретимся на нейтральной территории и так, чтобы она издалека видела, кто к ней приближается.

«В лес, Татьяна!» — твердо подумал я. Она задумчиво прошла мимо меня и села в кресло у стола.

«Татьяна, в лес, я сказал!» — добавил я строгости в свой мысленный голос. Она поморщилась, встала с кресла, подошла к шезлонгу и улеглась на него.

«Да сколько можно повторять! В лес!» — мысленно рявкнул я. С недовольным видом она поднялась с шезлонга, оглянулась и направилась к самому бестолковому из виденных мной — и на земле, и здесь — тренажеру. И принялась вышагивать на нем, вздернув подбородок и упрямо глядя прямо перед собой.

Ладно. Хорошо. Признаю, был неправ — командовать собой она никогда не позволяла. Мне. У меня с ней всегда лучше нежностью и лаской получалось.

«Татьяна, пожалуйста, давай пойдем в лес?» — мысленно взмолился я.

И повторил эту просьбу еще раз сто. Ну, конечно, когда Татьяна хотела показать мне, что ей что-то не нравится, она всегда умела быть очень убедительной.

Наконец, она, видимо, решила, что я уже в должной мере прочувствовал свою неправоту, сошла с беговой дорожки и вдруг уставилась на изгородь, медленно ведя по ней взглядом — прямо к заросшему выходу.

В одно мгновение я оказался там. «Да, да, сюда! Давай скорее, сил уже нет!» — лихо-радочно подбадривал ее я. В глазах у нее загорелось любопытство, она медленно двинулась к выходу, а я ринулся в лес. Ее любопытство всегда было на моей стороне. Сейчас с десятков шагов вглубь, там материализоваться и выйти ей навстречу легким, пружинистым, уверенным шагом...

Развернувшись, я сосредоточился было на переходе в видимость... Куда? Куда она пошла? Я же ее почти умолял! Не может быть, чтобы она не слышала! Я, правда, просто в лес ее звал, а он здесь везде...

Ладно, пусть уже идет, куда идет — та, дальняя часть леса мне тоже больше нравится. Туда я мигом домчусь и оттуда навстречу ей легким, пружинистым, уверенным...

А как она дорогу назад найдет? Она же и на земле никогда ориентироваться не умела. И мне ей вход в ее двор показывать нельзя — сразу спросит, откуда я знаю.

Тогда так — назад в невидимость, бегом к ее входу, там пару веток сломать, чтобы сразу в глаза бросались, а потом уже молнией в лес, чтобы оттуда легким, пружинистым...

Да где она так быстро ходить научилась? Или это я разучился? Вернемся на землю — больше никаких машин! Резко затормозив возле уже возвращающейся Татьяны, я обратился к ней со всей оставшейся силой убеждения: «Татьяна, хватит уже! Что-то я устал. Давай прекратим эти игры».

Она шла вперед, упрямо глядя на изгородь. У своего входа она, правда, замешкалась, посмотрела пару мгновений в сторону леса, даже на меня оглянулась, но потом резко нырнула под кустарник и, больше не задерживаясь, ушла прямо в свою комнату. И дверь закрыла. Плотно.

Вот честно скажу — я обиделся. Допустим, я не сразу нашел ее, но она же даже выслушать не захотела, что меня задержало! Меня, что, похвалить должны были за ту аварию? Которую, между прочим, она же и устроила! Ладно, вместе со Стасом. Но отдуваться-то все равно мне пришлось! Что-то не заметил я на ее лице ни беспокойства, ни раскаяния.

Я ушел в лес. В дальнюю его часть. Не хочет меня видеть — не будет. Я уже давно смирился с тем, что когда на нее упрямство накатывает, его — как стихийное бедствие — нужно в стороне переждать. Я тогда, правда, надеялся, что с переходом к нам она про него забудет. Куда только служба очистки памяти смотрела?

Вот как говорить с человеком, если он тебя слушать не хочет? М-да, вечный вопрос хранителя. Я вдруг вспомнил наши с Анабель споры. Она считала, что человека нужно подвести к решению выйти из социума, а там уж пусть сам это решение в жизнь воплощает. Мне же всегда казалось, что такое решение человек должен принять сам, а наша задача — бережно сопровождать его весь оставшийся путь.

Я замер на полушаге. И чем я только что занимался? Да я же точно, как Анабель, действовал! Вбил Татьяне в голову мысль выйти из этой ее ниши и бросил ее там, вместо того чтобы заботливо и ненавязчиво провести ее до самого — выбранного мной — места нашей встречи. Я круто развернулся и отправился выбирать это место и готовить эту встречу.

Так, понятно, окончательно доломала ветки, которыми я вход в ее двор отметил. Вот не надо было от меня сломя голову удирать! Но место это нужно все-таки как-то обозначить, а то еще не рискнет далеко от него уходить. Может, вообще этот выход расчистить? Нет, с ней так прямолинейно нельзя — пойдет еще узнавать, почему все остальное не подстригли.

Я оглянулся по сторонам. У устроителей этого места явно было просто маниакальное стремление к пустоте — передо мной лежали дорожки, трава между ними ... и больше ничего. Хоть бы где кусты посадили, или цветы для реалистичности, или каких-нибудь веток с камнями набросали...

Ну, кусты с цветами мне садить нечем, на ветки она внимания не обратит, решит, что с изгороди сдуло, а вот камни... Я вспомнил, что дно ручья было выложено увесистыми плоскими голубовато-серыми булыжниками. Такой возле дорожки положи, он и в глаза не бросится. Пока я ее взгляд к нему не привлеку.

Обустроив исходную точку Татьяниного пути к нашей встрече, я продолжил прокладывать его в лесу. Что было не так уж просто: там тоже царила пустота между колоннами дере-

вьев. Вот как мне здесь незаметно материализоваться? Я бы ее в дальний лес повел, но решил не рисковать — решит еще к соученикам по дороге зайти.

В конце концов, я выбрал маршрут на относительно небольшом пространстве, который напомнил мне наши с ней первые прогулки в парке возле ее дома — с тропинки на тропинку, то петляя, то возвращаясь. Вот за этим особо мощным деревом, стоящим на пересечении двух тропинок, я и выйду из невидимости и шагну ей навстречу.

На следующий день я сделал все, как задумал. Вывел Татьяну со двора, показал ей, что она не заблудится по дороге назад, не спеша довел ее до леса, прошелся с ней пару раз по своему маршруту, чтобы она его запомнила, подвел ее к финишной прямой к моей дереву, мгновенно материализовался за ним и пошел, наконец, к ней.

И сразу понял, что что-то не так.

Нет, не сразу. Сначала я смотрел на нее во все глаза, в первый раз по-настоящему разглядев ее. Слава Всевышнему, она рассказывала мне на земле, смеясь, как собирается изменить свою внешность. Не узнать я ее, конечно, не мог, но она так похорошела, что у меня просто дух захватило.

— Татьяна, наконец-то! — не удержался я, ускоряя шаг.

И чуть не расхохотался, когда она вскинула мне навстречу руки знакомым до боли жестом — со вскинутым вверх указательным пальцем.

А вот затем я заметил то, что было написано на этом ее невероятно похорошевшем лице — ко мне оно еще никогда, ни разу не обращалось с таким выражением. В глазах у нее стоял самый настоящий страх, и заговорила она, запинаясь от испуга.

Она меня не узнала. Совсем. Эта мысль была настолько дикой, что никогда всерьез не приходила мне в голову. Я был абсолютно уверен, что являюсь одной из главных, если не самой главной, частей ее жизни, память о которых у нее обязательно сохранится.

С другой стороны, когда я умывался у ручья, на меня оттуда смотрело мое ангельское лицо, а не его бледная земная копия. Я торопливо заговорил о различных событиях из нашей жизни, чтобы убедить ее, что это я, и через пару минут с ужасом увидел, что в ее глазах ни разу не вспыхнула хотя бы малейшая искра узнавания.

И тут я понял. Зря я насмеялся над службой очистки памяти — они свою работу выполнили ответственно. Ей вычистили память. Радикально. До основания. Полностью. Я бы еще мог предположить, что не вошел в число основных элементов ее жизни, но Игорь! Ради него она в аварию бросилась. Вместо него. Ради него она меня под самое страшное преступление подвела. Из-за него. Так вот, значит, как меня за него наказать решили!

Вспомнив всю эту череду препятствий, которую они выстроили передо мной на пути к такому финалу, я почувствовал себя готовым к куда большим преступлениям. Как же они, наверное, развлекались, наблюдая за тем, как я буквально из себя выпрыгивал, чтобы преодолеть их — одну за другой! Им мало было просто нанести мне такой удар — они дождались момента, когда я твердо уверовал, что самое страшное уже позади. Что мы с Татьяной можем начинать ... нет, продолжать нашу счастливую и уже вечную жизнь.

И они уничтожили эту жизнь, для того чтобы поставить на место окончательно зарвавшегося с их точки зрения хранителя? Они ради этого лишили человека права самому выбирать, что в его жизни важно? Того самого права выбора, которое в основу нашего отношения к человечеству положено?

Я до сих пор не знаю, о ком думал тогда. О тех, кто принял это решение? О тех, кто его исполнил? Обо всех них, вместе взятых? Я просто чувствовал глубокую отчужденность от когда-то родных пенат и коллег, которую начал испытывать уже давно, на земле.

Непрошено нахлынули земные воспоминания. Первое онемение после разговора с Татьяной прошло, и я по-настоящему ощутил силу нанесенного мне удара. Но те же самые воспо-

минания меня и на плаву удержали — ударов в них хватало, но если жизнь на земле чему и научила меня, так это выдерживать их. И возвращать. С процентами.

Нужно возвращаться. Нет, не на землю. К работе хранителя. Мне и раньше случалось контакт с Татьяной терять. Не так радикально, правда. Но тем лучше — сложные задачи мне всегда больше нравились. И лучше удавались. Не дождутся эти безликие они, чтобы я руки опустил. В конце концов, пробился же я к ней через то стекло и потом, из невидимости, смог внушить все, что захотел. Начнем все с начала.

Именно с начала. С той самой комнаты, где я проснулся в полной уверенности, что мне кошмар привиделся. Да уж, кошмар, и, к сожалению, не привиделся, но сейчас мне эта комната показалась оазисом, в котором все напоминало о моей Татьяне — не о той чужой красавице, в которую ее замуровали. Там и подумаю, как ее из этой оболочки выковырять.

Естественно, думать я начал раньше — прямо по дороге назад.

Первым делом, Тоша. Чтобы мне весь Интернет перелопатил и нашел все способы лечения амнезии. Здесь их не найдешь — здесь амнезия приветствуется. Неизвестно, правда, действуют ли земные методы, но мне же Татьянины таблетки когда-то помогли, и потом она еще не так далеко от людей ушла.

Затем — Маринин Киса. Чтобы во всех подробностях мне доложил протокол действий хранителя, потерявшего своего человека. Мне время выиграть нужно.

Ну и Игорь, конечно. Чтобы сидел ниже травы и тише воды, пока я ему мать не верну. Жаль, увидеться с ним вряд ли получится — дал бы я ему пару подзатыльников.

В раздумьях я толком и не заметил, как до административного здания добрался.

Зайдя внутрь, я подумал, а не спуститься ли сразу к Стасу — круг самых неотложных задач уже как будто обрисовался. Нет, хватит, набегался уже в лобовые атаки, решил все же я, сейчас нужно стратегию как следует продумать, а потом уже действовать.

И через какие-то полчаса я понял, что осмотрительность должна отныне стать моим вторым именем. Помчись я тогда прямо к Стасу, так бы и выскочил на очередную ложную дорогу, заботливо передо мной проложенную.

Возле моей квартиры меня ждали. Внештатники, естественно. Двое. С виду они просто стояли в коридоре и беседовали, но у меня ни малейшего сомнения не возникло, что они караулят мое возвращение.

— Смотри, кто к нам пожаловал! — насмешливо осклабился один из них, как только я повернул из-за угла.

Я просто шел вперед, стиснув зубы.

Перед моей дверью, однако, он сделал шаг в сторону, перекрыв мне вход в нее.

— Более длинные дистанции осваиваете? — спросил он все в той же преувеличенно добродушной манере.

Я все так же молчал, глядя на него в упор. А то он не знает, какие именно дистанции, направления и препятствия я за последние дни преодолел.

— А что же назад вернулись? — все не унимался внештатник. — Никак предела возможностей достигли?

— Ну почему же? — не выдержал я. — Я только-только разминаться закончил.

— А надорваться не боитесь? — еще ехиднее усмехнулся он.

— Так я же хранитель! — театрально развел руками я. — Мы задачи только по плечу себе выбираем.

— И она того стоит? — фыркнул он.

— Кто? — внезапно оказался я намного ближе к совершению следующего серьезного преступления.

— Почему кто? — деланно удивился он. — Не кто, а что. Задача Ваша того стоит?

— Это уж мне виднее, — процедил я сквозь зубы, все еще тяжело дыша.

— А то ведь знаете, как бывает? — продолжил он, словно не заметив моей реакции. — Гонисься за целью, а как достиг — она раз, и призраком обернулась.

— А бывает, — в тон ему ответил я, прищурившись, — что в погоне за вроде бы призраком обнаруживаешь, что он реальнее некуда.

— Мы в курсе, — вдруг вступил в разговор второй внештатник, — что Вы большой специалист по материализации духов. На земле. И там же Вам виднее, за какие задачи браться. А здесь без Вас есть, кому решать, какие духи вызывать, а какие на земле оставлять. Так что послушайтесь совета: ограничьтесь задачами поскромнее.

В этой паре он определенно за главного был — и говорил, в отличие от первого, холодно и властно, и последнее слово явно ему принадлежало. Лишь только он закончил, они оба тут же ушли, коротко кивнув мне на прощание.

Я медленно зашел к себе и, не глядя по сторонам, опустился на диван, лихорадочно обдумывая только что поступившие новые данные.

Сначала они надо мной насмеялись, что более чем типично для внештатников. Потом почти открыто угрожали — тоже ничего нового, в моем случае. Но вместе эти два факта не складывались.

Если издеваются, значит, я, по их мнению, проиграл. Если пугают, значит, я на правильном пути. Или я на правильный путь вырулил после встречи с Татьяной? Когда решил ей память восстановить? Это, что ли, задача недостаточно скромная? И при чем здесь вызывание духов с земли? Я ее, что ли, к нам раньше времени доставил?

Вдруг в голове у меня заклацало. Татьяну приняли раньше срока — беспрецедентный случай. Памяти ее лишили подчистую — еще один. И хранителю дали с бывшей подопечной встретиться — вообще немыслимо.

Теперь. Досье мое они наверняка вдоль и поперек изучили, знают, как я на вызов реагирую — и устроили мне этот забег с препятствиями, а только что еще больше раззадорили насмешками своими. Похоже, мои планы вернуть Татьяну возражений у них не вызывают, но только этим мне и предложено ограничиться.

А вот она сюда ринулась совсем не для этого — нам и на земле хорошо было. Она сюда ринулась ... нет, не из-за Игоря, как я думал раньше, а из-за их планов в отношении него. Которым она решила лично противодействовать, несмотря на то, что знала, с моих слов, чем рискует...

Так вот какого духа им нужно на земле оставить! Вот почему у нее уничтожили все воспоминания — ведь, так или иначе, любое из них было с ним связано. Вот зачем меня так профессионально заиклили на восстановлении только нашей с ней связи — живите, мол, вечно и счастливо, но о прошлом оба забудьте.

Я резко встал. Теперь точно к Стасу — круг самых неотложных задач существенно расширился.

В невидимость я перешел в коридоре. Там же и инвертировался. Нечего им задачу облегчать. Я был почти уверен, что в таком состоянии они меня распознать не могут — заехал же я им мячом по голове совершенно неожиданно. А у наставников у них, наверно, наблюдательный пункт обустроен, чтобы фиксировать мои метания.

Спустившись на этаж администраторов, я открыл дверь наружу и через пару мгновений снова захлопнул ее. Вот пусть меня на том посту и ждут.

Стас, слава Всевышнему, оказался на месте. Его дверь я открыл очень тихо и на минимально возможное расстояние, проскользнул в его кабинет и так же неслышно закрыл ее. Он даже головы от бумаг на столе не поднял.

Я решил еще раз перестраховаться.

— Внештатники твой кабинет не прослушивают? — почти шепотом спросил я, подойдя к нему вплотную.

Как он подпрыгнул! Если бы ситуация не была такой серьезной и если бы он меня в прыжке в сторону не отшвырнул, я бы гордился собой. Я даже дал себе слово попробовать этот трюк в более благоприятных обстоятельствах — когда он мгновенно нащупал меня, заломил руку за спину и ткнул лицом в стол. Переход в видимость помог мне не сразу — он еще пару раз моим лицом к столу приложился, не узнал, наверно.

В следующий раз битую сначала со стеллажа возьму. Судя по еще одному тычку, я это вслух сказал.

— Ты вообще с катушек слетел? — спросил он, отпуская меня наконец.

— Значит, не прослушивают? — спросил я в ответ, отскочив в сторону и растирая предплечье.

— Можем проверить, — шагнул он ко мне.

— Давай, — согласился я.

Он остановился и внимательно посмотрел на меня.

Мне хотелось сказать ему, что вот с такой проверки с обоюдного согласия можно было и начать, но времени действительно мало было. Я рассказал ему о встрече с Татьяной, разговоре с внештатниками и своих выводах из обоих.

Какое-то время он молчал, сосредоточенно размышляя.

— А я-то думал, — протянул он наконец, — почему это дело всем так легко с рук сошло...

— Легко? — задохнулся я. — Татьяне?

— Да я про тебя и себя, — неловко глянул он в сторону.

— Что она тебе говорила во время вашей последней встречи? — ухватился я за редчайший момент его неуверенности. — Как объяснила свою просьбу?

— Да ничего особенного, — пожал он плечами, хмурясь. — Что-то вроде того, что мелкие зазнались и их проучить нужно.

— Тогда мне нужна Марина, — быстро сказал я, записывая еще один пункт в свой счет к безликим им. Это же до чего меня довести нужно было, чтобы я в ясном уме и твердой памяти, вслух, объявил о своей надобности в Марине!

— Не понял. — Стас даже отступил от меня.

— Ты когда на землю собираешься? — спросил я, вызывая ко Всевышнему со смиренной просьбой, чтобы закон надобности опять заработал.

— Забудь об этом, — категорически заявил мне Стас.

— О чем? — Теперь не понял я.

— Я тебя с собой не возьму, — появилась в его тоне интригующе нервная нотка.

— Да не меня, — успокаивающе махнул я рукой. — Телефон. Чтобы ты его там зарядил.

Он снова двинулся ко мне, но осторожно — с тревогой, переместившейся в его взгляд, ощупывающий меня со всех сторон.

— Тихо-тихо! — хмыкнул я. — У меня здесь просто телефон работает. — И я рассказал ему про наши с Тошей переговоры во время нашего первого совместного задержания.

— Да на сколько того заряда хватит? — недоверчиво поинтересовался он.

— А вот это моя вторая просьба, — обрадовал я его. — Возьми, пожалуйста, у Тоши такую шутовину, чтобы телефон без электричества заряжать — он знает. И скажи ему, — подумав, добавил я, — чтобы все время на связи был, я его наберу, когда от внештатников оторваться смогу.

Связаться с Тошей я смог только через три дня. Стасу нужно было повод для внеочередного визита на землю изобрести. Зато, вернувшись, он передал мне от Тоши целых три таких зарядки и совершенно непривычный с виду новый телефон. Я вскипел — вот сколько мне теперь с этим новшеством разбираться? Оказалось, однако, что помудревший мой подмастерье инструкцию мне передал — в пару строчек и в пошаговой последовательности действий.

И телефон заработал! То ли мне после встречи с Татьяной закон надобности разблокировали, то ли эта блокировка на новый телефон не распространялась, но вызов пошел. Почему-то ко мне — на экране мое лицо появилось. Осознав, видимо, свою ошибку, вызов исправился, и через пару мгновений с экрана на меня смотрел Тоша. У меня горло перехватило — «Привет!» выдать из себя не смог.

— Так, работает, — тоже без расшаркиваний заговорил Тоша. — И вижу, что это ты. Давай отключай камеру, чтобы заряд зря не расходовать.

— Чего? — растерялся я, лихорадочно шаря вокруг себя в поисках инструкции.

— На значок камеры на экране нажми, — рассеянно объяснил Тоша, глядя куда-то в сторону. — Я Марину подключаю.

Угроза подействовала. По привычке. Хотя мне и казалось, что я сейчас и Марину буду рад увидеть. Недолго, правда, казалось.

Как выяснилось, Марина была в курсе Татьянинного намерения отправиться в западную Стаса, причем вместе с детьми — но и только. Татьяна такую ахиною несла, сказала она, что слушать не хотелось.

— А мне ты об этом сказать не могла? — не сдержался я.

Но если я надеялся хоть раз в вечности услышать раскаяние в ее голосе, то снова напрасно.

— Скажи, пожалуйста, — отрывисто проговорила она, словно я звука не произнес, — Татьяну у вас приняли, несмотря на смерть от несчастного случая?

— Марина, давай вот без этих терминов! — мгновенно завелся я. Опять по привычке.

— Таким образом, создан прецедент, так? — продолжила она, снова проигнорировав мои слова. Тоже по привычке.

— К чему ты ведешь? — насторожился я.

— И к этому прецеденту можно апеллировать, так? — не переставала она бомбить меня вопросами.

— Нет, не так! — взорвался, наконец, я. — Если ты о себе, то забудь об этом даже думать. Без тебя сложно. Я рискую, даже связываясь с вами. Татьяной рискую. А у тебя, между прочим, один несчастный случай уже в досье имеется. По третьему кругу хочешь? И Кису под распыление?

— Ладно, чем мы можем помочь? — вмешался Тоша.

— Тебя попрошу найти мне все, что сможешь, по лечению амнезии, — чуть остыл я. Рано.

— Я тоже с врачами поговорю, — снова выскочила Марина.

— Нет! — рявкнул я. — Я же сказал, что вы все, скорее всего, тоже под наблюдением. Никакой необычной активности — ведите себя так, словно я все связи оборвал. И еще, — добавил я, беря себя в руки, — Тоша, можешь Игоря подключить?

— Да здесь он, — тут же отозвался Тоша.

Палец нашел нужную кнопку без всякой инструкции — и я увидел на экране своего сына. Очень повзрослевшего. И так похожего на Татьяну.

Несколько мгновений мы просто смотрели друг на друга.

— Пап..., — наконец, начал он.

— Игорь, потом, — перебил я его. — У меня к тебе просьба. Прекратите всю вашу с Дариной деятельность. На время. Твоя мать нашла какое-то решение вашей проблемы. Сейчас нужно помочь ей вспомнить о нем.

— А если... — Он запнулся.

— Никаких если! — сказал я уверенно. Куда увереннее, чем чувствовал себя. — Контакт между нами полностью разрушить не удалось. И никогда не удастся. Но мне совершенно не

улыбается привести ее в сознание только для того, чтобы сообщить, что с тобой что-то случилось. Я могу на тебя рассчитывать?

— Да, — без малейшего колебания ответил он. И я ему поверил — ложь Игорь не переносил физически.

— Все, Тоша, жду от тебя материалы, — сказал я и отключился. Чувствовал, что опять горло перехватывает. И заряд экономить нужно было.

Каждый день — и до этого разговора, и после него — я отправлялся к наставникам. Хотел сказать — к Татьяне, но ее я ни разу за все это время не увидел. Видно, напугал я ее в тот раз всерьез. Но главное, что внештатники на своем наблюдательном пункте ежедневно фиксировали, что я упорно преследую цель восстановления связи с Татьяной и ни о чем больше не думаю.

Еще через несколько дней Стас передал мне все, что Тоша смог найти по амнезии, и плоды его трудов меня никак не порадовали. Оказалось, что земные методы нам так не подходят.

Медикаменты исключались по определению — даже если Стас мне их притащит, мне, что, скручивать ее и таблетки в рот заталкивать? То же самое с психоанализом — он разговор подразумевает, а она меня явно избегает.

Гипноз выглядел более обнадеживающе — в какой-то мере он напоминал внушение хранителя своему человеку, но я и внушать ей толком не мог. Дело в том, что Татьяна не только перестала из своей комнаты выходить, но и в ней-то намного меньше времени бывать стала. Поначалу я даже испугался, что она вглубь здания, в какое-то совсем закрытое помещение переселилась.

Я бы, наверно, совсем извелся в те дни, если бы Тоша не передал мне с результатами своих поисков еще кое-что.

Дневник Татьяны, который она вела в то время, когда Игорь только родился. И который Стас в машине под моим сидением нашел сразу после аварии и Тоше отдал.

Я читал эти записанные Татьянины воспоминания и поражался, насколько важны для нее были мелочи в нашей жизни, на которые я сам и внимания толком не обращал. У меня мелькнула мысль, что именно эти мелочи могут оказаться ключиком к ее блоку. Память-то нам не физически чистят, как землю от опавших листьев — просто на те или иные ее части блокировку ставят. У Татьяны эти блоки везде поставили, и мне нужно было только слегка толкнуть один из них, чтобы эффект домино сработал.

Но для этого нужно было выманить ее на оперативный простор.

И в те короткие часы, когда она возвращалась к себе, я только это ей и внушал.

И однажды она вышла.

И не успел я издать победный вопль, как заметил, что вышла она не одна.

Все мысли об осмотрительности как-то вмиг исчезли, вытесненные жгучим желанием принять очередной вызов и преодолеть очередное поставленное передо мной препятствие. Желательно, с полным уничтожением последнего.

Я был практически уверен, что этот тип появился тут неслучайно — именно в это время и именно в этом виде. Сразу после моей неудачной попытки напомнить Татьяне содержание ее земной жизни и с этой совершенно не типичной для ангела невзрачной внешностью.

Да ведь это я примерно так выглядел, когда мы с ней на земле познакомились! Похоже, неуловимые они решили предварить мои попытки заполнить пустоты в ее памяти. Ну, если он ей еще что-то и внушает...

Оказалось, однако, что говорят они большей частью о своих занятиях. Он, правда, при этом умничает все время — на каждый Татьянин вопрос у него ответ готов, и обстоятельный. Может, преподаватель? Нет, вряд ли, с нашей заикленностью на равенстве — по крайней мере, декларируемом — частные уроки для новичков явно не предусмотрены.

Но и на новичка он никак не походил. А не посланный ли он внештатниками казачок, подумалось мне. То-то они мне грозили, что цель моя может призраком обернуться...

Опять накатило желание добавить этому блеклому типу бледности. И что дальше? — резонно спросил я себя. Они ведь только этого и ждут — уж не потому ли подначивали меня продолжать попытки достучаться до Татьяны? Они ведь понятия не имеют о спортивном поведении — вот и перешли к прямым провокациям.

Благоразумие мое продержалось, однако, ровно до того момента, как я услышал его вопрос о прозвищах, которыми Татьяна, как выяснилось, и здесь уже всех наделила.

Это она не забыла! Есть что-то, что она не забыла! Сумела все же хоть что-то сберечь из нашей жизни! Но это же была наша жизнь — с какой стати этот альбинос к ней присоседиться пытается!

Я вышел из невидимости без малейшего на то усилия. Прямо перед ними. Но дальше не пошел — всех усилий как раз на это и хватило. Руки-ноги контролировать — взгляд, судя по его реакции, нет.

Вот честно скажу — удивила меня его реакция. Татьяна ожидаемо перепугалась, после первого-то раза! — но он чего замер, как кролик перед удавом? Надеюсь, что именно так эта картина со стороны и выглядела. Но ведь никак не вписывалась в уже созданный мной образ!

Был бы он внештатником — я бы скорее язвительное торжество увидел, если не на лице, то в глазах его. Был бы он преподавателем — я бы уже давно на сдержанно возмущенные вопросы отвечал о том, что это я себе позволяю на территории храма знаний.

Неужели он все же — вновь принятый ангел? Почему тогда он не сияет от восторга и не раздувается от гордости, а наоборот — старается с окружающей средой слиться, как мы на земле, чтобы нас не заметили? Почему он хочет, чтобы его здесь не замечали?

А если он к нам случайно попал? Или еще лучше — незаслуженно? А то я не знаю, как хранители своих подопечных нахваляются.

И случались ошибки — Макс ведь рассказывал, что именно им эти ошибки и приходится исправлять. С помощью распылителя. Так я с дорогой душой обращаю внимание ответственных лиц на необходимость устранения досадного промаха.

Когда я, постучав, снова заглянул в кабинет Стаса, он расплылся в широчайшей улыбке и развел руки, словно готовясь обнять меня.

— Заходи, заходи, не стесняйся! — он торопливо встал из-за стола. — Я тут на минутку присел, сейчас место освобожу, располагайся поудобнее, а я тут на диванчике пристроюсь.

— Ты чего? — занервничал на этот раз я, непроизвольно косясь на стеллаж с битой.

— Да ты же себе резиденцию уже здесь устроил, — уже без всякой улыбки проговорил он, упершись кулаками в стол, а взглядом в меня. — У тебя же дела важнее, чем у всего моего отряда. Так чего на этот раз изволите?

— Интересное дело! — возмутился я. — Откуда у меня эти дела взялись? Из той аварии? А кто мне ее устроил?

Он начал медленно выпрямляться.

— Стас, извини, — опомнился я. — Знаю, что ты не по своей воле мне ее устроил. Знаю, что пытался ее предотвратить. Но она случилась. И мне действительно нужна твоя помощь, больше просить мне некого. Я думаю, в последний раз прошу.

— Говори, — буркнул он, снова усаживаясь за стол.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что на землю передал, — сказал я нерешительно. Табличку бы он, что ли, на двери вешал: когда к нему можно обращаться, а когда он не в настроении.

— С кем-то из ребят передам, — отрывисто бросил он, снова углубившись в лежащий перед ним документ. — Типа инструкции для Марины.

— Нет, нужно, чтобы ты лично, — решил я, что отступать некуда. — И не Марине, а Максиму. Тоже лично.

Он аккуратно отодвинул в сторону документ, сложил руки перед собой на столе и поднял на меня взгляд. Задумчивый. Чего мне стоило все-таки не отступить, поймет только тот, на кого — хоть бы однажды в вечности — смотрел вот так задумчиво глава отряда ангелов-карателей.

— Слушай, а может тебя лучше внештатникам сдать? — прищурился он, склонив голову к плечу. — Честное слово, мне нравится эта мысль! Сразу минус две головные боли. Они тебя посадят, а ты их к целителям в полном составе отправишь. Я тебе даже передачи носить буду, если уж ты меня в посыльные определил.

— Стас, это образ, — тихо сказал я. — По телефону я не могу его передать. И Марина — человек, она его не воспримет. Нужно Макс упрянуть.

— Какой еще образ? — мгновенно подобрался он. — Это что за образ тебе нужно темным передавать?

Я рассказал ему о странном соученике Татьяны и понял, что с этого и нужно было начинать. В конце концов, грехи человеческие входят в сферу его непосредственных должностных обязанностей. В этой сфере он и с темными то конкурирует, то сотрудничает.

— Хм, — вновь расплылся он в довольной улыбке, — так ты думаешь, что это твои собраты накосычили?

— Не знаю, — честно признался я, — но он явно что-то скрывает. Может, он у темных в разработке был, потом у них сорвалось, а его хранитель это не внес в доклад. Пусть Макс у своих проверит.

— Я со своей стороны тоже проверю. — Он мечтательно прикрыл глаза. — Это ж как мы внештатников умеем — за потерю бдительности... Твоим, правда, тоже достанется, — хохотнул он.

— А мы здесь причем? — удивился я.

— Я про хранителей, — ответил он, покачав головой.

Я только рукой махнул. Не восстанавливалось у меня как-то чувство корпоративного единства. Наоборот — попадись мне сейчас тот хранитель, чьими трудами несправедливыми этот блеклый умник возле Татьяны появился, я бы ему лично выговор организовал. С занесением в личное дело. Или просто в лицо.

— Ладно, транслируй. — Стас уставился мне прямо в глаза, сосредотачиваясь. — Быстро передать не обещаю.

— Когда сможешь, — быстро согласился я, и передал ему все запечатленные в памяти образы странного Татьянинного спутника: во весь рост, крупным планом, анфас, профиль, до моего появления и после.

В ожидании результатов расследования я, разумеется, все также ежедневно навещался к Татьяне. Да, на этот раз к Татьяне — она тоже каждый день в лес гулять выходила. Одна. И после занятий больше нигде не задерживалась. У меня сложилось впечатление, что альбиноса я еще основательнее напугал. Что одновременно и обрадовало меня, и еще больше насторожило.

К ней я не приближался. Но решил попробовать тот ключик, о котором подумал, читая ее дневник. Развернуться мне особо было негде: ни реки под рукой, чтобы напомнить ей тот день, когда я заболел, ни замерзшего озера, на котором я ее когда-то на коньках кататься учил, ни даже лужи какой-нибудь, чтобы морское сражение изобразить — как то, которое мы однажды с ней и Олегом устроили.

Больше всего мне не хватало кухни, конечно. Вот это она бы точно вспомнила! Я даже подумал было поймать какую-нибудь живность в дальнем лесу и приготовить ее на костре, но как этот костер развести? Солнца у нас нет, а ветку о ветку я однажды все время ее занятий тер — хоть бы дымок появился!

Оставалось надеяться только на себя.

Я пару раз вскарабкался на эти гигантские деревья до первых веток, как во время нашей первой прогулки в парке — она даже голову не подняла.

Я спустился на землю и там уже и стойку сделал, и «крокодила» пару раз, как во время нашей первой поездки к реке с друзьями — она недоуменно покосилась на меня и пошла дальше.

Я бегал вокруг нее с телефоном, делая снимок за снимком, как в тот день перед ее днем рождения, когда мне удалось создать самый лучший ее портрет — она только морщилась от вспышки и отводила глаза.

Выходя из невидимости, я обнаружил, что меня по-прежнему снабжают новой одеждой — и начал исчезать и материализоваться прямо перед ней то в моем обычном затрапезном виде в самом начале нашего знакомства, то в одежде, которую мы с ней вместе выбирали. Однажды мне даже удалось заказать себе что-то вроде моего стального свадебного костюма — она, по моему, даже разницы не заметила.

Но все же она больше от меня не шарахалась и каждый день возвращалась в лес — и с каждым днем мои надежды крепили. И однажды я решил, что она уже готова для более радикального напоминания.

Татьяна всегда чуть не подпрыгивала, когда я неожиданно рядом появлялся. Вздрогнула она и в тот день. И чуть не упала, споткнувшись, как обычно. И я попытался ее подхватить — мое прикосновение она не может не вспомнить...

Поймать ее я не успел, но она не рухнула — рухнули все мои надежды. Оказалось, что ей сообщили, кто я и что я потерял ее — в смысле, своего человека. И внушили, что я задался целью и эту жизнь ей испортить. И она поверила.

Я слушал ее возмущенный лепет и пытался вдохнуть — воздуха не было. Это я раньше, когда она меня не узнала, думал, что они нанесли мне тяжелейший удар. Нет, этот удар они нанесли мне сейчас — ее руками.

Я признал свое поражение. Я понял, что никакими своими усилиями не смогу пробудить ее память. Я понял, что для этого мне нужна помощь. Я понял, что мне нужен Игорь.

ГЛАВА 5. Тыл

Я много раз жалел, что попал на земле под надзор моего великомудрого наставника. Как он бесил меня своим покровительством и своими поучениями! Я никогда не стремился к его роли печально знаменитого возмутителя спокойствия. Я всего лишь хотел тихо и спокойно выполнить свою функцию на земле, а о дальнейших проблемах думать, когда для них время придет. И у меня это получалось — и с людьми уживаться в их неведении, и с темными в конечном счете мирно сосуществовать, и даже с наблюдателями конфронтацию преодолеть удалось.

Пока он не вмешивался. Вокруг него — с его ненормальным самомнением — всегда ураганы со смерчами кружили. И он постоянно пытался учить меня, как с ними бороться, хотя я элементарно обходил их в своей жизни. И когда он исчез, я даже подумал, что это он специально вывалил на меня напоследок ворох своих неоконченных дел — для моего профессионального, так сказать, роста.

Когда мне в тот день позвонила Марина и слишком даже для нее резко спросила, могу ли я к Анатолию телепортироваться — прямо сейчас! — я сразу почувствовал неладное. Что-то с Дарой! — молнией пронеслось в голове. Они с Игорем рано утром уехали в горы, на лыжах кататься, а ночью метель поднялась. В ответ на мои сбивчивые вопросы Марина отрезала: «Не по телефону!» и бросила трубку.

Я сказал Гале, что Максу срочно машина понадобилась — нужно ему ключи вынести — и прыгнул к Анатолию прямо с лестничной площадки, едва дверь за собой закрыв.

Картина, представшая моему взору, одновременно и успокоила меня, и еще больше напугала. С Дарой все было в порядке — они с Игорем в углу гостиной сидели, никуда почему-то не уехав. В другом устроился Стас — в мрачном молчании, и то и дело потирая лоб рукой,

словно пот с него стряхивая. Между ними — тигрицей в тесной клетке — металась Марина, а вот хозяев нигде видно не было. Ну, Анатолий, понятно, на кухне, а Татьяна где?

— Анатолий с Татьяной в аварию попали, — отрывисто сообщила мне Марина, словно услышав мои размышления.

Я молчал, пытаюсь переварить услышанное.

— В смертельную, — добавила Марина, метнув уничтожающий взгляд в сторону Стаса.

Первой моей мыслью было: «Как он мог это допустить?». Мой великомудрый, великоопытный, великознающий наставник, который всегда хвастался, что ему не нужно уберегать Татьяну от опасностей, поскольку он их всегда предотвращает.

Когда выяснились обстоятельства этой аварии, которые мне опять-таки поведала Марина под аккомпанемент невнятного бурчания Стаса, я снова подумал: «Как он мог это допустить?». Мой все тот же вездесущий наставник, который умудрился проворонить настоящий заговор против своего Игоря и моей Дары! Более того, оказалось, что Татьяна была в курсе этого заговора — Татьяна, чьи мысли были для него как на ладони, о чем он мне многократно и громогласно заявлял.

— Что делать будем? — вдруг спросила Марина.

Я даже оглянулся — но нет, она действительно меня спросила. Меня, что, исполняющим его обязанности назначили?

Я снова оглянулся. По сторонам. Увидев раздувающиеся ноздри Марины и немыслимую прежде подавленность Стаса, только вообразив, к сожалению, что сейчас творится в головах Игоря и Дары, представив себе реакцию людей на эту новость, я понял — эта ноша мне не по плечу.

Но меня, по-видимому, никто не собирался спрашивать — они все выжидательно смотрели на меня. Опять мелькнула та же мысль — как он мог уйти, оставив такой клубок проблем и не оставив никаких инструкций по их решению?

— Ну? — нетерпеливо притопнула ногой Марина.

— А где Киса? — спросил я, чтобы выиграть время. — И Макс?

— Они здесь при чем? — притопнула Марина второй ногой.

— Марина, давай договоримся, — тихо и размеренно произнес я, лихорадочно составляя в голове алгоритм наших действий, — если ты меня о чем-то спрашиваешь, то будешь выслушивать.

К моему огромному удивлению, она молча кивнула.

— Киса на кухне, — ответила, наконец, она. — А Макс еще не знает.

— Позвони ему, пожалуйста, чтобы немедленно приехал, — попросил ее я.

— Зачем? — снова спросила она, но уже спокойно.

— Нам сейчас все будут нужны, — объяснил я. — И дай Бог, чтобы мы справились.

— Тоша, я не знаю, — глянула Марина в сторону окна, — сможет ли он такси в такую погоду вызвать...

— Я могу за ним наряд вызвать, — подал голос Стас. — Одной ногой к нам в отряд, второй — сюда.

— Давай, — обрадовался я.

Стас замер, закрыв глаза и явно связываясь со своими подчиненными. Марина ушла на кухню за Кисой. Я подошел к Игорю с Дарой.

То, что я увидел в их глазах, одним словом описать невозможно: боль, обида, крушение иллюзий, бунт, готовность драться... У него за родителей, у нее — за него.

— Все будет хорошо, — только и нашелся, что сказать, я.

Игорь отчаянно замотал головой, закрыв глаза, Дара ткнулась лицом ему в плечо, обхватив его руками.

— Все будет хорошо, — повторил я с нажимом. — Посмотри на меня. — Он глянул на меня исподлобья. — Для твоего отца никогда не было ничего невозможного. И хранителя лучшего, чем он, я лично не знаю. Мать твою он в обиду не даст. Наша задача — ему помочь. Но только всем вместе. Договорились?

Они переглянулись, опять общаясь на своем, никому больше не доступном, уровне, и кивнули — сначала друг другу, потом мне.

Я тоже ответил им кивком и взялся за телефон.

— Галь, я тут задержусь немного, — старательно деловито начал я. — Машину занесло — жуть, Макс сам не откапает, потом прогреть ее надо, завести, с места подтолкнуть...

Конец моей фразы сопровождался правдоподобным пыхтением — в комнату ввалились Макс и два карателя, заломивших ему руки за спину и с трудом удерживающих его в таком положении.

— Ладно, я пошел, а то он мне машину больше закапывает, чем откапывает, — быстро закончил я, и отключил телефон.

— Я же сказал — нежно! — грозно рявкнул Стас.

— Так он сопротивляться начал! — буркнул один из карателей, отпуская Макса. Второго тот отшвырнул сам.

— Ладно, ребята, спасибо — свободны, — отпустил их Стас и скорчил извиняющуюся гримасу Макс.

— Я очень хотел бы знать... — начал тот, уставившись на Стаса тяжелым взглядом, но тут из-за его спины в комнату вошли Марина с Кисой.

Макс нахмурился, обвел комнату молниеносным взглядом, задержал его на бледном лице Дары...

— Что случилось? — спросил он, переводя снова потяжелевший взгляд на меня.

— Анатолий с Татьяной ... у нас. — У меня просто язык не повернулся сказать «погибли». И про аварию, для Дары подготовленную, ему лучше узнать попозже. Когда Стас уйдет.

— С Татьяной? — явно не поверил своим ушам Макс.

— Несчастный случай... Долго объяснять, — ответил я, физически ощущая на себе пристальный взгляд Игоря.

Макс присвистнул и, выдернув стул из-под стола, опустился на него.

— Поможешь? — прямо спросил я его.

— Чем? — одновременно отозвались Макс, Стас и Марина — разным тоном.

Я счел это сигналом к началу военного совета.

— Хорошо, раз мы уже все здесь, — ответил я им всем, — давайте подумаем, чем. Стас, какие у них шансы?

— Не знаю, — с досадой ответил он. — Анатолия сразу же внештатники забрали, а Татьяну — в общий приемник.

Со стороны детей послышался какой-то слабый звук, от Марины — яростное шипение. Я предупреждающе поднял в обе стороны руки, одновременно кивнув Стасу, чтобы продолжал.

— Контрольная комиссия заседает завтра, — снова заговорил он. — Внеочередное собирают. Я уже рапорт написал, — добавил он, — с изложением всех обстоятельств, чтобы меня тоже вызвали.

Я открыл было рот...

— Сразу сообщу, — ответил он на мой не заданный вопрос.

— Киса, — повернулся я к Марининому хранителю, — если ее на повторный срок отправят, что его ждет?

— Насколько я помню, — тихо ответил он, опутив глаза, — меру наказания он будет выбирать себе сам.

Игорь рванулся вперед.

— Спокойно, — остановил я его. — В этом случае твоего отца уже можно на земле ждать. Разве что задержится, чтобы выведать, куда конкретно твою мать определяют. И в службу очистки памяти наведаться — так что это их одно сплошное наказание ждет. А у нас ни у кого там знакомых нет? — глянул я на Стаса, Макса и Кису.

Марина снова зашипела, как шина проколота.

— Чего ты пыхтишь? — обратился я к ней. — Чего ты сейчас пыхтишь? Ты не думала узнать, что Татьяну может ждать, когда вы с ней коррективы в его планы, — я мотнул головой в сторону Стаса, — вносили? Особенно в свете ситуации с ними? — Я мотнул головой в сторону Игоря с Дарой. — Вот что ты знаешь о наших законах? Чистка памяти Татьяне в любом случае обеспечена, но им же обоим распыление сейчас может грозить...

Я спохватился, но было уже поздно. У Марины глаза сделались, как блюдца, причем полные такой ярости, что я невольно взгляд отвел. И увидел Игоря, обхватившего голову руками и раскачивающегося из стороны в сторону. Дара что-то шептала ему на ухо, тоже бросая на меня испепеляющие взгляды.

Спас меня Стас.

— До этого, я думаю, не дойдет, — снова подал он голос. — Я там тоже буду — не позволю. Если нужно будет — наверх пойду. Решение об операции под давлением наблюдателей было принято...

— Но исключать этот вариант мы не можем, — перебил его я, заметив, что Макс весь вперед подался, нахмурившись. — И здесь вопрос к тебе, — повернулся я к нему. — Можно будет договориться, чтобы распыление просто симитировали?

Макс все это время переводил недоуменный взгляд с одного из нас на другого, а сейчас и вовсе уставился на меня в полном изумлении.

— Это что, у нас новый командор появился? — фыркнул он. — Как ты это себе представляешь — публичный отказ от исполнения приговора вашей всемилосерднейшей комиссии? Чтобы у вас опять визг поднялся о нашем неподчинении? И что это за операция здесь постоянно упоминается? — Он опять впился взглядом в Стаса.

— Не публичный и не отказ, — не дал я ему свернуть разговор в опасную сторону. — Нужно просто отложить это исполнение, если до него дело дойдет. Пока мы не соберем доказательства его неправомерности. Вам это, между прочим, шанс блеснуть вдумчивостью и дальновидностью, — добавил я.

Он глянул на меня с внезапным интересом.

— Вот так-то лучше, — протянул он насмешливо. — Я думаю, наши могут прислушаться к предложению продемонстрировать свои очевидные преимущества.

Стас громко прочистил горло.

— Так, теперь люди, — быстро наступил я ему на него. — С ними сложнее. Для них Анатолий с Татьяной погибли. Уже и навсегда. Дара, — повернулся я к дочери, — я попрошу тебя с Аленкой мать поддержать. — Она молча кивнула. — Света со своими...

— Их я на себя беру, — вновь обрела голос Марина.

— А сможешь? — засомневался я. — От тебя ведь искры летят, а с ними нельзя будет ни сном, ни духом...

Она только глянула на меня, и я снова примирительно поднял руки.

— И родители Татьяны... — продолжил я, и в комнате повисла полная тишина.

— Игорь... — нерешительно произнес я через несколько мгновений.

Он снова замотал головой, не выпуская ее из рук.

— Игорь, — повторил я тверже, — у них, кроме тебя, никого не осталось. Ты знаешь, что у твоих родителей есть шанс и будет вся возможная помощь — они нет. Сейчас это и будет

твоя помощь родителям. Твоя мать должна знать, что о ее родителях кто-то заботится. Если не осилишь, как мы сможем что-то более серьезное тебе поручить? — усилил я нажим.

Он поднял голову, долго смотрел на меня, не отрываясь, но, в конце концов, кивнул. Все так же молча.

— Наверно, нужно еще Анабель сообщить, — полностью вернулась к своей обычной отрывистости Марина.

— Да, — кивнул я, — скажи ей, что мы пока держим ситуацию под контролем, но в случае надобности будем и ее о помощи просить.

Впрочем, это было слишком сильно сказано — насчет ситуации под контролем. Через день Стас передал Марине абсолютно неожиданную новость — не знаю, какими усилиями ему удалось добиться зачисления Татьяны к нам, несмотря на безвременную кончину. А вот в отношении Анатолия он раз за разом отделялся короткой фразой, что, мол, у того все хорошо, хотя на заседании комиссии его не было. У меня появились нехорошие мысли, что на этот раз моему знаменитому наставнику предъявили счет за все его прошлые прегрешения.

К сожалению, Игорь полностью разделял мои подозрения. К еще большему сожалению, у него появилась возможность их разделять.

Известие о «гибели» Анатолия и Татьяны наши люди приняли тяжело. Не знаю, как это прошло у Светы и Татьянинных родителей — мне одной Гали хватило. Были и крики, и слезы, и заламывание рук, метания из угла в угол — один раз чуть «Скорую» не пришлось вызывать. Я даже подумал, что хорошо, что от Анатолия никаких известий нет — не нужно было притворяться, изображая подавленность.

На похоронах, однако, все они вели себя сдержанно: то ли боль утраты уже притупилась, то ли не хотели они эту боль друг у друга подпитывать. Спокойнее всего, как с удивлением отметил я, были родители Татьяны. Хотя ничего странного — даже из моих редких наблюдений было ясно, что они всю жизнь больше друг для друга живут. Они стояли там, крепко обнявшись и явно найдя в этом объятии опору. И не отпускали от себя Игоря ни на шаг. Я подумал, что они нашли в нем замену Татьяне — ее продолжение, на которое можно было направить не доставшиеся ей заботу и внимание.

Игоря хватило ненадолго. Он сбежал от них уже через несколько дней, в свою городскую квартиру, где и заперся от всех, подчеркнуто вежливо и также кратко отвечая на телефонные звонки, но отказываясь встречаться с кем бы то ни было.

Даже с Дарой. О чем она мне и сообщила все с тем же немым вопросом в глазах: «Что делать?». Винить Игоря у меня язык не повернулся — рассказывал мне Анатолий, что когда Татьянина мать опекать кого-то бралась, бежать хотелось на край света. Но я также знал, уже из личного опыта, что периоды мрачного уединения Игоря никогда ничем хорошим не заканчиваются.

Открыл он мне далеко не сразу. Но открыл. Прозвонив в дверь почти час, я набрал его номер, и без всяких преамбул твердо уверил его, что у меня терпения больше. Он еще немного поломался, но все же распахнул рывком эту дверь — с выражением крайней враждебности на лице.

— Можно войти? — спокойно спросил я.

— Нельзя! — отрезал он.

— Ты уверен, что нам стоит в коридоре говорить? — все так же спокойно поинтересовался я.

— Не о чем говорить! — все также грубо ответил он.

— Тебя больше не интересует, как дела у родителей? — намеренно ударил я его ниже пояса.

— А что-то изменилось? — очень неприятно усмехнулся он.

— Возможно, — невозмутимо ответил я.

Он резко подался вперед — я покачал головой. Чертыхнувшись, он отступил в сторону, давая мне войти.

Я быстро прошел прямо в гостиную — она в самом центре квартиры, если придется его силой вразумлять, хоть соседи не услышат. Нам еще неприятностей в милицией не хватало.

— Что Вы узнали? — напряженно спросил он, входя туда следом за мной.

— Я сказал — возможно, — непринужденно ответил я, присаживаясь на диван.

— Вон отсюда! — с яростью процедил он сквозь зубы.

— Если до нас еще не дошли новости, это не значит, что их нет, — резонно заметил я. — С твоей матерью и так чудо случилось, и сейчас твой отец ее ищет.

— Если может, — перебил меня Игорь. — Я помню, как его судили за простую оплеуху моему надзирателю. — Я закашлялся, вспомнив эту «оплеуху» — со всего размаха окном по голове наблюдателя. — И это Ваше чудо только с мамой произошло, а что с ним сделали? Если бы он был на свободе, он бы уже давно с нами связался! Его посадили? — Голос у него зазвенел. — Или еще хуже? И все из-за меня? Пусть меня тогда судят!

— И как ты себе это представляешь? — как можно тише спросил я, чтобы не дать ему раскричаться.

— Пусть меня вызывают на эту комиссию! — не поддался он. — Или я сам туда явлюсь!

Я похолодел, представив себе реакцию Дары, если он что-нибудь утворит, чтобы к родителям перебраться. А если и она за ним..?

— Хорошо, — медленно проговорил я, пытаясь обуздать панику. — Давай представим, что ты отправляешься к нам. Что ты там будешь делать? Но только конкретно, шаг за шагом.

— Я им скажу, что это я во всем виноват! — запальчиво произнес он. — Это меня ваше общество не принимает! Это у меня все время что-то не так! Это из-за меня у всех неприятности!

— Кому? — дав ему выдохнуться, снова спросил я. — Ты знаешь, с кем говорить? И где гарантия, что тебя выслушают? Ваш статус еще не ясен. В силу этого назад тебя не пошлют, но где гарантия, что тебя не отправят в какое-то дальнейшее подразделение, пока этот статус не определится? Где гарантия, что тебя изучать не начнут, чтобы его определить?

Я говорил и почти физически ощущал, как с него сползает юношеская — и наследственная — самоуверенность.

— Я не могу сидеть и ничего не делать, — наконец глухо пробормотал он, глядя себе под ноги.

— Согласен, это нелегко, — не стал спорить я. — Мне тоже. Но иногда приходится просто ждать. Чтобы не навредить по незнанию. Я не верю, что та авария случайно произошла — не тот у твоего отца опыт. Зачем-то ему понадобилось отправиться наверх, и вместе с твоей матерью. И он при этом знал, что оставляет тебя под нашей защитой, — добавил я как можно убежденнее, чтобы Игорь ложь не почувствовал. — А там только он тебя защитить сможет. Значит, ему, кроме поисков твоей матери, еще и твоими заниматься?

Игорь обессилено привалился к стене, сунув руки в карманы джинсов. Сжатые в кулаки руки, заметил я.

— И кроме того, — снова решился я на запрещенный удар, — ты подумал, что будет с твоей матерью, когда она узнает, что ты где-то в вечности исчез? Что будет с Дарой?

Наконец-то его проняло. И я очень надеялся, что последний двойной аргумент удержит его от сложно поправимого хоть на какое-то время. Чем его в чувство в следующий раз приводить, я понятия не имел.

Спас меня снова Стас. Передав через пару дней через Марину, что Анатолий наконец-то объявился. Он действительно был задержан внештатниками, но и на этот раз сумел как-то вывернуться и даже уже выяснил местоположение Татьяны и направляется к ней.

Наш второй военный совет разительно отличался от первого. Вопрос «Что делать?» также оставался главным, но на этот раз он касался способов установления контактов с Анатолием и Татьяной там, наверху, и все не мне его задавали, а сразу высказывали свои предложения. Которые, одно за другим, тут же разбивал в пух и прах Стас, что, впрочем, никому не портило настроения.

Я тоже чувствовал, что у меня ...нет, не гора — вернее, воз этот неподъемный — с плеч если еще и не свалился, то ляжки, в которые мне впрячься пришлось, существенно ослабли. Полностью сбросить их я пока поостерегся.

И правильно, как выяснилось, сделал. После первого известия Анатолий опять пропал. Этот факт сам по себе не сулил нам ничего хорошего. Стас попытался осторожно разыскать его, но он словно в воздухе растворился. Насколько я понял, встретиться с Татьяной ему не запретили. Что же он мог еще натворить, что его снова под стражу взяли?

Одно утешало — в тот недолгий период эйфории Игорь сессию сдал без всяких напоминаний. И, как всегда, блестяще. На каникулах, однако, он снова замкнулся и снова взялся за еще школьную привычку издеваться над своим наблюдателем. И, как всегда, изобретательно. Повелада мне об этом Дара — слава Богу, на этот раз он хоть от нее не закрылся.

Зная мстительную натуру его наблюдателя, я снова начал готовить речь о последствиях всех наших поступков — зачастую пагубных по отношению к окружающим. Речь складывалась плохо — мне уже самому хотелось к внештатникам наведаться.

Новости пришли, когда даже у меня терпение было уже на пределе.

— Занят? — прозвучал у меня в голове голос Стаса однажды поздно ночью.

— Говори, — тоже коротко ответил я, напрягаясь. Чтобы Стас вышел на связь в неурочное для земли время, да еще и прямо со мной, а не с Мариной, с которой он мог вполне официально, якобы по общим делам контактировать...

— Минут десять есть? — продолжал темнить он.

— Куда двигаться? — решил я не отвечать на риторический вопрос.

— Никуда, я к тебе. Твои же уже спят? — задал он еще один не требующий ответа вопрос.

Мне как-то совсем нехорошо стало. Не приносят хорошие вести под покровом ночи и втайне от всех.

— Дай мне две минуты, — попросил я, скорее, чтобы с силами собраться.

Я вышел из кухни и тихо прикрыл двери в спальню и гостиную, где спали Дара с Аленкой. Вернувшись и также закрыв за собой дверь, я прислонился к ней, чтобы чувствовать хоть какую-то опору.

Стас появился прямо за столом и молча положил на него телефон. Телефон Анатолия. Я вдруг почувствовал, что готов еще долго тащить этот воз — ровно столько, сколько понадобится, чтобы ему его передать. Чтобы было, кому его передавать.

— Что с ним? — неожиданно хрипло спросил я.

— Зарядить нужно, — ворчливо ответил Стас.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что в нашем разговоре какая-то нестыковка образовалась.

— Он еще аккумулятор просил. А у него точно телефон у нас работает? — с острым интересом глянул на меня Стас.

Я молча кивнул, кое-как сделал два шага к столу и почти свалился на стул — ноги не держали. Мелькнула было мысль: «А раньше он не мог додуматься?», но нет — с его отношением к технике спасибо, что вообще про телефон вспомнил.

Секундное возмущение смыло волной облегчения. Раз вспомнил, значит, голова уже ничем более неотложным не забита. Значит, все хорошо. И связь со мной могла ему понадобиться только для одной цели — потребовать у меня отчет о случившемся в его отсутствие и

выдать мне очередную порцию инструкций на ближайшее будущее. И впервые в жизни я был готов ... нет, рад выслушать их — в обмен на возможность вернуть ему, наконец, тот воз.

— Так он ее нашел? — спросил я, улыбаясь.

— Да, — ответил Стас, хмурясь.

— Стас, если есть, что сказать, не тяни, — снова насторожился я. — Что еще случилось?

— Ее уже в обучение перевели, — медленно начал Стас. — У нянек ... ну, наставников, ее взаперти держали. Но он ее как-то выманил. И увидел, что она его не помнит. Она вообще никого и ничего не помнит.

Мне опять показалось, что нестыковка возникла. Татьяна забыла Анатолия? Она Игоря забыла? Я представил себе такую ситуацию с собой и ... нет, не с Галей — с Дарой или, еще хуже, с Аленкой — и содрогнулся.

— Это еще не все, — снова заговорил Стас. — Его только что внештатники перехватили и почти прямо предупредили, что о себе он Татьяне напоминать может, но больше ни о чем. Теперь ему Марина нужна.

— Кто? — вытаращился я на него. С их многолетней войной, пусть даже холодной в последние годы, это была уже не просто нестыковка — это был конец света, перевернутого с ног на голову и вывернутого наизнанку.

— Я в прошлый раз не хотел при всех говорить, — поморщился Стас.

Я буквально почувствовал, как тягловые лямки снова впились мне в плечи — по-моему, к тому возу еще и тележку с новым грузом только что прицепили.

— Анатолий машину тогда вел, — покусав губы, продолжил Стас, — но Татьяна в последний момент руль крутанула. Он считает, что она его специально в машину вместо мелких затащила — именно для того, чтобы к нам попасть. План у нее какой-то был. И, судя по тотальной чистке памяти и словам внештатников, с мелкими связанный и опасный.

Я сидел, напряженно соображая. Планы Татьяны, действительно, часто работали — синяков, правда, участникам наставляя, но работали. И если она придумала что-то, что может разрубить тот узел, который вокруг наших ангельских детей завязался, то я сам к Анатолию и в адъютанты, и в заместители, и в простые подручные попрошусь, лишь бы она это вспомнила.

— Завтра все подготовлю, — сказал я Стасу, жалея, что магазины ночью не работают. — К обеду.

— Марине отдашь, — опять насупился Стас. — Зачастил я к вам, уже даже мои коситься начинают. Да, и еще, — спохватился он, уже поднимаясь, — он просил тебя все время на связи быть, кто его знает, когда у него получится, если вообще получится.

Я едва утра дождался. В сбережения на летний отпуск залез, но купил Анатолию, зная его умение обращаться с техникой, три аккумулятора и новый телефон, помощнее и проще в управлении.

По дороге я позвонил Игорю и Марине. Марина с ходу начала метать молнии в адрес нашего сообщества, лишаящего людей самого ценного в жизни. Игорь попросился переехать к нам.

— Зачем? — не успев подумать, ляпнул я.

— Чтобы его звонок случайно не пропустить! — даже не заметил он моей невольной грубости.

— Да я тебя подключу! — заверил я его. — У нас и спать-то негде.

— А если я вдруг выйду? — ударился он в откровенную панику. — А если он ночью позвонит? А если я звонок не услышу? Да я хоть в коридоре, хоть в кухне на полу устроюсь.

Впервые за последнее время встретив у него такой энтузиазм, я, конечно, согласился. Галя поворчала немного насчет «приличий», но тоже «полному сироте» отказать не смогла. Но его слова навели меня на мысль, что звонок действительно может раздаться в самый неподхо-

дящий момент, когда Галя дома будет — пришлось с Дарой и Аленкой договариваться, чтобы отвлекли мать, если понадобится.

Обошлось. Еще тогда у меня забрезжила мысль, что техника не только на земле проблему коммуникаций может блестяще решить.

Анатолий позвонил рано утром в воскресенье, когда в доме один я бодрствовал. Я толкнул Игоря, спавшего в кухне на раскладушке, но жестом велел ему подождать. Еще отношения опять начнут выяснять, а мне хотелось в первую очередь убедиться, что бремя ответственности с меня уже снято.

Увидев моего наставника — пышущего здоровьем и прямо излучающего сумасшедшую даже для него энергию — я тут же перевел разговор в аудио режим. Не хотелось мне, чтобы он увидел, как это бремя меня изматало. Слава Богу, хоть с Мариной мне удалось без конфронтации обойтись, подумал я, когда они сразу же принялись по привычке шпынять друг друга. Ее предложение, правда — вслед за Татьяной к нам переместиться — и меня в дрожь вогнало. Пришлось вмешаться, пока Анатолий в полный раж не вошел и не забыл, зачем звонит.

В общем, получил я свои инструкции. Детальные и беспрекословным тоном. И с Игорем ему минутного разговора хватило, чтобы парня отпустило. Вот странно — я, вроде бы, то же самое говорил, а слов в десять раз больше понадобилось.

— Вот видишь, — не удержался я после разговора, — я же говорил тебе, что все будет хорошо.

— Спасибо. — У него даже глаза засветились. — Я, наверно, домой поеду — прибраться нужно.

Ого, подумал я, ну, теперь я точно свободен, если часть инструкций даже без слов передалась. Вот она, сила техники!

Во время следующего нашего контакта инструкции получили все.

Сначала он позвонил мне. Сразу в аудио режиме. Только услышав его голос, я сразу понял, что на этот раз он не хочет, чтобы я его видел.

Восстановить память Татьяны ему не удалось. Не помогли ни найденные мной методики, ни воссоздание ситуаций, которые могли триггером послужить, ни его собственные импровизации. Более того, оказалось, что ей представили его как хранителя-неудачника, пытающегося выместить на ком-то злость за свой провал.

Вот это уже было самое настоящее свинство! Такие низкие методы раньше у меня только с темными ассоциировались. Что же она такое придумала, что наше непогрешимое по определению руководство к тактике противника прибегает? Я почувствовал азарт, помноженный на надежду обезопасить раз и навсегда будущее наших детей.

— Что делать? — спросил я. Слава Богу, теперь не мне, а ему решать.

— Я думаю, есть еще один шанс, — медленно проговорил он. — Возможно, последний. Но мне понадобится помощь. От всех. Ты знаешь, я всегда сам справлялся, но сейчас прошу вас всех помочь мне.

Я мог бы с ним поспорить насчет того, как он всегда сам справлялся, но очень уж мне от его слов не по себе стало. Просящий Анатолий — это вторая серия конца света, дважды перевернутого и вывернутого.

— Кого собирать? — перешел я к делу.

— Марину, в первую очередь, — снова сразил он меня наповал. — И Кису. И Стаса. Да, и Игоря. Только не собирать — пусть каждый у себя находится, ты всех подключишь. Разговор рискованный — я не думаю, чтобы ко всем наблюдение приставили, но если вместе соберетесь, вероятность того, что прослушают, выше.

— Больше никого? — уточнил я.

— А, да, Макса еще, — подумав, сказал он. — Там другое дело, но уже все сразу и решим.

— Хорошо, — сказал я. — Завтра подходит? Вечером?

— А утром никак? — спросил он в ответ.

— Так мы же все работаем! — фыркнул я.

— Забыл, — как-то странно произнес он. — Тогда вечером. И еще, — добавил он совсем не просительным тоном, — введи всех в курс дела заранее, чтобы я время не терял.

Мне сразу спокойнее стало.

ГЛАВА 6. Погружение

Как только исчез источник моего раздражения, все сразу же наладилось.

Нет, не совсем сразу. Как только я поняла, что он появился не для того, чтобы провоцировать меня.

Боль, которую я увидела у него в глазах в ответ на мою вспышку, совершенно не вязалась с провокацией.

Ответная боль, возникшая во мне, не имела ничего общего с мимолетным уколом стыда за несдержанность.

Она не проходила несколько дней.

Однажды я вспомнила вопрос женщины-Ангела о том, какие чувства во мне вызывает эта назойливость.

И ее совет объяснить мое недовольство спокойно и сдержанно.

Я не послушалась этого совета.

И вот тогда мне просто показали, к чему приводят эмоциональные взрывы, какую разрушительную силу они несут в себе.

И я поняла, насколько продуктивнее ровная приветливость и неизменное дружелюбие.

И вот тогда все у меня и наладилось.

Я начала совсем иначе приглядываться к другим студентам, и они уже казались мне не стайкой бездумных колибри, а группой единомышленников, охотно поддерживающих друг в друге жизнерадостность и здоровый энтузиазм.

Отстраненность необычного Ангела также не казалась мне больше обидной. Его, похоже, тоже отпугнуло мое настойчивое стремление установить более тесные отношения. Он просто показывал мне пример сдержанности.

Я усвоила преподанный мне урок.

И, наверно, поэтому, сумасшедший Ангел больше не появлялся.

Я, правда, намного реже в лес выходила. Это непонятное желание уйти куда-то явно требовало не меньшего контроля, чем раздражение. Но полностью отказаться от прогулок мне все же не удалось. В комнате хорошо работалось с книгами — думалось лучше в лесу.

Надобность и в том, и в другом возникла у меня буквально через несколько дней после той, многое мне объяснившей, встречи. У нас начался новый курс, и когда я впервые по-настоящему углубилась в занятия, боль, оставшаяся от нее, постепенно ушла.

Новый курс был посвящен психологии людей, и в нем я начала, наконец, получать ответы на тот свой первый вопрос об агрессивности человечества. Затем пришли новые вопросы.

Люди придавали психологии большое значение и пытались объяснить с ее помощью буквально все стороны своей жизни.

У них была психология семейных и производственных отношений, психология конфликтов и успеха, психология управления своим эмоциональным состоянием и массовым сознанием, и так далее и тому подобное.

Но даже говоря о психологии личности, они постоянно пытались классифицировать эти личности и определить их в какие-то группы. Причем, так же, как и в историческом процессе развития человечества, эти группы непременно подразделялись на союзников и противников.

Они ограничивали рамки этих групп по совершенно невероятным признакам: имени, дате рождения, чертам лица, движениям тела и мимике, предпочтениям в цветах и реакции на

различные образы. Они приплетали туда небесные тела, земные стихии, животных, не говоря уже о всяких мифических, ими же выдуманных, существах.

Каждой группе приписывались свои каноны поведения, и определение своей группы и следование ее стереотипу считалось ключом к решению проблем человека.

Этот курс у нас вел первый преподаватель, который мне понравился. Он не просто рассказывал нам свой материал, сопровождая его иллюстрациями — он демонстрировал психотипы людей на себе, перевоплощаясь с изумительным мастерством. Уже на третьем занятии у меня мелькнуло в голове: «Хамелеон», но настолько добродушно-одобрительно, что я даже подавлять эту мысль не стала.

И тишина на его занятиях не приветствовалась. Сначала он предлагал нам придумывать различные ситуации и показывал, как, с точки зрения людей, должны вести себя в них представители описываемых им групп. Затем это стало нашим заданием — с оживленным обсуждением точности представления.

Хамелеон вообще очень много времени уделял практической стороне своего предмета. Впервые на моей памяти — Ангельской — он сам дал нам список рекомендуемой литературы — вместо того, чтобы позволить нам выбирать источники для самостоятельной работы.

Большей частью это были методики, позволяющие определить свой психотип.

Те, которые базировались на имени и дате рождения, мне — за полным отсутствием каких-либо воспоминаний о последних — явно не подходили.

Я провела добрый час перед зеркалом, пытаясь оценить свою мимику и жесты, но они выглядели настолько неестественными, что я бросила эту затею.

Наборы вопросов о том, как бы я повела себя в той или иной ситуации, мне тоже не помогли — я просто не могла себя представить ни в одной из них, настолько нереальными здесь они казались.

Оставалось рассматривать комбинации цветов и различные изображения и просить память увидеть хоть что-то знакомое. Нагрузка, по-видимому, оказалась чрезмерной, и память начала выдавать такие предположения, что каждый тест показывал разные, иногда даже противоположные результаты.

Вскоре выяснилось, зачем Хамелеон предложил нам эти тесты. Однажды на занятии он поинтересовался, сумели ли мы определить свой психотип. Большинство студентов ответило утвердительно, но со смешком.

Тогда он попросил каждого оценить, какие черты определенного психотипа кажутся нам соответствующими действительности, а какие нет, и объяснить, почему.

Вся последующая в тот день дискуссия была особенно яркой. Я с интересом слушала других студентов, но в голове крутилась одна мысль: «Только бы меня не спросил!».

— А кем же оказались вы, дорогие Ангелы? — повернулся все же Хамелеон в нашу со странным Ангелом сторону.

— Я провожу более глубокий анализ, — тут же отозвался странный Ангел. — Мне хотелось бы получить наиболее точный результат.

— А Вы? — одобрительно кивнув, Хамелеон перевел взгляд на меня.

— Я не смогла определить свой тип, — смущенно призналась я.

— Не расстраивайтесь, — добродушно успокоил он меня. — Возможно, Вам тоже нужно дополнительное исследование.

После занятия я окликнула уже уходящего странного Ангела. Впервые после той катастрофической прогулки и его отповеди мне. Но сейчас мне нужно было обратиться к нему по делу.

— Вы не могли бы подсказать мне, какие дополнительные материалы Вы использовали? — спросила я максимально нейтральным тоном.

— Никакие, — коротко ответил он.

Я ступала от его почти грубости. Но раздражение, по крайней мере, не возникло. Скорее разочарование — раньше он казался мне достаточно умным, чтобы понять, что я уже давно отказалась от не приличествующей Ангелу эмоциональности.

— Я не использовал ни дополнительные, ни данные нам тесты, — заметив мою реакцию, вдруг произнес он.

— Почему? — удивилась я.

— Я их уже все на земле проходил, — явно пересиливая себя, объяснил он. — И даже намного больше. Как и психологов. И я знаю, что абсолютно бесполезно — по крайней мере, в моем случае — пытаться подогнать себя под какой-то стереотип.

— А что же Вы преподавателю скажете? — снова не удержалась я.

— Возьму какой-нибудь тип, не выбранный другими, — пожал он плечами, — и опишу все его достоинства и недостатки.

— А-а, — протянула я, не зная, как реагировать на такое несерьезное отношение к занятиям. — Тогда извините, что побеспокоила.

— А вот Вы напрасно сказали, — уже совершенно неожиданно продолжил он разговор, — что не нашли свой тип.

— Почему? — замерла я на полушаге.

— То, что не вписывается в схему, нигде не любят. Им управлять сложнее, — загадочно произнес он, и ушел, коротко кивнув мне на прощание.

Эти его последние слова пробудили мое любопытство. Он явно произнес их из личного опыта, но какое отношение эти земные методики к нам имеют? Мы ведь сами определяем свою жизнь, как уверила меня женщина-Ангел.

С другой стороны, странный Ангел определенно мог рассказать мне о реальных психологических ситуациях, что было намного интереснее описанных в книгах случаев. И если он уже опять со мной общается, то можно понемногу разговорить его.

Я вспомнила, что в паре с терпением любопытство всегда было более эффективным, а теперь, когда им больше не мешает раздражение...

— Извините, — обратилась я к странному Ангелу на следующий день после занятия, — можно, я задержу Вас на минуту?

Он вопросительно глянул на меня.

— А что Вы имели в виду насчет управлять? — быстро спросила я, пока он не передумал.

— Все эти тесты направлены на выявление сильных и слабых сторон, — нехотя объяснил он. — На знании которых основываются методы контроля.

— На земле? — подтолкнула я его к воспоминаниям.

— Люди хотят, чтобы ими управляли, — поморщился он. — Это облегчает им жизнь.

— Почему Вы так думаете? — настаивала я.

— Посмотрите на количество психологов, — пожал он плечами.

— К сожалению, не могу, — покачала я головой. — Я ничего не помню.

— Тогда просто поверьте тому, — усмехнулся он, — кому пришлось сталкиваться с ними во всех возможных ситуациях.

— Почему пришлось? — тихо спросила я.

— Как я уже сказал, отличие от стандартных стереотипов поведения вызывает подозрительность и неприязнь. — Лицо его снова превратилось в невозмутимую маску.

В тот день я впервые с начала нового курса вышла в лес. Я вспомнила выводы женщины-Ангела о том, что в своей земной жизни я, очевидно, постоянно сталкивалась с принуждением и поэтому мое подсознание заблокировало эти воспоминания.

А почему тогда у странного Ангела не заблокировало? Мною, что, ежеминутно управляли, если пришлось все блокировать? Его слова о психологах вызвали у меня какую-то смут-

ную реакцию, но вовсе не негативную. Я тоже с ними дело имела? Я сама на принуждение напрашивалась?

На следующий день я дождалась конца занятия со сдержанным нетерпением. И остановила странного Ангела со сдержанной настойчивостью.

— Извините еще раз, — начала я сдержанной скороговоркой, — мне нужно Вас спросить. Но если Вам мои расспросы неприятны, сразу скажите мне.

У него чуть шевельнулись мышцы лица, и я судорожно попыталась вспомнить трактовку этого движения. Ну, почему я всегда важные вещи не могу запомнить?

— Я Вас слушаю, — произнес, наконец, он, прищуриваясь.

— Как Вы думаете, почему люди хотят, чтобы ими управляли? — памятуя об осторожности, намеренно медленно спросила я.

Он какое-то время молчал — то ли споря с собой, то ли с силами собираясь, то ли слова подбирая. Я отдала любопытство под контроль терпения.

— Человечество все время ищет смысл жизни, — наконец заговорил он. — Безрезультатно. — Он снова помолчал, и добавил: — Потому что практикует изначально неправильный подход к этим поискам.

— Что Вы имеете в виду? — взбунтовалось любопытство.

— Люди постоянно ищут не смысл своей собственной жизни, — тряхнув головой, заговорил он быстрее, — а кого-то, кто бы показал, объяснил, определил его для них. Они читают труды философов и пытаются следовать их советам, они копируют великих и пытаются подражать преуспевающим. Но каждый человек уникален, у него не может быть повторов, что бы там ни говорили о реинкарнации.

Перед глазами у меня вдруг возник камень — такой, как возле входа в мой дворик, но намного больше и весь покрытый какой-то мохнатой растительностью. А это еще откуда взялось?

— Посмотрите на эти тесты, — неправильно истолковал мою озадаченность странный Ангел. — Каждый из них предлагает разделить всех людей на десяток, максимум два, групп. Таким образом, тысячи людей, родившихся в один день, или дюжина полных тезок, родившихся в один день, должны вести себя одинаково, даже если они родились в разных обстоятельствах и живут в разных условиях.

Интересно, колибри тоже все в один день родились, подумала я с внутренней усмешкой. А потом представила себе дюжину странных Ангелов, обдающих меня холодом из-за моей несдержанности. Или, еще лучше, встречающихся с дюжиной сумасшедших Ангелов в лесу и в моем присутствии. Словно заяц между двумя волками — опять непонятно откуда всплыла странная ассоциация. Нет-нет, нужно сосредоточиться, а то сейчас еще эта заколдованная вода мерещиться начнет.

— Но это невозможно, — правильно на этот раз понял мою реакцию странный Ангел. — Вернее, возможно только в том случае, если те черты личности, которые не вписываются в обозначенную для группы схему, будут подавлены. А из-за их подавления и возникают все человеческие конфликты. — Он снова помолчал. — И тут на сцену выступают психологи.

Если бы я не знала, что с Ангелом разговариваю, я была бы уверена, что в его голосе прозвучала откровенная неприязнь. Странно, но даже после всех его рассказов, сомневаться в искренности которых у меня не было ни малейших оснований, у меня это слово не вызвало никакого отторжения. Наоборот, оно вызвало у меня ассоциацию с последним шансом, который неожиданно привел к блестящим результатам. Шансом чего? Результатам в чем? Память глухо молчала.

— Нет-нет! — снова не угадал странный Ангел. — Психолог никогда не скажет, что намерен что-либо подавлять. Он просто подведет Вас — искусно, незаметно — к мысли, что все сложности в Вашей жизни происходят из Вашего побуждения идти вразрез общепринятым

правилам. Подавите последние Вы сами. Однако, ненадолго, после чего у Вас возникнут новые проблемы, и Вы вновь обратитесь к специалисту по их решению, и не успеете оглянуться, как окажется, что без него Вы уже не в состоянии принимать никакие решения.

— Вы не любите психологов? — полу-спросила, полу-заклчила я.

— Я слишком много их видел, — опять скрылся он за своей непроницаемой стеной. — Обычно меня называли безнадежным случаем.

Размышляя над этим разговором, я вспомнила слова женщины-Ангела о неблагодарности человечества, проистекающей из вечной неудовлетворенности людей. Не знаю, в отличие от нее и странного Ангела, я не видела в этой неизменной человеческой неуспокоенности чего-то однозначно отрицательного. В конце концов, люди ведь сами сначала пытаются свои проблемы решить, а если не выходит, не отказываются совет послушать. Так, может, не нужно эту их черту в другие, заведомо неподходящие, руки отдавать? Может, это не психологов дело, а наше — помогать людям на земле искать их собственный, личный путь?

Я остановилась как вкопанная, пытаюсь ухватить еще одну ускользающую мысль. Оглянулась по сторонам и едва разглядела наше здание среди деревьев. Ну вот, опять занесло — обещала же себе далеко не уходить!

И в этот самый момент та ускользающая мысль, смутное желание уйти куда-то приобрело совершенно четкие очертания. Не куда-то, а на землю — я должна вернуться на землю. Зачем? Помочь людям? Помочь звучало правильно. Кому? Вряд ли всем людям — одному даже Ангелу это не под силу. Кому?

Промучившись над этим вопросом до следующего дня, я решила вновь разговаривать странного Ангела. Может, что-то в его словах натолкнет меня на ответ и на этот вопрос.

— А как Вы думаете, — спросила я уже без всяких прелюдий, как только закончилось занятие, — зачем нам эти тесты дали? Они же для людей.

— Неуправляемость нигде не приветствуется, — повторил он фразу, с которой возобновилось наше общение.

— Но ведь мы же уже не люди, — возразила я. — Мне ... тогда ... в самом начале совершенно недвусмысленно сказали, что отныне я сама буду выбирать, что делать в жизни.

Он несколько раз покивал.

— А я думаю, — произнес он наконец мне в тон, — что задание определить свой психотип и проанализировать его возникло не случайно. Я думаю, что когда придет момент определяться с нашим будущим, наш выбор будет ограничен неким количеством предложенных вариантов.

— А я думаю, — подыграла ему я, — что я буду следовать своим внутренним побуждениям, даже если они не совпадут с предложениями.

— Посмотрим, — невозмутимо ответил мне он. — А у Вас уже есть какие-то соображения по поводу этого выбора?

— Я чувствую, что хотела бы вернуться на землю, — с радостью ухватила я за искомый поворот в разговоре.

— Вот уж не поверил бы! — несказанно удивился он. — Для меня это был бы последний вариант. Зачем?

— Ну как же! — воодушевилась я. — Вы же сами говорили, что люди у кого-то ответы на свои вопросы ищут. Почему не нам дать им эти ответы?

— Вы хотите управлять людьми? — От него опять повеяло немыслимым холодом, и, извинившись, он тут же ушел.

И вновь перестал идти на контакт — мне хватило двух попыток, чтобы убедиться в этом. Мне даже начало казаться, что он и в первый раз стал избегать меня отнюдь не из-за моей несдержанности. Возможно, у него предел насыщения общением был слишком низким, и ему требовалось время, чтобы отдохнуть в одиночестве.

Определенным образом, он сам подтвердил мою догадку, когда Хамелеон спросил нас обоих о результатах наших углубленных исследований. Если, конечно, он их не выдумал, этот странный Ангел, как намеревался.

— Боюсь, у меня получилась картина, не слишком мне льстящая, — ровно ответил он Хамелеону.

— И все же? — настаивал тот.

— Асоциальный тип, ярко выраженный интроверт, всецело сосредоточенный на своей личности и игнорирующий окружающий его мир, — четко отрапортовал странный Ангел.

— Хм, — покачал головой Хамелеон, — но давайте предположим, что Вы оказываетесь в ситуации, безальтернативно требующей Вашего участия...

— Я уйду от нее, — мгновенно ответил странный Ангел.

— А если все же не сможете? — продолжал допытываться Хамелеон. — Если все пути будут перекрыты?

— Я найду новый, — опять последовал решительный ответ.

— А если и это не поможет? — явно вошел в азарт Хамелеон. — Представьте себе: ситуация не имеет иного выхода, кроме Вашего участия в том или ином виде...

— Я изменю ее, — глядя прямо на него, спокойно ответил странный Ангел.

— Ого! — Хамелеон повернулся к другим студентам. — Дорогие Ангелы, у меня складывается впечатление, что мы находимся в обществе будущего кандидата в руководство нашим сообществом.

Он сказал это, мгновенно перевоплотившись в самого восторженного человеческого энтузиаста, и все студенты разразились аплодисментами.

Я с удовольствием присоединилась к ним.

Странный Ангел остался сидеть с каменным лицом, глядя прямо перед собой.

— Однако, помните, — вновь обратился к нему Хамелеон, — что изменение ситуаций может быть как созидательным, так и деструктивным. А что же Вы нам скажете? — вдруг повернулся он ко мне.

— Я не знаю... — От неожиданности я не успела ничего придумать, хотя превзойти странного Ангела вряд ли кому-то удалось бы. — Я бы хотела помогать ... кому-то.

Вот, и теперь им придется предложить мне самый широкий выбор вариантов!

— Крайне похвальное стремление! — не оставил Хамелеон и меня без комплимента. — Очень скоро у Вас появится возможность воплотить его в жизнь.

И на этом он попрощался с нами, закончив свой курс.

Следующим предметом нашего обучения оказались человеческие религии. Преподаватель, который нас с ними знакомил, мне тоже понравился, чего не скажешь о самом курсе.

Этот преподаватель не требовал нашего активного участия в занятиях — можно было просто сидеть и слушать. Он говорил то восторженно повышая, те заговорщически понижая голос, то всплескивая ручками, то похихатывая, словно забавную шутку рассказывая — и я сразу окрестила его Фонтанчиком ... и даже не поморщилась.

Сам же его предмет постоянно возвращал меня к нашим со странным Ангелом разговорам о психологии. Получалось, что люди действительно хотели, чтобы ими управляли, и к психологам стали обращаться относительно недавно — после того как, по-видимому, разуверились в своих богах.

Но и в верованиях своих они искали ответы на свои вопросы у неких внешних сил — представляя их себе при этом по своему же образу и подобию.

Во время существования множества мелких племен у людей и богов было множество, и наделяли они их чертами животных и растений, среди которых жили.

По мере создания небольших государств и их союзов, из их богов выделялся главный, которому остальные служили, но и бунтовали против него временами.

Когда человеческие государства начали укрепляться, а власть в них становиться более централизованной, люди пришли к идее единого Бога, волю которого воплощал целый сонм небожителей, уже лишенных ранга божественности.

С появлением в человеческом обществе возможности достичь более высокого положения, люди тут же объявили, что и в небесное могут войти наиболее преданные из них. Но с укреплением касты земных правителей количество причисленных к лику святых радикально уменьшилось.

Причем, по мнению людей, у каждого из этих небожителей была своя сфера ответственности. Небесных покровителей выбирали себе города и целые страны, всевозможные профессии и даже отдельные люди — опять по дате рождения. И их человечество воспринимало как своих военных, кормя их в обмен на защиту. Ранним богам люди приносили жертвы, поздним — молитвы и денежные приношения.

Разумеется, у нас возникали вопросы, насколько эти представления соответствуют действительности — на что Фонтанчик расплывался в усмешке, закатывал глаза к потолку, загадочно прищурился ... и отвечал, что об этом мы узнаем в следующем курсе.

Меня лично особенно удивило то, что в каждой религии были Божьи слуги на земле — священники, тракующие его волю обычным людям. Несмотря на то что — опять-таки во всех вероисповеданиях — были книги, в которых было прямо изложено Божье слово. И обращаться к Богу людям было предписано отдельными текстами из этих книг — точно так же, как обращались они особым, строго установленным языком к своим земным правителям.

Я подумала, что, может, эти книги были переданы людям нами — и запросила дополнительные материалы. Оказалось, что нет — все эти книги были написаны людьми, которых почему-то называли пророками. Может, мы пророкам сообщили Божье слово — тогда почему только им? Почему мы и потом оставили его трактование священникам? Может, мы как-то участвуем в их выборе и обучении?

Непохоже. Если в последнее время люди к психологам кинулись, значит, не получили они ответов на свои вопросы у священников. Да и зачем те сейчас-то нужны? Раньше люди были неграмотны, да и книг были единицы, но сейчас каждый человек может сам Божий завет почитать и решить на его основании, как поступать...

Опять получалось, что люди не хотят сами думать и принимать решения.

В своих дополнительных книгах я также нашла описания бесконечных религиозных войн и опять не могла удержаться от мысли, что и агрессивность свою люди перенесли на свои верования. Каждая их новая религия была чрезвычайно агрессивной и экспансивной в своем начале — как и сами люди при захвате новых земель для своего проживания.

Кроме того, несмотря на то, что все боги говорили людям о добре и справедливости, они были милостивы только к своим безоговорочно верным и преданным последователям — для всех остальных у них были припасены жесточайшие кары. И люди охотно брались за наказание неверных — религиозные войны оказались самыми кровопролитными. В основе их всегда лежали самые что ни есть материальные причины — знамя веры давало людям оправдание собственной жестокости...

В общем, бросила я читать эти книги. Подрывали они мое ничем не объяснимое убеждение, что мне нужно вернуться на землю.

Жизнерадостное журчание Фонтанчика на занятиях начало казаться мне неуместным. Крутящиеся у меня на языке вопросы о нашей роли в создании представлений человечества о нас же самих прозвучали бы резким диссонансом с его шутивым тоном.

Станный Ангел также откровенно скучал на его занятиях, но и меня продолжал игнорировать. Хотя, казалось, должен был с удовольствием продолжить обсуждение несамостоятельности людей. Видно, со священниками, в отличие от психологов, он на земле не сталкивался.

Мне не оставалось ничего другого, как гулять в лесу и думать. Большею частью о том, как человечеству удалось выжить со всей его кровожадностью во всех сферах своей жизни. Да нет, в этих людях как будто самое настоящее стремление к самоуничтожению заложено! Чуть сбалансированное инстинктом самосохранения.

А может, не само-? — вдруг подумала я. Может, это мы их храним, уберегаем от самих себя? Интересно, как? Я вспомнила наш разговор с женщиной-Ангелом о человеческих снах — наверно, только в них мы можем как-то повлиять на людей, когда у них это агрессивное сознание отключается.

А что, очень похоже! О том сумасшедшем женщина-Ангел сказала, что он своего человека потерял. Значит, у него был человек, на которого он влиял. Или пытался влиять, раз ничего не вышло...

Я попыталась представить себе этот процесс. Во сне влиять можно, конечно, и отсюда, но нет — чтобы знать, какие советы человеку давать, что исправлять в нем, нужно с ним все время рядом находиться.

Как Ангел может все время быть рядом с человеком? Невидимкой, что ли? Я внутренне усмехнулась: вот у странного Ангела это бы отлично получилось — жаль, что его земля не привлекает.

Да нет, глупости, какие еще невидимки! Хотя сумасшедший Ангел как-то исчезал... Но он, правда, сумасшедший, да и на людей это вряд ли хорошо бы подействовало. Если уж меня, Ангела, это до вспышки довело, то человеческая агрессивность сразу бы к насилию привела.

Значит, Ангел должен со своим человеком как-то общаться... Может, мы все же психологами на земле работаем? Что-то в этой мысли есть... Нет, тоже непохоже: во-первых, мы бы более эффективно человеческие проблемы решали, и не множились бы они с каждым днем, а во-вторых, пусть пришел бы человек к Ангелу на прием, но это же днем, а как потом к нему ночью пробраться, чтобы влиять?

Оставалось только одно предположение — Ангелу приходится не только познакомиться со своим человеком, но и сблизиться с ним. Вот эта мысль — о необходимости тесного контакта по долгу службы — неожиданно резанула меня чувством глубокой ... обиды.

Почему? А, да, Хамелеон говорил, что с близкими люди часто вообще не церемонятся и не сдерживаются. Я представила себе, каково это — целый день наблюдать негативные проявления человеческой натуры и быть не в состоянии что-либо сделать до самого наступления ночи. И затем иметь в своем распоряжении всего несколько часов, чтобы исправить ошибки, совершенные за весь предыдущий день...

У меня перед глазами опять возник сумасшедший Ангел. Что значит, он потерял своего человека? Может, этот человек совершал столько ошибок, что на их исправление никаких снов не хватало? Может, этот человек его просто не слушал? Может, этот Ангел не просто так с ума сошел? Может, ему приходилось каждую ночь упрямо сеять добро в душе человека и затем наблюдать целый день, как вянут эти ростки, едва поднявшись? Может, ему вообще попался — как там странный Ангел говорил? — безнадежный случай..?

Он появился передо мной, словно материализовавшись из моих размышлений. Сумасшедший Ангел. Я даже головой потрясла, решив, что у меня видения продолжают. Но в тот день он явно отличался от того образа, который запечатлелся у меня в памяти. В лучшую, явно более здравую сторону.

Он не выскочил из ниоткуда, а вышел на дорожку шагах в десяти передо мной. Не бросился ко мне, как с цепи сорвавшись, а подошел спокойно, даже как-то нерешительно. И заговорил негромко и вежливо.

— Здравствуйте, — произнес он, остановившись в шаге от меня. — Я Вам не мешаю?

— Да нет, — настороженно ответила я. — Я как раз собиралась возвращаться.

— Подождите! — чуть подался он вперед, когда я начала разворачиваться. — Мне нужно поговорить с Вами. Я Вас долго не задержу.

Я вспомнила, как игнорировал меня странный Ангел, когда мне тоже просто необходимо было с кем-то поговорить — и решила не следовать его примеру.

А если этот сумасшедший ... провокатор опять решил меня на несдержанность проверить — я ему этого удовольствия больше не доставлю.

— Я слушаю Вас, — подчеркнуто приветливо сказала я, вновь поворачиваясь к нему лицом.

— Для начала я хотел бы извиниться, — начал он торопливо. — За то, что напугал Вас. Поверьте, это отнюдь не входило в мои намерения.

Ну-ну, подумала я, это что-то новенькое. В чем же Вы на этот раз меня испытываете? В обидчивости? В злопамятности? В мстительности?

— Ничего страшного, — вежливо улыбнулась я. — Я вовсе не испугалась. Это просто было немного ... неожиданно.

— Спасибо, — тоже нерешительно улыбнулся он. — И у меня есть просьба к Вам.

Ага, догадалась я, на сей раз меня тестируют на неожиданности. Может, Хамелеон сообщил, что я свой психотип определить не смогла? И меня решили реальным тестам подвергнуть, вместо воображаемых?

— Я Вас слушаю, — еще доброжелательнее произнесла я.

— Я знаю, что Вам рассказали мою историю, — уже без улыбки заговорил он. — Но, поверьте мне, далеко не полную. И я хотел бы ... если Вам не сложно ... чтобы Вы прочитали, как все на самом деле происходило.

Он вытащил из-под полы легкой куртки толстенную пачку листов бумаги. Я озадаченно уставилась на них.

Похоже, Хамелеон также сообщил о той вырвавшейся у меня фразе о желании помочь кому-то. М-да, нужно было точнее выражаться. Интересно, скажет ли он мне вот так прямо, что ждет от меня помощи?

— Зачем? — спросила я, старательно изображая сдержанное удивление.

— Мне хотелось бы узнать Ваше мнение, — ответил он, пристально вглядываясь мне в лицо. — История довольно запутанная, но к ней можно отнести как к практическому пособию в Вашем обучении.

Так, не остался без внимания и мой отказ запрашивать дополнительные материалы в последнее время. Что же мне такого особенного приготовили? Может, этот как-то связано с моим желанием вернуться на землю? Я вспомнила абсолютную уверенность странного Ангела в том, что нас ограничат в выборе. Меня отговорить от этого хотят? Но почему таким сложным путем — не положив мне эти материалы на стол, как в самом начале моих занятий, а через этого, бесконечно раздражающего меня раньше, Ангела?

— Я так понимаю, — сказала я с приличествующей случаю заинтересованностью, — что Вы изложили здесь свое видение той истории, взгляд на нее изнутри?

— Не совсем, — чуть качнул он головой. — В моей истории ... было много участников. Как ангелов, так и людей. Здесь собраны воспоминания о ней каждого из них.

— Людей? — уже совершенно искренне удивилась я. — Как вы их от людей получили?

— Я просто попросил их об этом, — невозмутимо ответил он. — У меня была такая возможность.

Эти его слова и решили дело. Вернее, мое любопытство, взвившееся в ответ на них. Познакомиться с реальным случаем провала нашего воздействия на человека было очень заманчиво. Понять, что привело к этому провалу — неумелость Ангела или упрямство человека — было просто интригующе. Узнать, как работает Ангел на земле, и увидеть его работу глазами людей было совершенно неотразимо.

Он продолжал пристально глядеть прямо мне в глаза. Было в его взгляде что-то — у меня тут же возникла очередная непрошенная ассоциация: рыба, подцепленная на крючок, за который ее вытаскивают из воды... Нет, только не вода! Честное слово, вернусь на землю — первым делом пойду и посмотрю, что в ней такого особенного!

— Хорошо, — отмахнулась я от навязчивого видения, — я с удовольствием прочитаю Вашу историю.

— Спасибо, — быстро отозвался он с явным облегчением. — И еще одно: пожалуйста, сообщите мне Ваше мнение, когда закончите, хорошо?

— Зачем? — снова насторожилась я от такой настойчивости.

— Скажем так, — ответил он, определенно подбирая слова, — мне очень важен свежий взгляд. Каким бы он ни оказался.

И он вновь уставился на меня наминающими глазами.

— Я постараюсь, — уклонилась я от каких-либо обещаний.

Кто его знает, вдруг на него минутное просветление нашло, а в следующий раз опять безумствовать начнет.

Я начала читать эту историю в тот же день. И к концу первой части чуть не бросила — столько там было имен и никакого объяснения, кто есть кто.

Но к любопытству подключилось терпение — очень хотелось все же добраться до тех частей, в которых люди высказывались. Кроме того, на занятиях Фонтанчик продолжал шутить над нелепыми представлениями человечества о нас, ни словом не упоминая о том, что мы делаем, чтобы исправить эти представления.

Нет, вот эта настоящая история контактов с людьми, пусть даже безуспешная, была намного интереснее.

Я продолжала упорно читать, составив список упоминаемых имен, чтобы разобраться, кто из них люди, а кто — Ангелы, и кто кем кому приходится. Для этого не раз и не два приходилось возвращаться назад и перечитывать отдельные части.

Разделить героев на людей и Ангелов было крайне сложно по той простой причине, что они вели себя одинаково. Одинаково эмоционально. Последнее у меня просто в голове не укладывалось. А как же ровность и спокойствие, о которых мне женщина-Ангел говорила? Или они только здесь приняты, а на земле можно волю чувствам давать? То-то меня туда тянет, с моими вспышками неконтролируемыми.

Или это земля так на нас действует? Кстати, и этот Ангел об этом пишет. Правда, судя по тому, что он пишет, он уже тогда сумасшедшим был.

Я также отметила, что у всех этих Ангелов на земле другие — у каждого свое — имена были. Это сразу же во мне отклик нашло, и я их так потом про себя и называла, чтобы не путаться.

Сумасшедший... Анатолий сказал мне во время последней встречи, что прямо общался со многими людьми. Хорошо. Я, кстати, почти догадалась, что он на земле психологом работал. Его человек — та самая Татьяна, за которую он меня принял — оказалась его женой. Хорошо. Возможность такого я тоже предполагала. Но ведь она же знала, кто он! Почему это не упростило ему задачу влияния на нее?

Причем, судя по другим Ангелам, такая откровенность не была ни правилом, ни исключением из него. Как Ангелы определяют, кому открывать свою природу, а кому нет?

Свои люди были не у всех Ангелов, которые при этом общались и с другими людьми, среди которых одни, в свою очередь, знали, что они Ангелы, а другие нет. Я почувствовала, что у меня голова кругом идет.

Да и сами эти Ангелы. У нас здесь особо тесные отношения между студентами не встречались, но сотрудничество в процессе обучения скорее приветствовалось. У Ангелов же в той истории царил полный хаос в отношениях. Некоторые из них почти открыто враждовали друг

с другом! Другие то были не разлей вода, то в упор друг друга не видели. Вот странный Ангел меня тоже временами игнорировал, но он хоть перед этим не изображал из себя моего лучшего друга!

Ситуация с людьми тоже какая-то наизнанку вывернутая была. Я имею в виду тех, которые об Ангелах знали. Я бы не удивилась, если бы Анатолий провалил воздействие на Марину. Ангелы у нее вызывали открытую неприязнь, но при этом она вполне мирно уживалась со своим собственным Ангелом, а в штыки воспринимала почему-то чужого. Но в Татьяне Анатолий, казалось, души не чаял, хоть и с ней абсолютно нормальным Ангелом назвать его было трудно. Как он мог ее потерять?

В своей комнате читала я эту историю недолго. Она шла настолько вразрез со всем, что я в этой комнате изучала, что мне просто не по себе становилось. Вскоре, после занятий я брала с собой пачку листов и уходила читать в лес. Там весь этот клубок событий и отношений не таким безумным казался.

Но даже в лесу мне иногда перерывы требовались. Мне нужно было отложить эту историю в сторону, оглянуться по сторонам, убедиться в спокойствии и постоянстве окружающей меня реальности — и попытаться осмыслить реалии прочитанной.

Больше всего меня интересовало, почему Анатолий принял за свою Татьяну меня. Может, я внешне на нее похожа? Никто в своих воспоминаниях ее толком не описывал, но мне хотелось думать именно так.

Характером я бы не хотела на нее походить. Какая-то она была ... непоследовательная. То сама покладистость и уступчивость, то находили на нее приступы самоуверенности. Наверно, в один из таких моментов Анатолий и потерял ее. Хотя он тоже хорош — мог бы и лучше изучить ее при столь долгом и близком общении и найти к ней подход в любом ее состоянии.

Я также никак не могла определиться в своем отношении к этим непонятным наблюдателям. Сначала я обрадовалась, что угадала раньше, предположив, что мы можем на земле невидимыми присутствовать. Но где у них элементарная вежливость была? Даже странный Ангел, еще не обученный как следует, и тот, почти нагрубив мне однажды, тут же опомнился и исправил впечатление. Враждебность тех Ангелов на земле это, конечно, не оправдывает, но я бы, наверно, тоже возмутилась.

Ну и, конечно, дети. Они вызывали у меня просто трепет. В земной жизни детей у меня, скорее всего, так и было, иначе я бы об этом помнила, но окажись я снова на земле, я бы хотела иметь именно таких детей.

Они казались мне чудом, объединяющим нас и людей, мостиком, соединяющим наши миры, шансом, данным всем нам, чтобы понять друг друга и стать лучше. Неужели за ними только наблюдают? Не может быть! Наверняка у нас есть какая-то служба, которая занимается контактами с ними.

Я стала с еще большим нетерпением ждать следующего курса.

Когда он начался, однако, я не услышала ни слова не только о такой службе, но и самих детей. А также о многом другом, описанном в истории сумасшедшего Анатолия.

Преподаватель, знакомящий нас со структурой небесного сообщества, чем-то напомнил мне Франсуа, с которым работала Татьяна и у которого тоже был свой Ангел. Тот тоже умел так представить то, о чем говорил, что у слушателей глаза загорались и слюнки текли.

Этот преподаватель рассказывал нам о подразделениях нашего сообщества, их целях и задачах — и у нас перед глазами вставляли одухотворенные лица хранителей, заботливые — целителей, ответственные — администраторов, а также мужественные лица Ангелов из службы внешней защиты и суровые — Ангелов из службы внештатных ситуаций.

Но он ни разу не упомянул наблюдателей. Хорошо, я из истории поняла, что это было засекреченное подразделение — наверно, новым Ангелам о нем знать пока не положено.

Но он и о темных Ангелах умолчал. Из воспоминаний их представителя, Макса, я поняла, что они находятся в оппозиции к руководству нашего сообщества, но ведь существуют они вполне открыто и даже частенько сотрудничают со службой внешней охраны! И если они в какой-то мере противодействуют другим подразделениям, почему нас сразу об этом не предупреждают?

Я не стала запрашивать дополнительные материалы по этому предмету. У меня вполне могли спросить, откуда у меня взялись сведения о более широкой структуре наших подразделений. Что-то настойчиво подсказывало мне, что о той истории, которую я читала, говорить не стоит. Если ее сочтут неподходящей для моего ознакомления, могут просто отобрать. А я уже представить себе не могла, что не узнаю ее конца.

Я вернулась к своему чтению и опять не могла поверить своим глазам. Ангел-хранитель совершил акт насилия в отношении своего коллеги — наблюдателя. И другие Ангелы не только не заклеили его позором, а даже одобрили его поступок! Хорошо. Возможно, Ангелы, находящиеся на земле, от людей агрессией заразились, но их еще и во время служебного разбирательства оправдали!

Дальше я уже вообще ничего не понимала. То, что Ангелы объединились для защиты детей, казалось мне совершенно естественным, хотя для этого и более цивилизованные способы можно было найти. Но они же потом тут же детей от себя отослали и вернулись к своим обычным мелким взаимным придиркам! И еще удивлялись, что дети им доверять перестали!

А вот когда я дошла до части Стаса, Ангела из внешней охраны, мне пришлось просто остановиться. То, что хранитель опустился до насилия, можно было списать на пагубное земное влияние. Но небесное руководство, планирующее насилие по отношению к ангельским детям? Глава службы внешней охраны, на глазах которого эти дети выросли, разрабатывающий детали этого насилия? Люди, оказавшиеся единственными посвященными в эти планы и оставшиеся один на один с угрозой потерять своих детей? Татьяна, просящая Стаса воплотить эти планы в жизнь и лишь сообщить ей об этом заранее?

Я вдруг поняла, что мне уже абсолютно все равно, как Анатолий потерял свою Татьяну. Я вдруг поняла, что не встану с земли возле этого дерева, пока не узнаю, что случилось с детьми. При мысли о том, что с ними все же что-то случилось, у меня возникло чувство, рядом с которым бывшее раздражение показалось легким бризом на фоне урагана.

Я читала, перелетая глазами со строчки на строчку, и невероятно возросшая после моего пробуждения скорость чтения вовсе не казалась мне достаточной.

Новогодняя вечеринка.

Предупреждение Стаса о готовности операции.

Скандал между Анатолием и Игорем из-за машины.

Ночной разговор между Татьяной и Анатолием.

Решение поехать к Татьяниным родителям.

Ожидание Анатолия в машине.

Появление Татьяны и ее слова о записке детям.

Эта записка...

Я моргнула и метнулась глазами по странице. Больше о записке там не было ни слова. Это и понятно — последнюю часть написал Анатолий, а записку детям оставила Татьяна...

Но я видела эту записку прямо перед своими глазами! Всего несколько строчек. Обращенных к Игорю. О том, что Татьяна с Анатолием любят его...

Нет...

О том, что мы с моим ангелом любим его, что он не должен сердиться, что мы уехали без него, и что мы всегда делали и будем делать все, чтобы помочь ему.

Мне не нужно было дочитывать историю до конца.

Я увидела нашу машину, едва ползущую в снежном буране.

Я увидела моего ангела, напряженно всматривающегося в белесую мглу.

Я увидела, чуть левее, едва различимые в ней пятна света от фар идущего нам навстречу грузовика.

Я увидела свою руку в перчатке, лежащую на руке моего ангела, вцепившейся в руль — в тот последний момент, когда я резко повернула влево этот руль...

ГЛАВА 7. Ожидание

Когда я понял, наконец, что делать, я просто поверить не мог, что это заняло у меня столько времени. Как я мог забыть, кто я? Я пытался напомнить Татьяне о любой своей ипостаси, кроме самой главной.

Да уж, неслучайно разрешают нам работать в видимости на земле в виде редчайшего исключения. Расхолаживают льготные условия, распыляют земные проблемы внимание, затмевают человеческие искушения истинные приоритеты.

А ведь мелькнула однажды мысль, что нельзя на Татьяну давить — нужно дать ей самой вспомнить, кто она. И дневник ее уже сколько времени под рукой был. И перечитывал я его раз сто, буквально видя каждую из описанных ею сцен...

И все равно, по земной уже привычке, стал навязывать ей другие сцены, которые мне важными казались. В конце концов, столько лет на земле она отдавала мне право принятия решения, что это право уже казалось мне естественным и неотъемлемым. Даже после того, как в самом конце она все решила по-своему.

Вот так однажды, в полном и ясном сознании, я признал, что заставить Татьяну вспомнить — себя, меня, нас — мне не удастся. И пусть только кто-то теперь заикнется о моей безграничной самоуверенности! Я и еще дальше пошел. Исключил себя из центра новой стратегии. Публично признал, что единственной по-настоящему важной частью ее жизни, которую никакие чистки до конца уничтожить не смогут, является наш сын. И смиренно попросил всех своих земных соратников-соперников помочь мне воссоздать именно эту часть ее жизни.

Они меня не подвели. Хотя каждый, конечно, по-своему. Но ожидаемо. В конце концов, их я тоже уже более-менее изучил. Знал, в целом, как к каждому подойти и чего мне это будет стоить.

Тоша, конечно, сразу согласился. Я был уверен, что в мое отсутствие Марина всю власть в нашем подполье захватила, и он наверняка уже понял, насколько ему комфортнее было под моим ненавязчивым руководством. И за моей надежной спиной, между прочим.

К Марининым условиям я тоже был готов. Когда это она упускала случай воспользоваться моим безвыходным положением? Если быть совсем честным, я куда худшего ожидал. Например, моего письменного — и кровью подписанного — обещания Татьяну на землю вернуть, а самому в родных пенатах остаться.

Стас, конечно, сразу на практические сложности нажимать начал. Ему мне даже возражать не пришлось — Марина, воодушевленная моей покладистостью, сама ему руки выкрутила. Вот пусть и посмотрит, как с ней справляться без моего мягкого сдерживающего влияния. А то внештатникам он меня отдаст, понимаешь!

К Максy я тоже сознательно напрямую не обратился. Во-первых, один раз уже просил — про ту бледную поганку хоть что-то выяснить; а во-вторых, знал, что он не удержится от соблазна в любом деле на главной сцене оказаться. Он прямо с места в карьер в роль и вступил, небрежно переиграв Стаса и в решении практических проблем, и в видении перспектив, которые моя просьба в отношении наблюдателей открывала.

А вот в отношении той бледной немочи он так ничего и не раскопал. Опять-таки ожидаемо — после того, как Стас заверил меня, что по его каналам о нем тоже никакой информации нет. Я было заикнулся, а не подсунили ли нам это непонятно что сами темные. Но Стас без малейшего сомнения отверг мое предположение. У темных свой обучающий центр имеется, и

их новички туда из общего приемника попадают. А засылать неподготовленного агента, добавил Стас, никто в здравом рассудке не станет.

Одним словом, я немного успокоился, поняв, что все мои собратья-ангелы в умелых Марининых руках оказались. Напишут и быстро. Она, правда, смутно ощутила мое отсутствие в своем стальном захвате, но восполнила его Анабель. Знала бы она, как я был ей признателен, что хоть ту ни о чем смиренно просить не пришлось.

Оставался Игорь. Я не стал говорить ему, что главной причиной моего отказа ему в участии были слова внештатников. За которыми, как я подозревал, крылись попытки получения дополнительного компромата для его окончательной дискредитации. И никто не мог исключить, что попытки эти не инспирируют наблюдателями.

Но точно также никто не мог исключить, что, будучи отодвинутым от гущи событий и оставленным без нашего с Татьяной сдерживающего начала, он сам себя не дискредитирует. И поскольку Татьяна бросила меня одного — временно! — в деле исполнения святого родительского долга, придется мне как-то совмещать свой твердый тон с ее мягкими увещаниями. Временно!

Так, твердый тон пока еще работает — Игорь пошел на кухню чай готовить. Я быстро отключился от своих соратников, уже замороженно глядящих Марине в рот, раздающий направо и налево указания, и набрал номер сына. Как там Татьяна всегда начинала? Святые отцы-архангелы, я же так ворковать не умею!

— Игорь, — максимально душевно произнес я, как только он снял трубку, — я понимаю, как тебе сейчас трудно...

— Ты уверен? — мрачно буркнул он.

— Конечно, уверен, — добавил я проникновенности в голос. — Так же, как и ты, я места себе не нахожу. Так же, как и ты, я только о ней и думаю, о том, как ее вернуть. Что уже только не перепробовал...

— Ты хоть что-то можешь делать, — снова перебил он меня.

— Да, но как видишь, пока ничего не получается, — пошел я на прямое самоуничтожение, и еще дальше — на лесть: — Без тебя.

— Так может, тебе стоит и меня послушать? — взорвался он. — Может, я тоже о чем-то думаю? Может, я тоже что-то придумал?

Так, похоже, неслучайно у нас с Татьяной было строгое разделение функций в святом родительском долге.

— Говори, что придумал! — коротко рявкнул я.

Сработало.

— Если она может меня вспомнить, — быстро и четко заговорил Игорь, — если у тебя там видеосвязь работает, почему не дать мне просто поговорить с ней?

Темные меня побери, почему я сам до этого не додумался? Ну, понятно, почему — я же хранитель, а не мой компьютерами ушибленный подмастерье! Он, спрашивается, куда смотрел? Подсказать не мог, чтобы меня собственный сын в дремучесть носом не тыкал?

Я представил себе, как даю Марине отбой на операцию «Вымуштруй ангела» и чего мне это будет стоить. Она же во всеуслышание заявит, что я именно ее не отредактированной главы убоюлся!

— Игорь, поверь мне, — вновь вернулся я к увещательному тону, — у нас остался один шанс. Это должен быть выстрел наверняка. Ее запрограммировали только на здешнюю реальность, поэтому есть очень высокая вероятность, что она технике не поверит, поскольку эта техника у нас не принята.

— А у тебя почему телефон работает? — спросил Игорь с интересом.

— Потому что у меня, — без ложной скромности ответил я. — У меня все, что нужно, всегда получается.

— Кроме того, чтобы маму вернуть, — без ложного пиетета вставил он.

Вот вырастил на свою голову! Откуда у него этот талант слышать именно те слова, к которым прицепиться можно? Впрочем, понятно, откуда. Слава Всевышнему, значит, можно бросить прикидываться его матерью, и начать говорить с ним, как с ней — мягко, но твердо.

— Не говори, чего не знаешь, — отрубил я. — Возвращал и не раз. Но с твоей матерью никогда нельзя было грубым натиском действовать.

Игорь недоверчиво фыркнул.

— Хорошо, — скрипнув зубами, продолжил я. — Вот скажи мне: если ты не хочешь что-то делать, тебя можно заставить?

— Конечно, нет! — еще раз фыркнул он.

— А в кого же ты, такой непреклонный, пошел? — вкрадчиво поинтересовался я.

— В тебя, — последовал мгновенный ответ.

Нет, я, конечно, польщен! Нет, я был бы польщен — в контексте другого разговора. И да, я это запомню — в качестве аргумента. В другом разговоре. Если еще раз попробует меня критиковать. Отправлю в зеркало смотреть.

— А давай послушаем, что нам на это со стороны скажут, — ухватился я за внезапно возникшую мысль. — Все воспоминания Тоша собирать будет, чтобы к печати подготовить. Хочешь с ними ознакомиться? Я думаю, о матери своей ты много чего нового узнаешь.

— Хочу, — неожиданно тихо сказал Игорь, и с такой тоской в голосе, что у меня весь боевой запал пропал.

— И звони мне, когда захочешь, — тоже негромко предложил я. — В любой момент. Если не смогу ответить сразу, перезвоню.

— А ты маму видишь? — снова оживился Игорь.

— Иногда, но сейчас только издалека, — честно признался я. — Не хочу рисковать. Наши воспоминания — это последний шанс, я тебе уже сказал.

— А ты сможешь мне ее показать? — У него дрогнул голос. — Хоть издалека?

— Как только она выйдет, — твердо пообещал ему я, решив, что потом придумаю, как это сделать в невидимости.

Это оказалось не так уж и трудно — я даже без Тоши справился. Закрепил телефон в коре дерева, включил, отошел — и увидел на экране часть леса. Прошелся по обычным Татьяниним дорожкам, отмечая стратегически расположенные деревья и выковыривая на них кору на нужной высоте, чтобы телефон в глаза не бросался. Проверил — телефон работал во всех выбранных местах.

Мы с телефоном, правда, довольно долго только часть леса и наблюдали. Татьяна туда больше не приходила. Я сходил пару раз в разведку к ее комнате, чтобы убедить и себя, и Игоря, что с ней все в порядке.

Она всякий раз сидела за столом с книгами. Я не преминул привлечь внимание Игоря к этому блестящему примеру — еще не хватало, чтобы он учебу забросил. И даже кое-как пристроил телефон в окружающей Татьянин двор растительности, чтобы продемонстрировать ему этот пример воочию. И замер возле кустарника в позе нищего на паперти, страхуя телефон от падения и поминая парой отборных выражений чрезмерную усидчивость Татьяны. Я, что, резчиком по дереву двое суток трудился только для того, чтобы здесь единственного средства связи с землей лишиться?

— Так ничего же почти не видно, — буркнул телефон голосом Игоря, и я едва успел его подхватить.

— Ты, по-моему, на издалека был согласен! — рявкнул я шепотом, переходя в аудио режим.

— А чего ты шепчешь? — тоже понизил он голос.

— Чтобы твоя мать в источник непонятных звуков чем-нибудь не запустила, — объяснил я, с максимально возможной скоростью удаляясь на безопасное расстояние.

Игорь нервно прыснул.

— Я же тебе говорил, что ты много чего о ней не знаешь, — уже нормальным голосом добавил я, добравшись до леса. — Она еще в самом начале, когда меня ... пригласили ... на разговор сюда наверх, моему сменщику чашкой чая в голову бросила.

— И что? — оживленно поинтересовался Игорь.

— И ничего, — гордо ответил я. — Тошу потом из невидимости почти пинками выгнала. Сказала, что иначе его наощупь найдет и не обещает, что его горло под руками не окажется.

— Да ну! — восхитился Игорь.

— А наблюдателю твоему, — ударился я в дальнейшие воспоминания, — вообще минуты передыху не давала, как только о нем узнала. В угол его однажды загнала и допрос устроила. Тот, правда, с самого начала чурбан чурбаном был.

— Интересно, — протянул Игорь. — А я думал, что только тебе с рук сошло, когда ты его окном нокаутировал.

Я вдруг явственно расслышал в его голосе нотки нездорового возбуждения.

— Игорь, даже не думай об этом! — зазвенел мой голос ... как сталь, а вовсе не от испуга. — Твоей матери все с рук сошло, потому что я ее прикрывал. Мне и сейчас ее прикрывать нужно — и только ее одну.

— Меня прикрывать не надо! — огрызнулся Игорь.

— Правильно, — согласился я, молясь всем святым, чтобы и дальше так было. — Потому что ты понимаешь, что сейчас по-настоящему важно, и не будешь усложнять мне задачу.

Игорь яростно засопел в трубку.

— Он тебя все также донимает? — спросил я.

— Да плевать я на него хотел! — не менее яростно рявкнул он — похоже, не только для моих ушей.

— А вот и зря, — снова понизил я голос, чтобы дошло только до его ушей. — Ты сейчас можешь оказать нам всем еще одну неоценимую услугу. Записывай все его проявления враждебности: даты, время, обстоятельства и, главное, их последствия. Например, вечером он у тебя над душой стоит, заснуть не дает — а на следующий день ты проспал или на занятиях от головной боли мучился.

— Зачем? — озадаченно спросил он.

— Однажды твоя мать придет в себя, — терпеливо объяснил я. — Вот тогда мы за наблюдателей и возьмемся. И чем больше у нас будет доказательств их пристрастности, тем быстрее мы их на место поставим.

— Обещаешь? — тут же отозвался Игорь.

— Конечно, — уверенно ответил я.

— Нет, обещаешь, что мы вместе их на место поставим? — уточнил он.

— Хорошо, — уже не так уверенно согласился я.

Необходимость вернуть Татьяну обростала все новыми гранями — пожалуй, только ей, из собственного опыта, удастся убедить нашего сына в важности обеспечения нашего же тыла.

Первые пару дней он звонил мне постоянно, и за это время я узнал о нем больше, чем за несколько предыдущих лет. Учеба давалась ему, как всегда, легко. Свое участие в их с Дариной бурной деятельности по объединению и сплочению ангельских детей он практически прекратил, как я и просил. За Дарину я не волновался. Во-первых, оставшись без мозгового центра в лице моего сына, она наверняка свела все их многочисленные международные контакты к простому светскому общению. Во-вторых, ее очарованный до отупения наблюдатель вряд ли увидит что-либо предосудительное в любом ее деянии, а нагрянь проверка — она и проверяющих вокруг мизинца обведет.

Освободившееся время Игорь отдал своему новому увлечению. К праву, он, как выяснилось, уже охладел, чему я бесконечно обрадовался — можно было больше не сушить себе голову, как не дать ему подпасть под влияние Макса. Увлёкся он аналитикой — той информацией, которую они с Дариной уже накопили.

— Зачем это тебе? — удивился я.

— Пока не знаю, — неохотно ответил он. — Мне просто кажется, что есть какая-то закономерность в нашем появлении.

— Ну давай, ищи, — подбодрил я его. — Нам сейчас никакая информация не мешает.

— Слушай, — вдруг спросил Игорь, — я знаю, что Тоша аккумуляторы тебе передал, а денег-то у тебя на счету сколько?

Я похолодел. Сколько я уже звонил? А если прямо сейчас отключится? Опять к Стасу идти? А если он опять не в настроении? Нет, прямо сейчас набрать Тошу, чтобы хоть объяснил, как в этом новшестве состояние счета проверять, а заодно и попросить его...

— Я понял, пополню, — небрежно бросил Игорь.

— А я не понял, — напрягся я. — Откуда у тебя деньги?

Я знал, что все его потребности Тоша обеспечит — после аварии Стас ему мой бумажник со всеми кредитками отдал, а я при первом же контакте коды к ним ему сообщил. Но кто ему сказал, что на моего сына можно просто так золотой дождь проливать?

— Я после сессии работать начал, — гордо сообщил мне Игорь.

— Так тебе же восемнадцати еще нет, — подозрительно заметил я.

— А я у Марины работаю, — пояснил Игорь. — Тоже аналитику ей делаю по перспективности направлений туров. Она ей с рекламой помогает.

Теперь понятно — рано успокоился насчет пагубного влияния. Если выбирать между Мариной и Максом, я бы предпочел, чтобы мой сын стал отшельником.

— Ты у нее в офисе работаешь? — решил я оценить масштаб возможного ущерба, который мне потом исправлять придется.

— Нет, дома, — ответил Игорь. — Ты же сам сказал, что она еще не может меня официально на работу взять. Результаты ей по почте пересылаю.

Ладно, тогда еще ничего. Я вспомнил Маринины инквизиторские инспекции во время моих первых психологических сеансов с ее подчиненными. Да-да, я помню, что мою первую работу она мне нашла. Но у меня же совсем другая ситуация была! У меня уже был дом, свадьба на носу, не говоря уже о нежелании упасть лицом в грязь перед Татьяниным отцом. А Игорю деньги зачем?

— И сколько же она тебе платит? — не удержался я.

— Мне хватает, — уклончиво ответил он.

Вот в этом вопросе он точно не в меня пошел. Я всегда знал, сколько стою, и не стеснялся заявлять об этом. Правда, иногда, при первой встрече, люди несколько странно на это реагировали, но потом всегда признавали, что мои тарифы соответствуют моей квалификации.

Первые дни только эти разговоры с Игорем и скрашивали мою жизнь. Татьяна все также не выходила, а мои соавторы оказались куда медлительнее меня. Моя глава написалась на одном дыхании — под впечатлением от Татьяниного дневника и как прямое его продолжение. Как бы подхватив ее рассказ, я просто физически чувствовал, что слово за словом восстанавливаю нашу связь. Я и закончил на том, как спрятал этот дневник, который она хотела уничтожить — словно тогда еще знал, что он пригодится.

Затем пришлось просто ждать остальные главы, которые, как меня предупредили, будут поступать в строго хронологическом, Мариной утвержденном, порядке. Обиднее всего было то, что Игорь и Тоша — и Марина, в чем я не сомневался — читали все воспоминания первыми. Игорь даже звонить намного реже стал.

Вот так у нас всегда, думал я, бродя по лесу в одиночестве и забвении и пиная попадающиеся деревья ногой с силой, прямо пропорциональной растущему раздражению. Кто блестящие идеи генерирует, детальные планы по их реализации разрабатывает — и кто первым их плодами пользуется? Кто манией величия страдает, заговоры за спиной плетет — и кто за это отдувается?

То ли раздражение достигло критической величины, то ли очередное дерево только с виду таким же, как остальные, было, но пнув его от души ногой, я тут же заскакал на другой, тихо взыв. Нет, вот это уже все! Мало того, что они меня стреноживают в святом порыве восстановить Татьянину память, так еще и до физической хромоты довели! А если я теперь до конца своих дней ковылять буду? А если она опять бежать бросится, когда я ей воспоминания вручать буду? Мне ее тогда в броске, в полете, что ли, останавливать?

Я вытащил телефон, чтобы поинтересоваться ... вежливо поинтересоваться у Тоши, сколько у меня времени на восстановление мобильности перед восстановлением своей семьи в полном составе.

Телефон зазвонил. Сам. Тоша. Святые отцы-архангелы, он, что, все-таки передает мысли? Они, что, уже все написали? Как только я захромал?

— Ну, — проворчал я, осторожно ступая для пробы на ушибленную ногу и судорожно вспоминая, о чем я думал во время последнего разговора с Игорем. — Дописали, наконец?

— Чего? — явно растерялся Тоша. — А, нет, там с людьми задержка. Светин Олег заартачился, она сейчас с его слов записывает. Марина с Максом уже закончили, а я...

— Что ты? — грозно рявкнул я.

— Понимаешь, — сбивчиво затараторил он, — я Маринину часть прочитал, и Макса тоже, и понял, что смягчить нужно — в свете дальнейшего распространения. И так скандал будет, зачем же еще и на конфронтацию сразу идти? Нам же нужно решение вопроса с детьми, а не тотальная облава здесь.

— А покороче можно? — поторопил я его, закипая.

Он еще будет политкорректные кружева плести, пока я здесь в прямом смысле слова головой о стенку бьюсь? И не важно, что не головой и не о стенку.

— Да не короче, — огрызнулся он, — а наоборот, слишком длинно получается. Придется мою часть на две разбить. Мы с Мариной уже все перетасовали.

Забывшись, я от возмущения топнул ушибленной ногой. Возникшая реакция вырвалась у меня из горла легким хрипом. Потом хрустнули сжатые зубы, остановив остальные звуки. Вот если ему сейчас мои мысли передаются, то я двумя руками за!

— Да не психуй ты! — досадливо крикнул он. — Половина текстов уже у меня, сейчас komponую, передаю Макс, а там уж, как его ... банда со Стасом договорится.

Я молчал, старательно гася облегчение. Чтобы по телефону не передалось.

— И вообще, — вдруг разозлился он, — я тебе совершенно по другому поводу звоню. Откуда этот тип взялся, о котором ты Макса спрашивал?

В голове у меня молнией вспыхнула мысль, что у меня телефон сломался: от меня и слова, и мысли передает, а назад — ни того, ни другого. И не надо мне намекать, что я вместе с ногой и голову себе отбил. Разумеется, я понял все его слова — но не их смысл. Какое отношение имеет эта бледная немочь к нашим воспоминаниям?

— Не понял, — честно ответил я на свой вопрос.

— Ты у Макса спрашивал о каком-то типе, — медленно и отчетливо повторил Тоша. — Ну, такой — прозрачный. Макс мне его показал. А потом Аленка его у меня в мыслях увидела. А потом его ее наблюдатель узнал.

— В смысле, узнал? — оторопел я.

— В том смысле, — еще медленнее произнес Тоша, — что его история входит в программу подготовки наблюдателей. Аленкин говорит, что он — один из первых ангельских детей.

Я прислушался — в голове было абсолютно, совершенно пусто. Ну хоть что-нибудь, взмолился я, обращаясь к мыслям, и через мгновение пожалел об этом. Они участливо откликнулись на мой призыв ... и чуть не похоронили меня под своей лавиной.

Это не случайно, вопила одна. Они узнали о твоём плане, вторила ей другая. Они пытаются его поломать, они уничтожают последнюю ниточку, связывающую Татьяну с землей, они пытаются подсунуть ей замену Игорю, выкрикивали наперебой третья, четвертая, пятая...

— Что делать-то? — спросил Тоша после затянувшейся паузы.

— Значит, так, — произнес я сквозь зубы, наливаясь бешенством, — пока никому ни слова. Пока я с ним не разберусь.

— Как разберешься? — тут же насторожился Тоша.

— Не переживай! — неожиданно для себя самого развеселился я. — Все будут живы и здоровы. Пошел-ка я в разведку.

— Ты там не расходишь особо, — буркнул он на прощание, но с явным облегчением.

Я еще успел предупредить его, чтобы не звонил мне пару дней, пока я сам на связь не выйду, и попросить о том же Игоря. Ему пришлось объяснять, что я хочу попробовать к его матери поближе пробраться, и что даже виброзвонок может меня выдать.

— Пап, осторожнее, пожалуйста, — только и ответил мой сын.

Да что они, сговорились что ли? Когда это я был неосторожным? Кроме самых крайних случаев, конечно. Да и тогда я каждый свой, с виду опрометчивый, шаг всегда тщательно выверял и просчитывал.

Именно этим я и сейчас занялся. Похромал до круглого здания и дальше — к его обкромсанной части. Намереваясь присмотреться к расписанию дня ее обитателей, чтобы проскользнуть внутрь здания во время их занятий. Но так уж удачно сложилось, что я добрался туда как раз в это время. Не упускать же такой шанс! И нога уже прекратила ... почти прекратила возмущаться ... резко возмущаться, когда я на нее ступал. Не идти же на поводу у собственной ноги!

И как это у меня всегда случалось, твердость характера была немедленно вознаграждена.

Во втором же изуродованном дворе дверь в комнату оказалась открыта. Я мысленно поблагодарил его обитателя за возможность без особых усилий проникнуть в здание и от всей души надеялся, что он изъявит желание пойти во внештатники: чем больше у них разгильдяев, тем спокойнее живет всем остальным.

Затем, не успев я подумать, по каким признакам мне учебную аудиторию разыскивать, как дверь из комнаты прямо в нее и открылась. А вместе с ней и картина, которая мне сначала понравилась.

Татьяна сидела в стороне от всех остальных студентов. А, нет, не всех — бледная немочь тоже в стороне расположилась, и скорее ближе к Татьяне, чем к другим. Это мне понравилось намного меньше.

С другой стороны, как через некоторое время убедился я, они никак не контактировали. Совсем — ни словом, ни взглядом. Татьяна с увлечением слушала лектора, а этот провокатор сидел с отрешенным лицом, словно мыслями совершенно в другом месте пребывал. Оставалось выяснить, в каком именно и с какой целью. За чем я и пришел.

Для этого нужно было дождаться конца лекции, и, к счастью, он наступил довольно скоро. К счастью — потому что за неимением других занятий, я тоже начал слушать этого, с позволения сказать, преподавателя.

Я бы возмутился этим бредом, даже если бы он моей земной профессии не касался. Вот так с самого начала, с самых азов формируют у наших новичков такое примитивное представ-

ление о людях, а потом мы на земле раз за разом в шок впадаем, столкнувшись с ними реальными. В шок и в неординарные ситуации, как их называют те мои соплеменники, которые земную жизнь исключительно с небесной выси наблюдают. И слушать не хотят, насколько эта жизнь сложнее и многограннее всех инструкций, ими написанных.

А на земле я бы этого соловья залиvistого иначе, как шарлатаном, и не назвал. Ну да, психотипы, антиподы и дуалы, гороскопы — может, еще карты Таро и гадание на кофейной гуще предложит? Вот неслучайно у меня от клиентов отбоя не было — с моим глубоким индивидуальным подходом.

Наконец, эта феерическая чушь закончилась. У меня возникло непреодолимое желание раздвоиться: одна часть меня, земная, рвалась пойти вслед за Татьяной, другая, по-ангельски ответственная, тянула меня за провокатором. Естественно, в родных пенатах победила последняя. И Татьяна, к тому же, чуть задержалась, строча что-то на маленьком листке бумаги.

Хилый провокатор удалился из аудитории, ни разу не глянув по сторонам. Я бы предпочел, чтобы он остановился поболтать с кем-то — желательно, у своей двери и, категорически, не с Татьяной — но он, по всей видимости, был строго ориентирован на свою миссию окончательного затуманивания ее сознания. Ничего, проскользну прямо за ним — на земле, только с Татьяной, я этот трюк не одну сотню раз проделывал.

Он зашел в свою комнату и, не глядя, толкнул дверь назад. Я чуть придержал ее, сгибаясь, чтобы нырнуть прямо в хорошо просматривающийся угол комнаты... Он вдруг резко обернулся, обшарил глазами пространство вокруг двери и резким толчком захлопнул ее. Прямо мне в лицо. Которое я едва успел отклонить.

И кто-то мне скажет, что это наш простой, пусть даже не совсем обычный, новичок?

Вот только не на того он напал. Мастерством со мной мериться? Ну-ну. Я оглянулся. Татьяна и ее соученики уже тоже расходились по своим комнатам, причем последние обменялись на прощание какими-то прибаутками.

В мгновение ока я оказался у двери разгильдяя, а в следующее — в его дворе. Сориентировавшись, я направился ко двору подсадной утки. То, что его поместили в заросшую часть, меня совершенно не удивило — наверно, чтобы скрыть его деятельность от случайных глаз.

А вот от моих не получится, мстительно подумал я, подныривая под кустарник напротив его комнаты. Где и замер, согнувшись в три погибели и схватив рукой качнувшуюся было ветку.

Бледная немочь стояла во дворе и все с тем же нехорошим прищуром смотрела прямо в мою сторону. Ушибленная нога совершенно недвусмысленным образом дала мне понять, что находится на пределе возможностей и что если она подкосится, у меня рук не хватит содрогнувшиеся ветки фиксировать.

Заставить меня отступить второй раз? Еще и на полдороге к успеху? Ну-ну. Я осторожно, одну за другой, уложил части тела на землю и вполз прямо на дорожку, чтобы ни единую травинку не пошевелить. Там я снова замер, чтобы в случае его чрезмерно активной любознательности ... действовать по ситуации. Если придется охлаждать его пыл, пусть потом докажут, что это я в этих зарослях был.

Охлаждать пришлось мое нетерпение, причем весь оставшийся день. Все нормальные новички за книгами сидели, готовясь к следующему занятию, а этот на турнике и брусьях кувыркался. По очереди. Это тоже типично, скажете? Или это он после нашей прошлой встречи упражняется — к следующей готовится?

Больше всего меня раздражало то, что он даже отдыхать в комнату не уходил — прямо во дворе на шезлонге растягивался. Я бы от скуки и сам покувыркался. Кроме этой необычной физической активности, ничего подозрительного я так и не заметил. Никакого тебе составления отчетов, ни получения инструкций, ни попытки выбраться наружу, чтобы понаблюдать

за объектом операции. Даже отдыхая, он не замирал с отсутствующим видом, типичным для мысленного общения, а наоборот — наслаждался, казалось, тишиной и одиночеством.

Когда на следующий день он ушел, наконец, на занятия, я подтянулся на турнике ровно на десять раз больше, чем он, и твердо решил, что наблюдение нужно продолжить. Равномерно распределив свое внимание между этим абсолютно непонятным субъектом и его жертвой. Превратить в которую мою Татьяну я ему не позволю.

Проникать в здание через его комнату я не решился — кто его знает, вдруг он на этот раз прямо у своей двери в аудитории разместился и поджидает. Я с ним мизинцем, конечно, справлюсь, но лишнее внимание нам ни к чему. Если бы эту лекцию вообще отменили, я был бы только за, а так — еще аудиторию поменяют, до выяснения обстоятельств, ищи потом ее. А я сегодняшний день твердо настроился Татьяне посвятить.

Очень мне не понравилось то увлеченное внимание, с которым она этого шарлатана от психологии слушала. Если бы не другие студенты, я бы решил, что неуловимые они ей не только замену Игоря пытаются подсунуть, но и все аспекты меня похоронить под селевым потоком ложных воспоминаний. Где гарантия, спрашивается, что, когда к ней вернется память, она с ними не перемешается? И кому, как вы думаете, придется отделять зерна от плевел?

Как истинный профессионал, я решил отделять их сразу. Проникнуть за Татьяной в ее комнату труда не составило. Она сразу к столу бросилась, и я спокойно вошел вслед за ней — еще и дверь самому закрывать пришлось. Поваяло ностальгией по тем временам, когда я все за ней доделывал, в невидимости.

Трудности начались потом. Оказавшись в шаге от Татьяны в этой маленькой комнате, я вдруг явственно увидел перед собой ее офис в то время, когда она только-только узнала о моем существовании. Тогда я с ней на работу еще, как обычно, в невидимости ходил, а она просила меня время от времени знаки моего присутствия ей подавать. Вот точно так же — только руку протяни...

Куда? — рывкнул я мысленно руке. Может, Татьяна все и забыла, но у нее и тогда реакция на неожиданные прикосновения была на уровне рефлексов — я не всегда уворачиваться успевал. А сейчас с поврежденной-то ногой? А если она по второй попадет? Нет уж, наполнился я вчера, хватит!

Чтобы отвлечься, я заглянул из-за Татьяниной спины в книги, наваленные у нее на столе. Нет, это уже просто вредительство! Мало им создать о людях впечатление как о роботах запрограммированных, так еще и новичков нужно под эти дурацкие стереотипы подогнать! Вот что-то не помню я такого курса в своем обучении. И не важно, что я ничего другого из него не помню и вообще, когда оно было. Это определенно какое-то новшество, забивать которым голову Татьяне я не позволю. Нет, мы не позволим — ангел-хранитель и высококвалифицированный психолог. Которые, к счастью, могут объединить свои усилия в одном мне.

Ведь разрушить мою связь с ней им так до конца и не удалось. Сумел же я что-то ей внушить даже через ту стеклянную дверь. По-моему. Значит, сейчас буду ей внушать то, что своим земным клиентам мог просто сказать. Когда это меня трудности пугали? Я сосредоточился и принялся за свою обычную работу. Что позволило мне не отвлекаться ... в целом ... на изгиб ее шеи, шелковистые волосы, переброшенные на одно плечо, изящные пальцы, перелистывающие страницы...

Так, умница, услышала — отложила в сторону всякие гороскопы. А физиономистика нам зачем? Я же еще тогда, когда Олег этой тупиковой ветвью психологии увлекся, неоднократно объяснял — во всеуслышание и неоспоримо — что попытка трактовать работу сознания по мимике и жестикуляции является чистейшим волюнтаризмом. Что, если у объекта наблюдения нервный тик, к примеру?

Ох, ты! Забыл я, однако, что с Татьяной нервный тик гарантирован как раз наблюдающему. Она вдруг вскочила со стула и ринулась к двери — я инстинктивно отшатнулся и тут

же рванул за ней. Перед дверью она, однако, остановилась и повернулась к зеркалу — я едва успел затормозить. В глубоком поклоне, так как уже согнулся, чтобы у нее под рукой наружу проскользнуть.

О, слава Всевышнему, мои рефлексy тоже проснулись! И тут же пинком отправили меня ей за спину, откуда я подозрительно уставился на ее отражение в зеркале. Она недовольно нахмурилась — и снова метнулась к столу. Я догнал ее, когда она книгу в руки схватила — и назад мы вернулись уже в одном плавном и синхронном движении.

Она принялась упражняться в мимике, раз за разом заглядывая в книгу. И честно признаюсь — я позволил ей гримасничать перед этим зеркалом, сколько ее душе было угодно. Хитрая улыбка, надменно вскинутая бровь, грозно нахмуренный лоб, обиженно поджатые губы — все они делали ее слишком прекрасное лицо похожим на мою Татьяну. Я глаз от него в зеркале оторвать не мог, лишь методично бубня «Не подходит» всякий раз, когда она сверялась с толкованием своей мимики в книге.

Так мы разделились с физиономистикой. Я принялся внушать ей, что самое время отдохнуть и пройти прогуляться, но она заупрямилась. Вот нельзя было ей память и об этой черте заблокировать?

Дальше она взялась за тесты с совершенно уже немыслимыми вопросами. Что бы Вы делали на космическом корабле? Или если бы выиграли миллион долларов? Что может на это ответить обычный человек, который эти вещи только на экране видел? И то — в виде декораций. Или еще лучше — Как бы Вы провели свободный вечер? Ну, конечно, дома, со мной! Или куда бы Вы поехали в отпуск своей мечты? Разумеется, к морю, со мной! Или с кем бы Вы хотели оказаться на необитаемом острове? Естественно, со мной!

В общем, бились мы с этими тестами несколько дней. И я никогда еще не был так горд собой, как в тот момент, когда в ответ на вопрос этого преподавателя Татьяна ответила, что так и не смогла определить, кто она. На этот вопрос я бы мог ответить: уникальная она, не придумали для нее определения.

Ну да, расчувствовался — упрямство у нее тоже уникальным оказалось.

Когда она спросила бледную немочь о дополнительных материалах, я чуть не взвыл. Когда он ей в ответ почти нахамил, я едва сдержался, чтобы оплеуху ему не отвесить — и плевать на привлечение внимания. Но они уже разговорились — и я растерялся. С одной стороны, меня, мягко говоря, не устраивало это постороннее влияние на Татьяну. С другой — я, вроде бы, за ним понаблюдать пришел, но никак не мог решиться оставить Татьяну наедине с этой макулатурой. С третьей — он, большей частью, правильные вещи говорил.

И о пристрастии людей классифицировать все и всех вокруг. И об их готовности следовать по кем-то проложенному для них пути. И о подавлении личности социумом. И о трудности противостоять этому давлению.

Но зачем он ей здесь обо всем этом говорит? Нейтрализует ее возможное воспоминание обо мне как о психологе? Убеждает ее, что ею на земле тоже управляли? И что это за намеки, что неуправляемых нигде не любят? Ладно, мне-то с последним трудно спорить. И это его заявление, что его, ангельского ребенка, признали безнадежным случаем? Он внушает Татьяне, что на Игоре крест нужно поставить? Ну, это мы еще посмотрим! Да допишут они когда-нибудь или нет?

Одно хорошо — все эти его разговоры явно погасили интерес Татьяны к тестам. Она все еще листала книги в своей комнате, но скорее машинально, а я никак не мог избавиться от мысли, что что-то в его словах было не так. Ангельский ребенок спокойно, почти обреченно и практически прямо заявляющий о невозможности своего существования? У меня мурашки по коже пошли.

Потом еще раз. И еще. Причем сосредоточились эти мурашки исключительно в нижней части спины, и только справа. Я нервно ощупал себя. Да это же телефон! Я же просил пока не звонить! Вот сейчас узнаю, кто, и убью. Если это не Игорь.

Я вытащил телефон из заднего кармана джинсов. Незнакомый номер. Не понял. Кому это Тоша мои контакты понараздавал?

Я глянул на Татьяну. Она вся ушла в книгу — вряд ли достаточно глубоко, чтобы я у нее за спиной даже шепотом поговорил, но вот стеклянную дверь чуть приоткрыть...

Телефон перестал вибрировать, как только я вынырнул из-под кустарника. Ну, знаете, это уже наглость! Я быстро нажал обратный вызов.

— О, отлично! — тут же отозвался телефон довольным голосом Стаса. — А я уже решил, что не работает.

— Подожди, — негромко сказал я, и ринулся к лесу.

Едва добравшись до первых деревьев, я наконец-то дал себе волю.

— Вы там вообще все обалдели? — заорал я. — Просил же подождать, пока я понаблюдаю! Этот же на любой шорох оборачивается! Тебе-то телефон зачем? Мысленно не мог со мной связаться?

— Мог, — отрывисто ответил Стас. — Но решил не рисковать. Этот канал точно не прослушивается.

— Не понял, — насторожился я.

— Вот и я не понял, — в тон мне ответил Стас. — Тебе уже готовые опусы нужны или нет?

— Они у тебя? — чуть не задохнулся я.

— У нас, — загадочно буркнул Стас.

— Бегу! — бросился я вглубь леса.

— Не спеши, — остановил он меня в броске. — Передавать иначе будем. Не нравится мне, что происходит.

— В смысле? — спросил я с упавшим сердцем.

— Похоже, мысленную связь слушают, — медленно проговорил он. — Получил сигнал от темных, что опусы у них, назначил рабочую встречу — и на следующий день на входе в наше здание досмотр ввели.

— Что? — не поверил я своим ушам.

— Досмотр, — нетерпеливо повторил Стас. — Внештатники. Всех входящих. Еле отбой дать успел. Так что, будешь возвращаться — готовься.

— Никуда я не буду возвращаться, — произнес я сквозь зубы, — пока Татьяне воспоминания не передам. Мне теперь за ними, что, к темным?

— Не выйдет, — мрачно ответил Стас. — К ним дорога тоже перекрыта. Все контакты только на нашей территории и после досмотра.

— А если я инвертируюсь? — предложил я. — К тебе же пробрался.

— Ты уверен, что хочешь рискнуть? — язвительно поинтересовался он. — Лучше слушай: мы, вроде, все продумали.

— Говори. — Я весь обратился в слух.

— У темных обучающий центр там же, но чуть дальше, за посадкой, — принялся отрывисто объяснять Стас. — То есть они в полном праве туда наведываться. Найди там какое-нибудь укромное место, отметь его и мне сообщи. По телефону, — с нажимом добавил он. — Там тебе все оставлять будут.

— Понял, — быстро сказал я. — Пошел.

— Давай, — бросил он, и тут же спохватился: — Нет, подожди. Что это за наблюдение ты там ведешь?

— Да за Татьяной, — неохотно ответил я, кляня свой язык. — Ей тут всякую чушь в голову вбивают.

— Да? — недоверчиво протянул Стас. — А кто тогда на каждый шорох оборачивается? Ага, значит, Тоша мои указания в точности выполнил. Это я сам их нарушил. И не дай Всевышний, он когда-то об этом узнает.

— Стас, — небрежно начал я, как о сущей безделице, — тут еще одна странность образовалась. Не хотели тебя нагружать, пока я не разберусь.

— Какая странность? — произнес он зловеще негромким голосом.

— Помнишь, я тебе типа показывал? — напомнил я ему. — Для Макса?

— Дальше, — бросил он.

— Вы по нему ничего не нашли, — заговорил я почему-то быстрее. — А один из наших наблюдателей узнал в нем исполина, как они наших детей называют. Одного из самых первых.

Стас какое-то время молчал.

— И что ты нанаблюдал? — спросил он наконец.

— Ничего понятного, — признался я. — Он ни с кем не контактирует. Только с Татьяной изредка. Но любое движение даже спиной чувствует. И разговоры ведет странные.

— Какие еще разговоры? — еще тише спросил Стас.

— Да не со мной! — успокоил я его. — С Татьяной. О тотальном контроле и управлении — причем везде. Похоже, даже у нас.

— Интересное дело, — задумчиво протянул Стас.

— Я думаю, его специально к Татьяне приставили, — высказал я еще одно предположение.

— После полной чистки памяти? — усомнился он. — Как-то это слишком сложно. Нет, здесь что-то другое...

— А можно его земную историю как-то узнать? — вдруг пришла мне в голову мысль.

— У наблюдателей? — изумился Стас.

— А почему нет? — настаивал я. — У Тошиных. Они ведь и тогда помогли, когда с нашим инцидент приключился, — Стас хмыкнул, — и сейчас сами на контакт пошли.

— Я должен подумать, — решительно заявил мне Стас. — Что-то напрягают меня эти совпадения. Ваша авария...

— Не наша, а ваша, — не удержался я.

— ... с мелкими связана, — проигнорировал меня Стас. — И тут же мелкий аксакал выскакивает. И меры безопасности вдруг до абсурда доходить начинают... — Он снова помолчал, и вдруг рявкнул: — Вот откуда ты на мою голову взялся?

— Я здесь при чем? — возмутился я.

— Почему вокруг тебя вечно турбулентность возникает? — продолжал кипятиться он. — Где бы ты только не появился! Вокруг тебя все же рушиться начинает! Ладно бы только на земле...

— Вокруг тебя все рушиться только начинает, — тоже завелся я, — а у меня все уже разрушилось, и не моими стараниями.

— Ладно, давай восстанавливать, — мгновенно остыл он. — За аксакалом понаблюдай, раз ты уже на месте, но издали. Главное — место для опусов найди. Все, — отключился он, даже не попрощавшись.

Мимолетно глянув в сторону круглого здания, я бросился в сторону дальнего леса. Непосредственная угроза Татьянинному разуму ликвидирована, теперь главное — его в сознание привести.

Прочесывая дальний лес, я обнаружил, что по мере удаления от нашего обучающего центра и приближения, по всей видимости, к такому же центру темных, этот лес становился все более похожим на человеческий. Очень мне обидно стало — пока я не заметил, что и укромных мест там намного больше. Но как их отметить?

Выручила меня, естественно, любимая стихия. Ручей в лесу оказался только один, и ближе к темным он был полноводнее, но все с тем же каменистым дном. Увидев в одном месте поваленное дерево, заросшее с обеих сторон травой, за которой, однако, вполне можно было под ствол небольшой предмет спрятать, я соорудил возле него небольшое языческое капище из камней, нервно посмеиваясь над иронией ситуации.

Позвонив Стасу и объяснив, как найти это место, я устроился неподалеку в ожидании. Ожидание затянулось. Я уже раздраженно поглядывал на часы, решая, то ли здесь оставаться, пока воспоминания не принесут, то ли возвращаться, чтобы с Татьяной на занятия идти. Мало ли что ей этот «исполин» в весе комара еще наговорит. С другой стороны, говорят они обычно после занятий — подожду, пожалуй, еще немного, заодно и очередной цирк с представлением ангелами людей пропущу.

Это ожидание ничуть не добавило мне симпатий к темным. Лучшую часть леса себе оттяпали, сами на доставку материалов напросились, доставка эта им максимально упрощена — и я уверен, что они сейчас специально время тянут, чтобы все их значимость прочувствовали. Я замахнулся ногой, чтобы пнуть что-нибудь — по ней дрожь прошла. А, это опять телефон! — Забирай, — коротко скомандовал Стас.

И отключился, не дав мне и слова сказать о саботаже темных.

Я с сомнением подошел к поваленному дереву. По-моему, вокруг него ничего не поменялось. Я все же пошарил под стволом рукой ... и тут же наткнулся на небольшой чемоданчик. В котором обнаружилась увесистая пачка листов бумаги с напечатанным на них текстом. Ладно, отдадим им должное, этим темным. Разумеется, передачу подпольной литературы лучше в невидимости совершать!

Я успел почти к самому началу Татьянинных занятий, устроился в аудитории позади нее и углубился в чтение. И больше уже ничего не видел и не слышал.

Чем дальше я читал, тем торжественнее становилась моя очередная клятва никогда, никогда больше не идти на поводу у Марины. После прочтения ее части я понял, почему она выдавила из меня отказ от редактирования. А также почему Тоша решил ... смягчить ... впечатление.

Но главное — я же просил в центр всех воспоминаний Игоря поставить! Как ни странно, только люди и прислушались. Им Марина мою просьбу как посылку передала — целиком, себе даже крохотной ее части не оставив? Ей обязательно нужно было человечество выпятить, в лице Татьяны, в каждом втором абзаце пиная ногами ангельское сообщество, в лице меня?

От Тоши я тоже такого нытья не ожидал. Казалось, должен был научиться под моим началом проницательности и трезвой оценке ситуации. Нет, я, конечно, знал, что Дарина именно на нем свой убийственный шарм начала оттачивать, но с какой стати каждый ее чих оправдывать мнимыми ошибками окружающих?

Кто-нибудь из них задумался, каково было Татьяне ежедневно находиться в обществе этого злобного монстра-наблюдателя, видеть его разрушительное воздействие на Игоря и быть совершенно не в состоянии что-либо сделать? Из всех моих соавторов один только Тоша с этим племенем напрямую сталкивался, так и ему вполне вменяемые экземпляры достались.

Я понял, что тоже одной частью на ограничусь. И даже двумя. Не дам я ни Татьяне, ни Игорю, ни всем остальным, если до этого дело дойдет, увидеть столь искаженный ее образ.

Кроме того, уже из первой части этих воспоминаний я узнал, сколько событий происходило в жизни Игоря за нашими с Татьяной спинами. Так вот пусть и он узнает, что в это время с нами, с Татьяной происходило. А также о том, что она его собой закрыла — не будет часть Стаса, со всеми заговорами, последней.

На следующий день я ушел с занятия на полчаса раньше и направился прямо в комнату Татьяны. Откуда и набрал Тошу.

— Когда допишете? — без всякого вступления спросил я.

— Еще пару дней, — торопливо ответил он. — Анабель уже свой текст прислала, Макс тоже закончил, Стас дописывает. Передаст, наберем — и сразу тебе.

— Я свои тоже передам, — также немногословно добавил я. — Через Макса.

— Почему через Макса? — спросил Тоша, и я понял, что Стас еще не ввел его в курс наших новшеств.

— Так быстрее будет, — уклончиво ответил я.

— А может, ты свои рукописными оставишь? — предложил он. — Так еще быстрее будет.

— Да нет уж, — усмехнулся я. — Это еще и для Игоря пишется — пусть он все и читает. И предупреждаю тебя: Марина сказала, что без редактирования, так чтобы никакого не было.

— А тебе уже можно звонить? — совсем робко поинтересовался Тоша. — Игорь совсем извелся.

Я попытался вспомнить, сколько дней длится мое наблюдение, и сбился со счета.

— Я ему сам позвоню, — пообещал я. — Сегодня.

Звонок я все же отложил. Во-первых, Татьяна с минуты на минуту должна была вернуться, а во-вторых, сейчас было намного важнее как можно скорее закончить воспоминания.

Я успел вернуться в аудиторию как раз, когда все уже начали расходиться. Убедившись, что бледная немочь снова игнорирует Татьяну и дождавшись, пока аудитория опустеет, я прошелся по всем столам Татьянинных соучеников, переполовинив запасы бумаги на них. И совесть меня не мучила. Если я у главы отряда карателей бумагу для своей первой части стащил... В конце концов, в родных пенатах я полное право на снабжение имею.

В пустой аудитории, без назойливого жужжания моего горе-коллеги и бурной активности его студентов, я еле успевал записывать нахлынувшие воспоминания. И настрой подходящий был — даже косвенное общение с Мариной всегда будило во мне боевой дух. И неловкость от того, что об Игоре забыл, помогла — многое я специально для него написал. В частности, как Татьяна всегда и от всех защищала его. Вплоть до самого конца. А потом вспомнилось, как били по ней приступы его дурного настроения...

Вот так и не сдержал я данное ему через Тошу слово — закончил писать на следующий день, уже когда новая лекция началась. И сразу же ушел, через комнату разгильдяя, которая прямо на дальний лес выходила, чтобы как можно быстрее все тексты на землю переправить. И найдя под поваленным деревом чемоданчик и сложив туда свои записи и Татьянин дневник, который всегда при мне был, позвонил Тоше и попросил его передать Макс, чтобы их побыстрее забрали. И пошел назад к Татьяне, набирая на ходу номер Игоря.

Вот сейчас, прямо на живом примере, я объясню ему, как приоритеты расставлять.

— У вас все в порядке? — заорал телефон после второго гудка.

— Ты чего орешь? — отозвался мой не до конца израсходованный боевой дух.

— А ты чего не звонишь? — ничуть не сбавил он тон.

— А ты почему не в институте? — перешел я в наступление, чтобы не отвечать.

— Так жду же! — опять не отступил он. — Твоего звонка. Ты же обещал! В институте Дара скажет, что я заболел, — чуть помолчав, добавил он уже спокойнее.

— А ты заболел? — тут же встревожился я.

— Да нет, — отмахнулся он от меня. — Что у вас случилось?

— Игорь, извини, — вспомнил я о родительском долге подавать хороший пример. — Я знаю, что обещал. Последние части дописать нужно было.

— А ты их уже передал? — оживился он.

— Да, — ответил я. — Сегодня, надеюсь, у вас будут. А что?

— Я Тоше обещал помочь с набором, — объяснил он, и, снова помолчав, добавил: — Но я и сам их прочитать хочу.

— Почему? — насторожился я. Когда это из мгновенного исполнения моих желаний что-то хорошее выходило?

— Я никогда не мог понять, — задумчиво ответил он, — как вы друг с другом уживаетесь...

— Да вот как-то уживались, — усмехнулся я. — Там, небось, все сейчас от меня отдыхают.

— Из того, что они написали, — продолжил Игорь, — я бы тоже так подумал. Но я вижу, как им всем тебя не хватает. Нам вас не хватает, — тут же поправился он, и вдруг спросил: — А ты тоже ... отдыхаешь?

— Я отдыхаю? — мгновенно взвился я. Чтобы не расчувствоваться.

— Я имею в виду, от всех, — уточнил он. — Включая меня.

— Значит так, — вернулся я к проверенному твердому тону. — Слушай меня внимательно. Я здесь возвращаю этих всех твоей матери. Включая и в первую очередь тебя...

— Не знаю, — перебил он меня, — может, так лучше, что она все забыла.

— Понятно, — вздохнул я от досады. — Чью часть прочитал?

— Макса, — неохотно признался Игорь. — И Анабель. И Тошины. Да всех! — вдруг почти выкрикнул он.

— И что? — спросил я. — Решил соответствовать написанному?

— Да при чем здесь... — прошипел он.

— Мои почитаешь, — не дал я ему закончить. — Кстати, дифирамбов там себе не жди.

— Что-то мне уже перехотелось читать, — буркнул Игорь.

— А там больше о твоей матери написано, — заметил я. — Ты это читай. А то вообразил, понимаешь, себя центром вселенной...

— Так я же в тебя пошел, — снова буркнул он.

— Чего? — рявкнул я.

— Пошутил, — быстро ответил он, и не удержался - прыснул.

— Пользуешься, да? — грозно поинтересовался я. — Моментом, да? Когда я до твоего уха дотянуться не могу, да?

— Нет, в ухе уже звенит, — открыто рассмеялся Игорь, и вдруг добавил: — Вот почему у нас по телефону получается разговаривать?

— А ты ложь по телефону не слышишь, — тоже пошутил я.

— А ты врешь? — резко спросил он.

— Нет, — успокоил я его. — Но ты этого не знаешь. И не препарируешь каждое мое слово, теряя их смысл. Ложь тоже разная бывает... — Я решил рискнуть. — Твоя мать, например, всех обманула, чтобы сюда попасть. Вопрос — ради чего?

— Что? — У него даже голос зазвенел.

— Почитаешь, — коротко ответил я.

— А она точно вспомнит? — тихо спросил Игорь.

— Естественно, — уверил я скорее себя, чем его, и вдруг замер. — Подожди...

Разговаривая с Игорем, я незаметно для себя добрался до круглого здания. И тут же увидел силуэт Татьяны между стволов деревьев. Это, что, к ней память возвращается? И именно с тех моментов, когда она на земле норовила из-под моего контроля ускользнуть? Я же впервые за столько дней совсем ненадолго отлучился! В полной уверенности, что усидчивость ее в комнате удержит.

— Что случилось? — встревоженно булькнул телефон.

Глянув на него, я вдруг вспомнил еще одно обещание, данное Игорю раньше. Вот и реабилитируюсь.

— Я тебе ее сейчас покажу, — негромко произнес я.

Телефон забулькал, как хороший соус на пороге готовности.

— Ни звука! — еще тише предупредил я, направляясь в сторону Татьяны.

Понаблюдав некоторое время за ее передвижениями, я выбрал ближайшее подготовленное дерево на ее траектории и пристроил в его коре телефон. Подумав, я все же для гарантии отключил звук. Может, Игорь и в меня пошел, но до моей выдержки ему еще далеко.

Мы вместе наблюдали за приближающейся Татьяной. Когда она прошла, я глянул на телефон, на экране которого Игорь отчаянно размахивал руками. Я понял — и мы еще раз вместе наблюдали за Татьяной с другого места. И еще раз. И еще много раз.

А потом у меня телефон разрядился. Я подключил его к аккумулятору и, дождавшись возможности вызова, позвонил Игорю, сказав, что с такими сеансами у меня никаких зарядок не хватит.

— Какая она красивая! — только и ответил мне Игорь.

— Все, иди и помогай набирать, — скомандовал я ему, и, спохватившись, добавил: — Только институт не пропускай!

— Один день болеть неприлично! — расхохотался он, и отключился, пока я воздух в легкие набирал.

Следующие несколько дней показались мне бесконечными. Сидя на лекциях позади Татьяны, я в прямом смысле каждую минуту считал: во время ежедневных прогулок по лесу, к которым она вернулась — каждый пройденный метр. Игорю я больше не звонил, чтобы не отвлекать его. Он набрал меня сам. К счастью, когда мы в лесу были.

— Готово, — выдохнул он. — Передали Максусу.

На радостях я устроил ему еще один показ его матери, бродящей по дорожкам с тем выражением светлой задумчивости на лице, от которого у меня всегда дыхание перехватывало. Показ, однако, оказался недолгим — перебегая к следующему дереву, я вдруг увидел на экране вызов от Стаса.

— Стас. Все. До связи, — сказал я Игорю, и переключился.

— Можешь забирать, — как всегда коротко бросил Стас, и я еще никогда в жизни не был так рад его немногословию.

Если бы в родных пенатах проводили соревнования по бегу, в тот день я бы точно установил рекорд. Мчась назад, однако, я решил установить еще один — в терпении. Очень не хотелось остаться единственным посвященным не во все детали нашей коллективной истории — особенно, в части Стаса. И отдышаться не мешало.

Пробегаая глазами страницу за страницей, я делал мысленные зарубки в памяти. С Тошей — благородно повысить его до звания ответственного за контакты с наблюдателями. С Максом — подробно обсудить отдельные термины, которыми он моего сына наградил. С Анабель — скрупулезно составить список знакомств, которыми Игорь с Дариной во Франции обзавелись. Со Стасом — настойчиво выяснить, кто конкретно отдал ему приказ на разработку нашей аварии. С Мариной — вежливо поинтересоваться, как могла она, знающая Татьяну чуть ли не с детства, не понять, что та задумала...

Свою, последнюю главу я перечитывать не стал. У меня и так перед мысленным взором стояли огромные глаза Татьяны за секунду до того, как она руль вывернула. Ее глаза, полные отчаянной решимости, просьбы о прощении, как я сейчас понял, прощения на всякий случай — и надежды. Надежды на меня.

Эта картина и дала мне силы провести разговор с Татьяной в спокойном и выдержанном тоне. Она всегда на меня надеялась — и у нее всегда были для этого все основания. Я сыграю любую роль, лишь бы снова рядом с ней оказаться. Вон видео-оператором уже за ней по лесу бегал, усмехнулся я.

Она согласилась прочитать наши воспоминания. Вежливо и отстраненно, но согласилась. Чуть оживившись при моем упоминании людей, но и только. Я вглядывался в ее лицо в поисках хоть мельчайшего следа более личного интереса — она держалась по-ангельски приветливо,

но невозмутимо. И я вдруг понял, что согласен даже на такое обезличенное общение. Если она все же не вспомнит.

Теперь оставалось только ждать.

К сожалению, все те же безликие они так не думали. Наверно, мой переход в видимость для разговора с Татьяной был все же зафиксирован.

На следующий день в голове у меня раздался уже почти забытый и оттого еще более отвратительно жизнерадостный голос оператора мысленной связи.

— Добрый день! Ваш руководитель приглашает Вас на встречу, — прощебетала она.

— Когда? — растерялся я от неожиданности.

— Через полчаса, — ответила она.

— Извините, а можно через пару дней? — спросил я без особой надежды. — Я еще ... думаю.

— К сожалению, время встречи не может быть изменено, — последовал ожидаемый ответ.

Я трижды проклял себя за потерю бдительности. Ну ладно, засекали они меня, но мог же не отвечать — пусть потом доказывают, что я вызов слышал. Теперь же делать было нечего. Не откликнуться на прямой вызов своего руководителя было немыслимо. Ладно, ничего, Татьяне все равно хоть пару дней нужно, чтобы все прочитать — успею.

Добравшись до административного здания, я, однако, засомневался в этом. Перед входом в него оказался пост. Настоящий пост с тремя внештатниками, надежно блокирующими дверь. Телефон! Я выключил его, решительно вспомнив все случаи, когда я перед лицом куда более серьезных оппонентов выкручивался. Эти на земле появляются только для того, чтобы собратьям руки заламывать и пред ясные очи вышестоящего начальства их доставлять.

Они действительно досмотрели меня — даже по карманам и бокам обхлопали. И телефон, конечно, нашли.

— Это что? — спросил один из них, хмуро вертя в руках мою единственную связь с землей.

— Сувенир с земли, — небрежно бросил я.

— А что он делает? — подозрительно прищурился внештатник.

— На земле текстовые сообщения передает, а здесь — ничего, естественно, — пожал я плечами.

— Тогда зачем он Вам? — Он продолжал пристально смотреть на меня.

— Говорю же, сувенир, — терпеливо объяснил я. — Бумаги им придавливаю.

Внештатник начал нажимать на все кнопки подряд. К счастью, быстро.

— У меня вообще-то через шесть минут встреча с руководителем, — словно между прочим обронил я.

— А это что? — кивнул внештатник на часы.

— Часы, — не стал больше ничего придумывать я. — Время показывают.

— Зачем? — снова спросил он.

— Чтобы не опаздывать, — с нажимом произнес я, и сунул ему свое запястье под нос. — Вот, уже пять минут осталось.

Он молча вернул мне телефон и отступил в сторону, открыв дверь. Как только я шагнул внутрь, она за мной захлопнулась. Очень не понравился мне этот звук.

Но раздумывать было некогда. Я рванул на наш этаж и, поставив еще один личный рекорд по бегу, точно в указанное время постучал в дверь кабинета своего руководителя.

Понятно, подумал я, входя — я все еще не в фаворе. И на этот раз перед столом моего руководителя никакого места для сидения не оказалось. Не говоря уже о кресле.

— Я слушаю Вас, — сказал я, поздоровавшись и подойдя к его столу.

— Это я Вас слушаю, — ответил он, глядя на меня поверх сложенных домиком пальцев.
— Что Вы решили?

— Честно говоря, я хотел бы еще подумать, — решил я еще раз испытать свою удачу.

— Вам было дано достаточно времени, — ответила она голосом моего руководителя.

— Тогда, — медленно произнес я, — лучшим решением мне кажется переквалификация.

Мой руководитель молчал некоторое время. Наконец, он опустил руки и положил их перед собой на стол.

— Вы хорошо все взвесили? — спросил он, глядя на свои руки.

— Нет, — честно ответил я. — Но если у меня нет больше времени...

— Хорошо, — перебил он меня. — Какое подразделение Вы выбрали?

М-да, хоть бы для вида попытался отговорить меня, показал, что не хочет ценного сотрудника терять.

— Я хотел бы пройти стажировку во всех подразделениях, — четко и отдельно произнес я.

Он снова поднял на меня глаза. И брови вместе с ними.

— В процессе стажировки я смогу точнее определить, где буду более полезен, — объяснил я.

В глазах моего руководителя снова что-то мелькнуло. Как в тот первый раз. Когда он уклонился от ответа на вопрос, запрещено ли мне видаться с Татьяной. Интересно. Может, он рассчитывает на приобретение двух ценных сотрудников вместо потери одного?

— И я хотел бы еще спросить, — снова заговорил я, глядя на него в упор. — Если подходящего места для меня не найдется, я хотел бы вернуться.

— Почему Вы решили, что сможете вернуться? — спросил он, встретив мой взгляд с равной настойчивостью.

— Вполне может оказаться, — быстро ответил я, — что я все же больше пользы здесь принесу. С собой.

— Пока не вижу предмета для разговора, — проговорил он, отводя взгляд и берясь за ручку и лист бумаги. — С какого подразделения Вы хотите начать? Я сегодня же издам распоряжение о Вашем переводе.

По-моему, он как-то говорил, что моя эксцентричность его больше не шокирует. Что к ней уже все привыкли. Что она ... как там было?.. свежее дыхание вносит? Сейчас проверим.

— Я хотел бы начать с того подразделения, где будет обучаться последняя из прибывших группа новичков, — выложил я карты на стол.

Так, это он от моей эксцентричности отвык за столько лет или это она у меня за тот же период времени пропорционально увеличилась?

— Вновь прибывшие Ангелы проходят ознакомительный курс в обучающем центре, — почти воскликнул мой руководитель. — Полноценные Ангелы, после выбора профессии, стажировются непосредственно в подразделениях.

Э нет, это не моя эксцентричность, а его изумление нарочито преувеличено. Это он опять, что ли, как бы случайно, от потрясения проговорился?

— У меня ознакомительный курс очень давно был, — не соврал я ни единым словом. — Я хотел бы стажировку с самых азов пройти.

— Зачем? — коротко спросил он, снова уставившись на меня немигающим взглядом.

Так, понятно — карты на стол я выложил, только рубашкой вверх. Сейчас исправим.

— Я буду работать в том подразделении, которое выберет моя жена, — просто объяснил я.

— Она Вам больше не жена, — быстро отреагировал мой руководитель.

Слишком быстро. Он мне опять словно что-то подсказывает. Что? Что карты на столе — это красиво, но тузы лучше в рукаве держать?

— Значит, будет ею, — решительно произнес я.

— Почему Вы в этом так уверены? — с искренней, похоже, заинтересованностью спросил он, чуть поведя глазами вправо.

Вот туда я и ответил, не глядя, правда. Громко и отчетливо. Чтобы ни у кого никаких сомнений не оставалось.

— Потому что однажды она меня уже выбрала. Значит, выберет и еще раз. Даже если все забыла. Я просто заново с ней познакомлюсь.

В глазах моего руководителя мелькнула непонятная усмешка. На мгновение. Перед тем, как он опустил глаза на лист бумаги на столе и скептически поджал губы.

— О решении Вам сообщат по рассмотрении моей докладной записки, — отпустил он меня кивком головы.

Отлично, подумал я, вылетая из его кабинета, пусть рассматривают вдумчиво и внимательно. Хорошо бы как минимум три-четыре дня. Чтобы Татьяна дочитать успела. А там, глядишь, и не придется нам во всех подразделениях стажироваться.

Я скатился на этаж администраторов, распахнул дверь на волю ... и чуть не врезался во внештатника, стоящего на ее пороге. Я дернулся вправо, потом влево — он в точности повторил мои движения. После чего протянул мне руку ладонью вверх. У нас, что, деньги в мое отсутствие появились? А почему только за выход платить нужно?

— Пропуск, — снизошел до меня внештатник.

— Какой пропуск? — Мне показалось, что я ослышался.

— С указанием места назначения и цели пребывания там, — оттарабанил он, как робот.

— У меня нет ограничений в перемещениях, — принял я максимально надменный вид. — Особым пунктом оговорено.

— А мы Вас и не ограничиваем, — язвительно усмехнулся он. — Вон там, — ткнул он указательным пальцем мне за спину.

Я машинально обернулся, и он, чуть подавшись вперед, захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

Ногу я остановил уже в замахе. Может, я и выбью эту дверь, и с ними, пожалуй, справлюсь, но у них же подкрепление этажом выше расположилось — далеко я от них на хромой ноге уйду?

Кроме того, недавний опыт общения с внештатниками возле этажа Стаса напомнил мне, что с ними всегда проще действовать обходными путями, а не грубой силой. Ее они ожидают. А вот рейда в свой тыл — нет.

Я поднялся к ним на этаж и чуть потянул на себя входную дверь. Она легко открылась, и я увидел... Сначала отсутствие поста. А потом совершенно другой пейзаж. У нас, что, этажи не только вверх и вниз, но и во все стороны уходят? А где гарантия, что они еще где-то между собой соединяются?

Оставалась одна надежда — на Стаса.

Но, похоже, повышенные меры предосторожности теперь для всех строго обязательны. Я широко распахнул входную дверь на этаже внештатников, шагнул наружу, мгновенно перешел в невидимость и инвертировался — и проскользнул назад в здание, дав двери свободно закрыться. И пошел вниз, к Стасу.

Интересно, а почему у него на этаже двери наружу нет? Его костоломы прямо на земле, что ли, стажируются? При мысли о костоломах заныла рука, заломленная их главой не так давно. Нет, не пойду я к нему. Его прошлое намерение отдать меня внештатникам приобрело слишком реальные очертания.

Вернувшись на пол-пролета вверх, я вытащил телефон и включил его.

— Ну, у тебя и чутье! — восхищенно воскликнул Стас, сразу же сняв трубку. — Сам тебе звонить собирался.

Я поздравил себя с проявленной предусмотрительностью. Выбирать между мрачным и довольным Стасом я предпочитаю на расстоянии.

— Подожди, — остановил я на всякий случай его комплименты. — Ты о пропусках знаешь?

— Знаю, — тут же помрачнел он. — Для всех, без исключения, до особого распоряжения.

— А можешь мне выписать? — спросил я.

— Не могу, — разбил он мою последнюю надежду. — Ты же не в моем отряде.

— А если я к тебе перейду? — тут же родилась у меня следующая.

— Нет! — рывкнул он так, что у меня от телефона голову отбросило. — Не надо. Я хочу жить спокойно. Или хотя бы так, как сейчас. Мне головной боли хватает с тобой на дальней орбите. А с какого это перепуга ты ко мне собрался? — соизволил, наконец, поинтересоваться он.

Я рассказал ему о своем разговоре с руководителем. Он заставил меня повторить некоторые части его во всех подробностях.

— Интересно-интересно, — протянул он наконец. — Я чего тебе звонить-то собрался. Похоже, у Татьяны вводный курс заканчивается. Мне велено пару ребят откомандировать в тренировочный павильон, для инструктажа молодняка.

— Стас, выпусти меня отсюда! — взмолился я.

— Не могу, — с досадой повторил он. — Но думаю, пара-тройка дней еще есть в запасе. И еще мне кажется, — задумчиво добавил он, — что за это время получишь ты и разрешение, и пропуск.

— Почему? — нахмурился я.

— Потом расскажу, — отмахнулся он.

И это после того, как я ему только что все свои новости как на духу выложил?

— А ты поторопить их не можешь? — решил я потребовать ... попробовать потребовать компенсацию.

Он помолчал какое-то время. Я затаил дыхание.

— Нет, не могу, — решил он все-таки добить меня. — Я и так сейчас во все стороны копаю, не знаю, сколько это еще незамеченным оставаться будет. Потом расскажу, — снова рывкнул он, хотя я еще и рта не успел открыть. — Подожди пару дней, если ничего не ответят, подключусь.

Те дни возле Татьяны, когда я ждал прибытия последней части наших воспоминаний, только казались мне бесконечными. Минут в бесконечности оказалось намного меньше, чем секунд, которые я сейчас считал.

Мое очередное неосторожное пожелание, чтобы решение о моем переводе рассматривалось три-четыре дня, было, разумеется, услышано и принято во внимание. Как выяснилось, мне даже навстречу пошли, даровав верхний предел запрошенного срока.

Я провел эти дни в засаде возле выхода к Татьяне. Дважды пытался прорваться — со счастливыми, обладающими пропусками. И оба раза ничего не вышло. Повторяю: ничего не вышло. У меня! Внештатники встречали каждого выходящего, стоя перед ним уступом, и с этими двумя будками по бокам, нужно было быть ужом, чтобы проскользнуть между ними. Мог бы, я бы в гадюку превратился — яда у меня на всех троих хватило бы!

Когда в голове у меня раздался голос оператора, дослушал я ее сообщение уже под дверью своего руководителя. Был там какой-то срок или нет? Не важно!

— Вы, однако, умеете быть оперативным, — сдержанно заметил мой руководитель, вскинув голову, когда я ввалился в его кабинет.

— Да так ... получилось ... мимо ... проходил... — ответил я, хватая ртом воздух.

Без единого слова он протянул мне какие-то бумаги. Я глянул на них, ничего не видя — строчки плыли перед глазами. Также молча, я вопросительно глянул на него.

— Ваше командировочное удостоверение в обучающий центр, — сжалился он надо мной. — Пропуск для выхода в его распоряжение. Разрешение на проведение исследовательской работы.

— Какой работы? — оторопел я.

— Но Вы же не думали, — вскинул он бровь, — что Ваша беспрецедентная просьба ... очередная ... будет удовлетворена без встречных условий?

О нет, так я не думал, даже когда был еще молодым и наивным. Впрочем, мое представление о беспрецедентности сводилось тогда всего лишь к работе на земле в видимости. Святые отцы-архангелы, я действительно был таким скромным?

— Вам придется поработать для аналитического отдела, — не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, продолжил мой руководитель.

— Какого отдела? — повторил я, как абсолютно безмозглый попугай.

— Аналитического, — терпеливо, именно как такому попугаю, повторил он. — По окончании каждого курса в каждом подразделении Вы будете составлять отчет о прогрессе каждого из стажеров. Этим также занимаются и инструкторы, но их мнение нельзя назвать непредвзятым, и аналитический отдел заинтересовался возможностью получения взгляда со стороны.

Честно говоря, я понятия не имел, что он от меня хочет, но мне было совершенно, абсолютно все равно. К Татьяне пустите — а там я вам понаисследую все, что хотите! Я душевно поблагодарил своего руководителя за удовлетворение моей просьбы, продемонстрировал должный трепет от оказанного доверия и заверил его, что приложу все возможные усилия, чтобы оправдать это высокое доверие. Отступая при этом к двери мелкими шажками.

— И еще одно, — остановил он меня, когда я был уже одной ногой в коридоре. — Я желаю Вам успеха на новом поприще, каким бы оно ни оказалось. Если же оно вдруг не принесет Вам удовлетворения, мы, пожалуй, сможем взять Вас обратно.

У нас беспрецедентность в норму, что ли, вошла в мое отсутствие? Растерявшись от столь неожиданного напутствия, я просто кивнул и окончательно вышел из его кабинета.

Рывком распахнув дверь на свободу, я с ходу сунул под нос внештатнику свой пропуск. Он прочитал его. Дважды. Подозрительно окинул меня взглядом с головы до ног. И наконец, дернув уголок рта, неохотно отступил в сторону.

Проходя мимо него, я намеренно подвернул ногу и со всего размаха въехал ему плечом в корпус.

— Ох, простите! — забормотал я, добавив ему еще и руками, с виду вцепившись в него, чтобы не упасть. — Нога онемела. От долгого стояния.

Двое других дернулись было ко мне, но я уже выпрямился и, проходя мимо них, бодро гаркнул: «Удачной службы!». Они замерли, озадаченно хлопая глазами. Вот я же говорю: на все, кроме грубой силы, рефлекторная реакция у них отсутствует.

Пройдя шагов десять неспешным, уверенным маршем, я инвертировался, перешел в невидимость и побежал так, как будто за мной весь их отдел гнался.

В лесу возле круглого здания Татьяны не оказалось. Не могла она еще не прочитать! Я был уверен, что с ее ответственностью, она меня уже поджидает — чтобы либо на шее повиснуть, либо вежливо сообщить... Нет, последнее вычеркнуть!

Я бросился к ее комнате, снеся пару веток на кустарнике и даже не заметив этого. В комнате ее тоже не было. И книг тоже. И вообще никаких следов ее пребывания. Неужели их уже перевели?

Я выскочил из ее двора, по пути еще немного расширив вход в него, и принялся лихорадочно оглядываться. Ага, в глубине, среди деревьев, чуть ближе к человеческому лесу, что-то виднеется. Явно не природного происхождения. Наверно, павильоны, подумал я уже на бегу.

Увидел я Татьяну, как только влетел в лес. И автоматически ступил за дерево. Как-то страшно вдруг стало. Вот сейчас у меня еще есть надежда. Сейчас я еще могу вычеркивать, отбрасывать, отвергать мысль, что у меня ничего не вышло...

Она шла вдоль опушки из дальнего, человеческого леса — быстрее обычного. Так же необычно она оглядывалась по сторонам, и на лице у нее было довольно мрачное выражение, которого я здесь еще ни разу у нее не видел...

Так и будешь здесь прятаться и гадать о его причине, язвительно спросил я себя. До конца вечности?

Я вышел из-за дерева и направился ей навстречу. Медленно. Всматриваясь в нее и собираясь с силами.

Увидев меня, она тоже замедлила шаг. Лицо ее расправилось и заиграло приветливой улыбкой. У меня сердце упало.

— Здравствуйте, Ангел! — дружелюбно произнесла она, остановившись прямо передо мной. — Я очень рада снова Вас видеть!

Она не вспомнила! Она ничего не вспомнила! Сейчас она вежливо сообщит мне, что история оказалась довольно интересной... Я замер на месте, бросив все силы на подавление отчаяния.

Вдруг в глазах ее — на обращенном ко мне и в меру оживленном лице — вспыхнули две молнии.

— Ты что здесь, гад, делаешь? — слетело с ее губ, растянутых в жизнерадостной улыбке, яростное шипение. — Где Игорь?

ГЛАВА 8. Освобождение

Мне говорили, что ангелу не пристало испытывать раздражение.

Мне намекали, что с этим чувством нужно бороться, подавлять его как пережиток несовершенной человеческой жизни.

Мне практически внушили, что это чувство — естественная реакция моей новой натуры на цепляющиеся остатки смутных воспоминаний, которые следует оставить в прошлом.

Мне дали понять, что мой ангел, все это время пытавшийся пробиться ко мне через всю эту паутину лжи — всего лишь орудие проверки успешности моего преодоления непристойной эмоции.

Замечательно. Я ее преодолела. Я избавилась от раздражения. Его место заняла ярость.

Еще тогда, в самом начале, мой ангел предупреждал меня, что при переходе в заоблачные выси человека лишают воспоминаний. Ненужных воспоминаний, подчеркивал он. Я не додумалась тогда спросить его, кому не нужных.

Тень не освободили от явно тяжелой памяти о его земной жизни — во всех ее мельчайших подробностях, судя по его рассказам.

Марину, отправив ее по второму разу последнюю жизнь на земле проживать, не избавили от мрачных картин предыдущей, раз за разом всплывающих в ее памяти.

Меня лишили всего. И у меня не было практически никаких сомнений, почему.

Я рассталась навсегда со своими человеческими друзьями, даже не попрощавшись.

Я нанесла страшный удар своим родителям, даже не поблагодарив их за все, что они для меня сделали.

Я оставила своего сына один на один с его надсмотрщиком, даже не объяснив ему причину.

Я подвела моего ангела под обвинение в несоответствии требованиям его любимой работы, даже не извинившись заранее.

И все для того, чтобы лично встретиться наконец-то с этими небесными вершителями судеб и по-хорошему поговорить с ними о судьбе своего сына.

Они уничтожили это намерение вместе со всеми моими воспоминаниями.

Замечательно. Не хотят по-хорошему, будем импровизировать, как всегда делал мой ангел.

Нет, не будем — буду. Когда мой ангел импровизирует, это всегда скандалом заканчивается.

И что он здесь вообще делает? Судя по тому, что он здесь то и дело появляется, от расследования он опять как-то отвертелся. Или отделался минимальным наказанием. Но его место сейчас на земле, рядом с Игорем. Или ту аварию все же довели до изначально намеченного конца? Моему сыну память тоже уничтожили? Куда его потом дели? Если сюда, то где его держат? Если нет...

Я обхватила голову руками, запретив себе даже думать дальше.

Я не могла получить ответ ни на один свой вопрос. Мой ангел исчез. То часами передо мной трюки свои выделывал, а то как в воду канул. Я снова чуть не застонала — вот лезла же вода все время в голову, как только он появлялся, как я могла не вспомнить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.